РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

2(67)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Уроки модернизаций в России
Lessons of Modernizations in Russia

Кризис и антикризисная политика
The Crisis and Anti-Crisis Policy

Экология и бизнес
Ecology and Business

ЕС и Россия: Проблемы энергетики
The EU and Russia: Energy Problems

Советское государство и асоциальные элементы
The Soviet State and Asocial Elements

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2010

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *Л.П. Делюсин* – доктор исторических наук, профессор, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.И. Шаншиева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Редактор-консультант *И.Л. Беленький*
Старший редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75 **Россия и современный мир** = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Ред. колл.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2010. – ISSN 1726-5223. – № 2(67). – 244 с.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726-5223
© ИНИОН РАН, 2010

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В.Л. Иноземцев
История и уроки российских модернизаций 6

Т.А. Агапова
Экономический кризис в России и результативность государственной антикризисной политики 19

Е.Я. Виттенберг
Экологическая ответственность российского бизнеса 31

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Н.И. Бухарин
Преобразования в странах Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы: Достижения и проблемы 49

В.И. Волошин
Россия – ЕС: Жесткий прессинг энергодиалога 65

Ю.А. Сафонова
Новая энергетическая политика Европейского союза: Перспективы для «Новой» Европы 83

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

V.L. Inozemtsev
The History and Lessons of Russian Modernizations 6

T.A. Agapova
The Economic Crisis in Russia and the Effectiveness of the State Anti-Crisis Policy 19

E.Ya. Vittenberg
Ecological Responsibility of the Russian Business 31

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

N.I. Bukharin
Transformations in the Central European and East European Countries: Achievements and Problems 49

V.I. Voloshin
Russia and the EU: The Hard Press of the Energy Dialogue 65

Yu.A. Safonova
A New EU Energy Policy: Prospects for «New Europe»? 83

П.В. Гуничев, Э.К. Хижный
Теневая экономика и скрытая занятость в странах ЗападнойЕвропы (1995–2005 гг.) 99

М.Н. Арбатская
Национальная идея в национальных девизах 113

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.Г. Кедров
Сталинизм и крестьянство: Социокультурный анализ 124

Е.Ю. Зубкова
На «задворках» советской повседневности. Особенности государственной политики по отношению к социальным аномалиям и девиантным группам населения. (1945 – середина 1960-х годов) 138

СООБЩЕНИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

А.Г. Донгаров
СССР и страны Прибалтики (август 1939 – август 1940 г.) 157

А.А. Сальникова
Советское, постсоветское и национальное в татарском букваре «Алифба» (конец 1980-х – 2000-е годы) 169

А.В. Кива
Китай и Россия: Разные цивилизации, разные реформы 180

P.V. Gunichev, E.K. Khizhny
The Shadow Economy and Hidden Employment in the West European Countries (1995–2005) 99

M.N. Arbatskaya
National Ideas in National Mottos 113

PHENOMENOLOGY OF THE SOVIET SOCIETY

N.G. Kedrov
Stalinism and the Peasantry: A Socio-Cultural Analysis 124

Ye.Yu. Zubkova
In the Backyard of Soviet Everyday Life (peculiarities of the state policy toward social anomalies and deviant groups of population, 1945–mid–1960's) 138

COMMUNICATIONS. REFLECTIONS. COMMENTS

A.G. Dongarov
The USSR and the Baltic States (August 1939 – August 1940) 157

A.A. Salnikova
The Soviet, Post-Soviet and the National in the Tatar ABC Book «Alifba» (the end of the 1980's – 2000's) 169

A.V. Kiva
China and Russia: Different Civilizations, Different Reforms 180

О.В. Бессчетнова
Жизненный кругозор и ценности учащейся молодежи (Опрос в Саратовской и Волгоградской областях) 194

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Г.Н. Василевич
Новая жизнь Пушкинского заповедника 200

П.М. Шульгин
Древний Болгар – уникальная историко-культурная территория на карте России 208

Т.В. Соколова
Новая экономическая ассоциация 216

С.А. Ситарян
Международная академия менеджмента 221

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Халлер М.
Европейская интеграция как проект для элиты 226

Веркулон Т.
Сырье, международное регулирование и государства-рантье 229

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА 233

O.V. Besschetnova
Life Outlook and Values of Young Students (Polls in Saratov and Volgograd provinces)

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

G.N. Vasilevich
A New Life of the Pushkin Memorial

P.M. Shulgin
Ancient Bolgar – An Unique Historical and Cultural Territory on the Map of Russia

T.V. Sokolova
The New Economic Association

S.A. Sitaryan
The International Academy of Management

SURVEYS. DIGESTS

Haller M.
Die Europäische Integration als Elitenproekt

Vercoulon Th.
Matières premières, régulation internationale et Etats rentier

SUMMARIES

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В.Л. Иноземцев

ИСТОРИЯ И УРОКИ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ

Иноземцев Владислав Леонидович – доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества.

По мере того как модернизация становится в России чуть ли не основным предметом обсуждения как в околополитических, так и в научных кругах, вопрос о ее неизбежности отнюдь не выглядит решенным. Напротив, все чаще приходится сталкиваться с сомнениями относительно судеб очередной попытки модернизировать страну, которая, если обратиться к истории, «модернизировалась» намного чаще других держав, но всякий раз – раньше или позже – отставала и вновь сталкивалась с необходимостью модернизации.

Оценивая перспективы очередной российской модернизации, следует прежде всего понять, что такое модернизация. На мой взгляд, ее разнообразные трактовки не должны скрывать фундаментального обстоятельства: модернизация – это процесс, целью и результатом которого является превращение ранее отставшей и «запутавшейся в себе» страны в социум, который может развиваться на естественной основе, свободно конкурируя с остальными членами международного сообщества и по мере необходимости переходить (желательно ненасильственным и органичным образом) от одного политического режима к другому. Иначе говоря, успешная модернизация – это политическое и экономическое усилие, устраняющее необходимость своего повторения в будущем и открывающее путь гармоничному развитию. Если быть предельно кратким, успешная модернизация – это та, которая лишает общество любой потребности в каких бы то ни было последующих модернизациях.

Много ли известно истории подобных модернизаций? Единицы. Среди самых успешных можно назвать масштабную модернизацию, которая произошла в Соединенных Штатах Америки после Гражданской войны 1861–1865 гг. и привела к формированию современного американского государства. Нельзя не отметить модернизацию Германии конца XIX столетия, в

конечном счете сделавшую эту страну – к счастью и несчастью – центральным элементом всей европейской конструкции. Можно упомянуть модернизацию Японии после Второй мировой войны, превратившую страну в одного из экономических лидеров современного мира и, при всей условности подобной трактовки, в элемент западной цивилизации. Есть основания говорить об успешности модернизации Бразилии, начавшейся в 1960–1970-х годах, и (с некоторой долей условности) о многообещающей модернизации Китая.

Само понятие модернизации, предполагающее «осовременивание» страны, не позволяет применить его к стабильно развивающимся передовым державам. Стремительное развитие американской экономики в 1990-е годы, например, никто не называет модернизацией, хотя масштаб перемен, происшедших в этот период, был сравним с важнейшими экономическими революциями предшествующих столетий. Модернизации – удел отстающих экономик, и они бывают тем успешнее, чем серьезнее их отставание и чем очевиднее его осознание представителями правящего политического класса. Поэтому в общей форме можно говорить о том, что модернизации – это инструмент выхода из экономического и политического тупика, а достижение предела возможностей предшествующей системы – их обязательное условие.

При этом очевидно, что осознание тупиковости ситуации может принимать как элитарный, так и массовый характер и, соответственно, выход из него может оказываться как реформаторским, так и революционным. Различия между ними относятся скорее к форме, нежели к результату – нередко случалось так, что реформы приносили куда большие результаты, чем революции, хотя поначалу и выглядели малообнадеживающими, а революции вырождались в застой, хотя с ними связывались почти беспредельные надежды.

Завершая эту вводную часть, отмечу еще раз: модернизации – удел отстающих обществ; они случаются по мере того, как элиты этих обществ или народные массы осознают масштабы отставания от передовых стран или глубину застоя. Задачей модернизации является вывод общества на траекторию естественного развития, и одной попытки модернизации почти всегда оказывается недостаточно для достижения этой принципиальной цели.

Российская история

Россия – страна уникального модернизационного опыта. Ни одно другое государство не поднималось так высоко в мировой экономической и политической «табели о рангах», чтобы затем упасть очень низко, и тем более ни одна страна не проделывала это последовательно столько раз, сколько Россия.

Если не уходить слишком далеко в историю, можно начать с середины XVII в., когда Россия стала медленно оправляться после Смуты и восстанавливать свой военный и экономический потенциал. На протяжении полувека

страна постепенно накапливала силы для перемен, реформировала армию и впитывала западный опыт (к 1667 г., когда Россия сокрушила самого сильного из своих противников, Речь Посполиту, «полки нового строя», вооруженные и обученные по европейским канонам, составляли более половины армии). Все это создало почву для Петровских реформ, которые, хотя и были проведены, как это часто подчеркивают, «варварскими методами», тем не менее вывели Россию в число самых значимых европейских держав. В этот период экономические перемены внутри страны не слишком сильно проявились вовне: Россия и после Петра I оставалась экспортером пушнины, строевого и корабельного леса, пеньки, воска и меда; но при этом заработали мануфактуры, выпускавшие металл, ткани и одежду, военное снаряжение и т.д. К началу 1730-х годов Россия подошла мощной державой с крупнейшей в Европе армией, новой столицей, выходом к морям, европейской бюрократией и многонациональной амбициозной политической и военной элитой.

Процесс быстрого развития и возрастания мощи продолжался с перерывами около 100 лет, завершившись к началу XIX в.; его апофеозом стала победа в войне 1812–1814 гг. и превращение России в одну из трех могущественнейших держав Европы. К началу XIX столетия Российская армия численностью более 700 тыс. человек была одной из самых мощных и оснащенных, а объемы производства стали, тканей и многих других видов товаров выросли по сравнению с серединой XVIII в. в 2,2–3,8 раза. Однако экономическая и технологическая модернизация натолкнулась на невозможность проведения социально-политических реформ и исчерпала себя уже в первые годы XIX в. Последовавшие события – оформление Священного Союза, деятельное участие в подавлении многих европейских революций, и, как финал, поражение в Крымской войне 1855 г. – впервые в нашей истории со всей очевидностью продемонстрировали *«личностный»* характер российской модернизации: есть модернизатор – есть модернизация; нет модернизатора – не следует ждать и попыток организации перемен.

Тупик середины XIX в., как и тупик первой половины XVII столетия, в конечном счете вызвал к жизни новых модернизаторов – от Александра II до Витте и Столыпина, но на этот раз модернизация пошла несколько дальше. Помимо прежнего основания – копирования европейского опыта и разворота «лицом к Европе» – она была обогащена некоторыми социальными и политическими изменениями: отменой крепостного права в 1861 г. и учреждением Государственной думы в 1907 г. Экономические успехи не заставили себя ждать: темпы экономического роста в 1901–1913 гг. составляли 3,2–4,5% в год, а промышленность развивалась еще быстрее. С 1890 по 1913 г. производство стали в России выросло в 5,1 раза, добыча нефти – в 2,6, угля – в 3,4, производство тканей и текстильных изделий – в 2,9, а совокупное энергопотребление – в 5 раз. Россия стремительно интегрировалась в мировую эконо-

мику: объем внешней торговли достиг 8,6% ВВП, а инвестиции из-за рубежа в 1905–1912 гг. обеспечили до 30% совокупных вложений в основные фонды. К началу Первой мировой войны на Россию приходилось 8,2% мирового промышленного производства. С учетом того что политическая верхушка, а также предпринимательская и интеллектуальная элиты осознали возможность эволюционных перемен не только в экономике, но и в социально-политической сфере, шансы на продолжение взятого курса были куда большими, чем в начале XIX в., однако ход событий был нарушен Первой мировой войной и двумя революциями 1917 г.

«Новый круг» был начат в середине 1920-х годов, когда советская экономика выглядела разрушенной даже на фоне европейских государств, дела у которых шли в то время тоже не блестяще. И снова страна пошла по пути радикальных технологических заимствований, в очередной раз подтвердив, что такой вариант сокращения отрыва от лидеров является весьма эффективным. Даже те, кто подвергает обоснованным сомнениям официальную статистику результатов сталинской индустриализации, вынуждены признать, что промышленность Советского Союза сделала огромный рывок, а инфраструктура получила невиданное ранее развитие. Более того, именно в этот период был не только достигнут технологический паритет со многими европейскими государствами, но и удалось на некоторых направлениях вырваться вперед: уже в 1930-е годы советское авиастроение стало лучшим в мире. Этот курс в значительной мере был продолжен и в последующие десятилетия, вплоть до начала 1960-х годов: СССР сумел отлично показать себя в развитии оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны, добился паритета или лидерства в программе ядерных исследований, стал пионером освоения космоса. Разрыв в производительности советской и американской экономики в начале 1960-х оказался минимальным за всю историю (хотя и выражался весьма внушительной цифрой в 2,7 раза), но с середины 1970-х годов он начал расти. И всего двух десятилетий оказалось достаточно для того, чтобы «новая» Россия оказалась на экономической периферии.

Какие выводы можно сделать из этих «кругов» в российской модернизации?

Во-первых, каждая из модернизаций была спровоцирована своеобразным «тупиком» в развитии страны – причем всякий раз осознание такого тупика приходило в результате не внутренних событий, а толчка извне. История – от допетровской до самой недавней – показывает, что, будучи предоставленной самой себе, Россия способна долго стагнировать в своем экономическом и политическом развитии, не поднимаясь до усвоения новых задач и целей. Поэтому важнейшим катализатором российских модернизаций становилась в некоторых случаях конкуренция, а в большинстве – угроза, исходившая извне (практически всегда со стороны Европы). Российские модернизации поэтому всегда оказывались догоняющими – даже в том случае, если на излете

они производили результаты, на короткий период выводившие страну в лидеры. Именно *ощущение отставания и нетерпимость такового становились главным толчком российских модернизаций*. Вне кризисных ситуаций модернизации не осуществлялись.

Во-вторых, каждая из модернизаций по отмеченной выше причине носила крайне ограниченный и внутренне противоречивый характер. С одной стороны, стремление преодолеть отставание не обязательно предполагало превращение в лидера – именно поэтому модернизации затухали при некотором приближении к «нормальному» (но не исключительному) уровню. На протяжении XVIII–XIX вв. Россия никогда не становилась, несмотря на ее размеры и потенциал, ведущей европейской экономикой. С другой стороны, именно эти размеры и потенциал играли со страной злую шутку: ее элита практически всегда ощущала себя властителем главной европейской державы, что порой снижало уровень задач, которые она ставила перед собой. Только в XX в. большевики впервые сформулировали цель обеспечения глобального лидерства, подкрепленную масштабными идеологическими построениями, но оказалось, что эта цель недостижима. Таким образом, *Россия никогда четко не определяла задач модернизаций; элиты смутно осознавали, от чего они хотят уйти, но не могли сформулировать «образа желаемого будущего»*.

В-третьих, все российские модернизации были не только «элитистскими», как и многие другие, но призваны были служить процветанию и укреплению тех элит, которые их инициировали. Между тем практика показывает, что по мере успеха модернизаций инициировавшие их группы теряют власть, а в худшем случае даже устраняются. В России эта закономерность также проявилась, пусть и не сразу, но при этом каждые новые модернизаторы были уверены, что их-то она не затронет. Можно проследить два крупных «двойных цикла» российских модернизаций. Первый (1695–1917) состоит из фазы продолжительного успешного развития, не только не угрожавшего системе, но даже укреплявшего ее (1698–1815), и фазы более короткой, на протяжении которой перемены стали подрывать стабильность системы, порождать противоречия и конфликты, и, наконец, привели к ее краху (1861–1917). Между этими фазами лежал период застоя и неопределенности, в ходе которого накапливались признаки «застойности» и приближения тупика. Второй «двойной цикл» также состоял из периода развития, в целом укреплявшего систему (1921–1964) и новой попытки рывка, приведшего в конечном счете к ее краху (1985–1991). Между ними вновь лежало время застоя и усиливающегося ощущения кризиса. Заметим, что второй «двойной цикл» был пройден приблизительно в 3 раза быстрее первого, что в целом соответствует ускоряющемуся темпу прогресса. Очевидно, что новые модернизаторы «образца» 1861 и 1985 гг. намеревались укрепить основы полученного ими порядка, а не привести его к краху: однако

дефицит эволюционных изменений заметен в России как в XIX в., так и на рубеже XX и XXI столетий. «Болезнь» российских модернизаций заключена в неумении согласовывать экономические и политические преобразования.

В-четвертых, все российские модернизации носили частный характер, обусловленный их субъектностью и задачами. В ходе первого цикла целью выступало упрочение империи и положения властной элиты; отсюда вытекала ограниченность модернизации крупными центрами и фактическая незатронутость ею провинции, жизнь в которой менялась крайне незначительно на протяжении многих десятилетий. В ходе второго цикла на щит были подняты интересы «народа», во имя которых приоритетным образом развивались отрасли экономики, мало способствовавшие повышению уровня жизни большинства граждан. Изменив страну в гораздо большей степени, чем модернизации XVIII и XIX вв., модернизация середины XX столетия также не подготовила большую часть населения к самостоятельной деятельности, порождающей естественное экономическое развитие – на сей раз потому, что такое развитие категорически не рассматривалось как цель. Главной *проблемой российских модернизаций явилась, таким образом, их неукорененность в системе интересов и мотивов большинства и неготовность власти лишаться даже части контроля над народом*; именно поэтому, на мой взгляд, все российские модернизации встречались массами с некоей настороженностью (а если и становились популярными, то вскоре сворачивались «сверху»).

И, в-пятых, российские модернизации, и в этом их радикальное отличие от большинства успешных модернизаций, никогда не ставили своей целью интеграцию в мир. Российские элиты хотели сделать свою страну «не хуже других», а зачастую и лучше; они выстраивали тесные отношения с элитами других стран; участвовали в большом числе глобальных политических и военных интриг – однако при этом умудрялись оставаться достаточно оторванными от мира экономически и социально. На рубеже XIX и XX столетий, когда внешняя торговля крупнейших европейских стран составляла 14–19% их ВВП, в России этот показатель не превышал 9%; в начале 1980-х, когда в СССР данный показатель оценивался в 3,8%, в европейских странах он в среднем превышал 35%. Сегодня Россия более тесно связана с миром торговыми и инвестиционными связями, но большая часть ее внешнеторгового оборота представлена сырьем – продуктом легко заменяемым поступлениями из других источников, и потому Россия сейчас, как и прежде, практически не является игроком на полях глобальной геоэкономической конкуренции.

В 1917 г., когда Европу опустошала Первая мировая война, президент США В. Вильсон, вмешавшийся в нее на заключительном этапе, призвал относиться к ней как «к войне, ведущейся за прекращение всех войн». К сожалению, эта его мечта не реализовалась, и потребовалась еще одна война, поставившая Европу на грань уничтожения, чтоб на континенте произошли

зримые перемены. Модернизация – это, как я уже говорил, своего рода мобилизация, задачей которой является отказ от последующих мобилизаций. Ее цель – инициирование естественного экономического и политического развития, эволюционного и поступательного. И, наблюдая сегодня за российской ситуацией, приходится со всей определенностью признать, что все предшествующие модернизации страны не достигли своей основной задачи. Россия не смогла стать саморазвивающейся экономикой, готовой конкурировать на рынках промышленной продукции с развитыми странами; ей не удалось создать устойчиво функционирующую политическую систему, основанную на демократической смене властных элит; все ее постсоветское развитие стало историей неконтролируемого роста имущественного неравенства, а сколь-либо понятной социальной сегментации так и не возникло. Именно поэтому президенту Д. Медведеву потребовалось вновь говорить о модернизации – и вовсе неочевидно, что новая попытка окажется удачной.

Удастся ли новая модернизация России?

История большинства успешных модернизаций позволяет заметить две важные черты, свойственные практически любой из них. *Во-первых*, повторю еще раз, толчком к модернизации является осознание элитами и обществом тупиковости ситуации, в которой находится страна, и бесперспективности ее прежнего пути развития. Это может стать следствием либо серьезного внешнего удара (военного поражения – примерами могут служить Россия после 1855 г., Франция после 1871 г., Япония после Второй мировой войны); либо политических процессов, приводящих к возникновению новой политической системы, которая начинает поиск собственной идентичности (как это было в США после 1865 г., Германии после 1870 г., Советской России в начале 1920-х годов, Южной Корее после 1950 г., Малайзии в 1960-х годах, Сингапуре, обретшем независимость в 1965 г.); либо смены политической элиты после долгого периода углубляющегося застоя (как в Китае в 1976–1978 гг., в Испании и Португалии в начале 1980-х, СССР после 1985 г., Бразилии в начале 1990-х годов). Как следствие, в большинстве модернизирующихся стран историческая преемственность оказывается разорванной; если элита и пытается найти некие «точки опоры» в прошлом, то достаточно абстрактные и в достаточно отдаленном прошлом. Недавнее прошлое однозначно выступает в общественном сознании как нечто, от чего следовало бы уйти. *Во-вторых*, в подавляющем большинстве успешно модернизировавшихся стран модернизация проходила в условиях укреплявшегося единения элит и народа. Как правило, модернизационные мобилизации далеко не сразу приводили к повышению уровня жизни, а если и приводили, то его рост происходил существенно медленнее, чем росла экономика в

целом (что объясняется необходимостью масштабных инвестиций и преимущественно экстенсивными методами модернизации, свойственными ее первым этапам). В такой ситуации политические и экономические элиты подчеркивали свое единство с народом; при этом интересы политиков и бизнесменов были относительно четко разделены: первые стремились к популярности и славе, вторые – к умножению капиталов. Парадоксально, но ни один из успешных модернизаторов (ни Дэн Сяопин и Цзян Цземинь в Китае, ни Ли Куань Ю в Сингапуре, ни Махатхир Мохаммад в Малайзии, ни Махмохан Сингх в Индии, ни Фернандо Кардозу в Бразилии) не вошел в историю как владелец крупного личного состояния или олигарх – в то время как большинство тех, кто не мог похвастаться никакими достижениями (Мобуту Сесе Секо в Заире, Мухаммед Сухарто в Индонезии, Фердинанд Маркос на Филиппинах, Роберт Мугабе в Зимбавбе) стали одними из богатейших людей на своих континентах. Успешные страны модернизировались как единое целое, неудачные же погрязали в коррупции и материальном неравенстве.

Даже на этом фоне можно заметить, что перспективы российской модернизации не выглядят радужными. Во-первых, сегодня ситуация, сложившаяся в стране, не воспринимается как тупиковая или катастрофическая. Напротив, верно скорее обратное утверждение: значительная часть населения сейчас более обеспечена, более свободна в своей частной жизни и более удовлетворена положением вещей, чем когда-либо прежде в отечественной истории. Во-вторых, власти, демонтирующие те демократические элементы, которые сложились в 1990-е годы, делают все от них зависящее, чтобы провести «естественную» линию преемственности от советского периода к нынешнему; временем, по отношению к которому воспитывается отторжение, выступает мимолетный период 1992–1999 гг., который вряд ли может считаться достойно оттеняющим нынешние успехи. В-третьих, развитие страны в минимальной степени зависит от мобилизации усилий граждан, а в максимальной – от мировой цены на нефть и газ; последнее обстоятельство приводит к самоуспокоению, которое нигде не являлось характерной чертой модернизации. И, наконец, в-четвертых, российская политическая и экономическая элиты практически слились в единое целое и ставят своей задачей максимальное самообогащение любыми возможными способами; как следствие, значительная часть накопленных состояний является не вполне легализованной и потому выводится за рубеж. По состоянию на начало 2010 г. Россия – единственное из постсоветских государств, инвестиции которого за рубеж практически равны накопленным иностранным инвестициям внутри страны, а с учетом неофициально выведенных денег превышают последние как минимум вдвое; для сравнения: даже сейчас инвестиции КНР за рубежом меньше накопленных в китайской экономике

иностранных инвестиций в 16 раз. Около 56% российского ВВП создается в компаниях, которыми владеют собственники, зарегистрированные в оффшорных юрисдикциях; этот показатель соизмерим с данными по самым неблагополучным странам Африки.

Таким образом, призывы к модернизации сегодня звучат в крайне неблагоприятной обстановке: повода ощущать потребность в модернизации у значительной части граждан попросту нет; политические цели элиты понуждают ее героизировать советское прошлое вместо того чтобы десакрализировать его; экономические интересы той же элиты требуют относиться к стране как к территории, природные богатства которой можно эксплуатировать, совершенно не заботясь о благополучии и выживании ее народов.

Прошло два года, с тех пор как президент Д. Медведев выступил с первыми заявлениями о необходимости модернизации – и сейчас становится вполне заметно, что ничего серьезного в стране не меняется. Цели модернизации и ее основные направления не определены. Ниши, которые Россия могла бы занять на мировых рынках, не обозначены (наивно предполагать, что страна способна начать активно развиваться, восстановив ядерную и космическую отрасли, на которые в мировом масштабе приходятся десятые доли процента глобального валового продукта и которые, по сути, представляют собой нерыночный сектор, жестко регулируемый национальными правительствами). Упор на технологический прорыв выглядит совершенно неубедительно, так как пока ни одна страна не пришла к стандартам постиндустриального общества, не освоив предварительно массовую конкурентоспособную промышленность, которая одна только и может быть «заказчиком» и потребителем новых передовых технологий. Развитие же индустриальной базы не входит в приоритеты отечественных политиков именно потому, что воспринятая ими идеология государственного патернализма предполагает, что народ должен «получать» те или иные блага от перераспределяющего их государства, а не создавать или зарабатывать их собственными усилиями.

В свое время великий реформатор, руководитель Сингапура Ли Куань Ю подчеркивал, что программа авторитарной модернизации весьма заманчива, но всегда уязвима, потому что такая модернизация требует амбициозного и ответственного лидерства. Основная проблема современной России как раз и состоит в отсутствии такого лидерства. Задачи, которые ставятся перед страной сегодня – это задачи максимальной имитации перемен в условиях сохранения пресловутой стабильности, с которой реальная модернизация была, есть и останется несовместимой. Пока сама постановка вопроса не будет изменена, пока не будет трезво оценено состояние дел в отечественной экономике, пока не будет выработана программа чисто экономических реформ и постепенной реализации политических и социальных перемен, пока та часть элиты, интересы которой нераздельно связаны с сырьевой

ориентацией российской экономики, не будет отодвинута от рычагов политической власти – пока все это не произойдет, никаких перемен ждать не приходится. Между тем события 2008–2010 гг. показывают, что эта элита воспринимает государство как самый эффективный инструмент поддержания собственного финансового благополучия, а это значит, что за власть она будет держаться до последнего, и в 2012 г., скорее всего, нынешний премьер В. Путин триумфально вернется в Кремль, чтобы президентствовать в безмолвствующей стране долгие 12 лет.

Возможна ли «бодрящая катастрофа»?

Был ли у России в недавнем прошлом шанс на модернизацию и сохраняется ли он в наши дни? На первый вопрос, на мой взгляд, можно однозначно ответить положительно. Этот шанс был весьма велик во второй половине 1980-х годов, когда для успешной модернизации в СССР имелось как минимум шесть важнейших предпосылок.

Во-первых, тупиковость советского пути развития была очевидной для значительной части населения страны, если не для его большинства. Приметы кризиса были весьма заметными, а различия в уровне и качестве жизни в Советском Союзе и на Западе – разительными. Кроме того, в «социалистическом лагере» имелся широкий набор мнений о направлениях и задачах реформ, и поэтому цели и характер модернизации могли стать предметом обстоятельной дискуссии (тогда как сегодня аргументы и сторонников, и противников модернизации выглядят крайне примитивными и шаблонными).

Во-вторых, в СССР существовала высокопрофессиональная элита, которая, при всех ее недостатках, с одной стороны, была приучена к служению стране, с другой – обладала достаточным количеством необходимых для реиндустриализации страны знаний и навыков (достаточно сравнить число вводимых в РСФСР и России промышленных и инфраструктурных объектов в 1980-е и 2000-е годы, чтобы осознать весь масштаб различий между «тогда» и «теперь»). Эта элита отличала политические и экономические интересы, делала акцент на первых и вполне могла повести страну вперед.

В-третьих, Советский Союз в середине 1980-х годов гораздо больше отставал от Запада по промышленным технологиям, чем по структуре экономики, а это в условиях развитого индустриального сектора могло быть преодолено за 15–20 лет, что показывает опыт тех же Тайваня или Бразилии. Кроме того, в СССР существовало огромное предложение дешевых материальных, трудовых и энергетических ресурсов, низкую стоимость которых было несложно искусственно поддерживать на протяжении всех этих необходимых для серьезной перестройки экономики лет.

В-четвертых, политический климат в СССР времен горбачёвской перестройки вполне располагал к модернизации, так как в стране было создано (точнее, создалось само в результате знакомства граждан с историческими фактами) стойкое отторжение «социалистического» прошлого и авторитарных методов управления; это предполагало, что народ готов был идти вперед, не оглядываясь без необходимости на ужасное прошлое. Стремление избавиться от прошлого любой ценой могло стать важнейшим ресурсом перемен.

В-пятых, перестройка на время сделала Советский Союз очень «модным» в мире – во многом таким, каким 15лет спустя стал Китай. Политика открытости одной из двух сверхдержав давала уникальный шанс на привлечение инвестиций, технологий и специалистов с Запада, а положение СССР как мощной военной силы, контролировавшей половину Европы, открывало возможность «размена» разоружения и роспуска коммунистических организаций на включение как стран Восточной Европы, так и самого Советского Союза в крупные интеграционные объединения западного мира, что могло, как тогда говорили, «сделать перестройку [поистине] необратимой».

И, наконец, в-шестых, во второй половине 1980-х годов советские люди в своем большинстве осознавали, что из не слишком вдохновлявшего социалистического «сегодня» возможен только коллективный выход и что судьбы всего народа остаются едиными. Это создавало мобилизационный потенциал, который, к сожалению, в конечном счете оказался растрачен безрезультатно.

Сегодня в России нет ни одной из этих предпосылок модернизации. Народ в значительной своей части удовлетворен происходящим. Элита невиданно деградировала, а принцип меритократичности полностью отброшен в угоду кумовству и клановости. Структура экономики сейчас больше соответствует «неразвивающимся» государствам третьего мира, чем постиндустриальным странам первого. Прошлое упорно идеализируется, а вместо идеологии развития внедряются ценности консерватизма и религиозности. Россия утратила свое геополитическое положение, ее военный потенциал в значительной мере растрачен, и она не представляет интереса для Запада. И, что самое важное, значительная часть наиболее активных граждан либо уже покинула страну, либо относится к ней как к временному месту жительства, будучи готовой в любой момент сменить его на более комфортное.

Именно последний фактор представляется мне основным ограничителем возможной российской модернизации. Практически очевидно, что без серьезного экономического и политического потрясения изменение нынешнего курса невозможно. Отчасти поэтому многие отечественные либералы ждут такого потрясения (и некоторые поспешили увидеть его в недавнем экономическом кризисе). Действительно, крах и дефолт 1998 г. на время привели к

власти более разумную часть политической элиты, нежели та, которая затем поднялась на высшие этажи власти после 2000 г. В отечественной элите «образца 1998 г.» имелись те профессиональные и здоровые силы, которых сегодня практически не осталось. В то же время, масштабы накопленных близкими к власти людьми богатств не были столь существенными, чтобы их потеря могла стать непреодолимым препятствием на пути развития страны. В тех условиях масштабное потрясение могло стать катализатором перемен и вывести страну на новый, «промодернизационный», путь развития. Однако если некий катастрофический сценарий начнет разворачиваться в ближайшие годы, никаких гарантий того, что он подтолкнет страну к развитию, нет. Кроме тупика, для начала модернизации необходимы элиты, способные найти из него выход и мобилизовать граждан на перемены. Но любая серьезная дестабилизация в России породит не консолидацию элит, а их дезинтеграцию и массовый исход из страны. И это означает, что даже гипотетический шанс на модернизацию практически наверняка не будет использован, а «великие потрясения» не создадут «великую Россию».

* * *

Модернизационный потенциал России выглядит сегодня практически исчерпанным. На протяжении XX в. слишком большое количество жизненных сил нации было истрачено в ненужных мобилизациях, слишком велико разочарование от неудач и слишком дезинтегрированы народ и элиты, чтобы можно было предпринять новую попытку прорыва. Это особенно печально потому, что именно в наши дни имеются крайне благоприятные условия для резкого ускорения экономического и социального развития страны: сырьевые доходы, которые могли бы быть использованы для финансирования модернизации, велики как никогда; финансовые ресурсы повсюду в мире невообразимо дешевы, а возможности для их доходного инвестирования ограничены; трансферт технологий не самого последнего поколения выглядит предельно доступным и осуществляется сплошь и рядом далеко не самыми развитыми странами; а принципы и технологии модернизационных прорывов давно уже вошли в учебники по developmental economics.

У современной России имеются все объективные предпосылки для успешной модернизации, кроме одной, но самой важной: политической воли и заинтересованности элит и общества в модернизации. Этот минус перевесит все плюсы, и наша страна в ближайшие годы продолжит свое движение «по наклонной траектории».

Однако, несмотря на то, что эта перспектива выглядит не слишком оптимистичной, не нужно относиться к ней фаталистически. В последние десятилетия XX в. на путь модернизации встали такие страны, что сегодня можно уверенно сказать: нет такого момента в истории любого государства, когда

его модернизация была бы невозможной. Южная Корея в 1950-е годы была намного беднее Кении, но обогнала ее по уровню жизни более чем в 10 раз. Китай времен конца «культурной революции» был беднее, чем в начале XX столетия, но через 30 лет стал первым в мире экспортером промышленных товаров, главным рынком автомобилей и самой масштабной строительной площадкой на планете. Для тех, кто сильно желает, нет ничего невозможного. И нам стоит начать хотеть перемен, не прятаться в лохмотья консервативной идеологии, не поклоняться государству, ничего не сделавшему для народа в последнюю четверть века, не ждать улучшений, а пытаться самим обеспечить их. *Мы все можем, но просто сейчас мы ничего не хотим*. И изменить эту ситуацию никто, кроме нас, не в силах.

Т.А. Агапова

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РОССИИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ

Агапова Татьяна Анатольевна – доктор экономических наук, профессор ИППК им. М.В. Ломоносова.

Современный кризис в мировой экономике отличается значительными масштабами и сложными социально-экономическими последствиями, связанными с модернизацией экономики на новой научно-технологической основе. Эти процессы по своему содержанию имеют долговременный характер. Поэтому и экономические стратегии, реализуемые национальными правительствами и центральными банками, а также международными экономическими институтами, включают в себя как краткосрочные и среднесрочные антикризисные инструменты, так и более долговременные меры экономической политики, направленные на восстановление траекторий устойчивого экономического роста.

Этот общий долговременный процесс преодоления кризисных тенденций в мировой экономике приобретает в России ряд специфических особенностей, которые, в свою очередь, «отодвигают» временной горизонт возвращения на траекторию устойчивого экономического роста. Одной из таких особенностей является значительное увеличение степени открытости экономики России, что, в частности, нашло свое отражение в росте доли внешнеторгового оборота ВВП с 47% в июле 1998 г. до 53% в июле 2008 г. При этом структура товарного экспорта из России значительно ухудшилась по сравнению с 1998 г.: если в 1998 г. доля продукции топливно-энергетического комплекса составляла 42% в общем объеме товарного экспорта из РФ, то к июлю 2008 г. эта доля возросла до 70%[1]. Это свидетельствует о

1. См.: Ершов М. Кризис 2008 года: «момент истины» для глобальной экономики и новые возможности для России // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 12. – С. 17; 19.

значительном усилении сырьевой ориентации экономики, что сопровождается относительно низким уровнем наукоемкости и информоемкости ее отраслей: в России эти показатели примерно в 3 раза ниже, чем в среднем в группе индустриально развитых стран[2].

Экспорт нефти и газа обеспечивает более двух третей общих доходов от экспорта из России и составляет более 15% ВВП[3]. Открытая экономика с сырьевой ориентацией экспорта сильно восприимчива к внешним шокам, связанным с падением цен на нефть, с изменением направлений международных потоков капитала и с колебаниями мировых фондовых рынков. Дальнейший экономический рост в России в значительной мере будет зависеть от эффективности структурных и налоговых реформ, направленных на расширение ***не-нефтяной*** налоговой базы экономики. Поэтому на первый план выдвигаются вопросы, связанные с разработкой не только краткосрочных антикризисных мер стабилизации экономики, но и более долговременных стратегий государственной экономической политики, обеспечивающих устойчивый рост экономического потенциала вне прямой зависимости от циклических колебаний конъюнктуры.

В широкой дискуссии о стабилизационных и более долгосрочных стратегиях экономической политики нередко остается на втором плане вопрос о ***типе экономического спада***, который сформировался в экономике России на фоне глобального кризиса. Конечно, в настоящее время еще сложно адекватно оценивать всю картину полностью, однако с очевидностью проявились признаки ***стагфляционного спада***, когда относительно быстрый и малоуправляемый рост безработицы сопровождается достаточно высокой инфляцией.

Последние годы (до осени 2008 г.) можно характеризовать как период относительной стабилизации уровня инфляции, хотя, несмотря на самые серьезные усилия и Центрального банка, и Министерства финансов, за десять лет, прошедших после кризиса 1998 г., уровень инфляции в России не приблизился к тому значению, которое является устойчивым для индустриальных стран и составляет в среднем 1–3% в год, а в развивающихся странах – в среднем 3–5% в год[4].

В экономике России как прогнозные, так и фактические показатели уровня инфляции более высокие, а превышение фактических показателей над прогнозными значениями свидетельствует не только об относительной

2. См.: Динкевич А.И. Мировой финансово-экономический кризис: опыт структурно-функционального анализа // Деньги и кредит. – М., 2009. – № 10. – С. 28.

3. Всемирный банк: Доклад об экономике России № 17 // Экономическая политика. 2008. – № 6. – С. 25.

4. См.: Аганбегян А. Об уроках сегодняшнего финансово-экономического кризиса // Экономическая политика. – М., 2008. – № 6. – С. 78.

неточности макроэкономического прогнозирования, но и о том, что динамика инфляционных ожиданий пока слабо поддается корректирующему воздействию со стороны органов государственного регулирования экономики. Так, например, в 2006 г. уровень инфляции составил 9% против 8,5 по прогнозу; в 2007 г. – 12% против 8 по прогнозу; в 2008 г. – 13,5% против 7,5–8,5% по прогнозу. Первоначальный прогноз уровня инфляции на 2009 г. составлял 13% (уточненный – 11%) при одновременном спаде ВВП в размере 2,2% (первоначальные данные)[5] и в размере 6–7% (уточненные прогнозные данные Правительства РФ) [6]. Фактически спад ВВП в 2009 г. составил, по оценочным данным, 8,5% при уровне инфляции в 9–10%, что делает вероятным ***достаточно длительный, затяжной*** выход из финансово-экономического кризиса, так как подъем экономики в условиях ***стагфляции,*** как правило, затруднен[7].

В многочисленных дискуссиях о мировом финансово-экономическом кризисе нередко проводится прямая аналогия между спадом производства в индустриальных странах и в России, хотя в индустриальных странах ведущими факторами спада являются изменения параметров ***совокупного спроса***, тогда как в России стагфляционные тенденции определяются преимущественно параметрами ***совокупного предложения.*** Так, например, снижение ВВП в США и в странах ЕС сопровождается постепенным снижением общего уровня цен при относительно невысоком уровне инфляции. В 2008 г. в странах ЕС уровень инфляции составил 2,5%, в США он возрос до 4%, но уже в 2009 г. проявил тенденцию к снижению. При этом снижение цен на дома в США, помимо проблем с обеспечением кредитов, одновременно уменьшило доходы и накопленное богатство домохозяйств, что привело к сокращению потребительских расходов как основополагающей части совокупного спроса. С учетом последующей мультипликации это сокращение усилило общий спад в экономике США.

Поэтому в основу антикризисной программы США были положены ассигнования для ***стимулирования потребительского спроса***, в первую очередь с помощью комплекса мер ***налоговой политики***, а также расширения расходов правительства по созданию новых рабочих мест. Стратегия стабилизации предусматривает увеличение налогов на доходы от капитала и на дивиденды (с 15 до 20%), отмену налоговых льгот для наиболее высокодоходных групп населения в 2010 г., введение налогов на

5. Прогноз Министерства экономического развития и торговли РФ. Согласно прогнозным расчетам МВФ, в 2009 г. спад ВВП в России определялся на уровне 5%.

6. Корректировка официального прогноза Правительства РФ осуществлена в июне 2009 г.

7. Подробнее о стагфляционных тенденциях см.: Аганбегян А. Об уроках сегодняшнего финансово-экономического кризиса // Экономическая политика. – М., 2008. – № 6. – С. 78–79.

прибыли, полученные за рубежом. Совокупность этих мер должна обеспечить дополнительные налоговые поступления в государственный бюджет в размере 350 млрд долл. в год.

В то же время предполагается сохранение льгот в налогообложении большинства населения, причем наименее обеспеченные группы выигрывают от изменений в налоговой системе: федеральный бюджет США на 80% обеспечивается налоговыми платежами, которые вносят 20% граждан с наиболее высокими доходами[8]. Общие расходы на расширение потребительского спроса составляют свыше 42% всех антикризисных ассигнований правительства США.

В отличие от описанной последовательности событий, сопровождающих спад совокупного спроса, в экономике России из-за ***монополизации*** цены на недвижимость искусственно поддерживаются на относительно высоком уровне, не соответствующем затратам, хотя отдельные строительные фирмы и предоставляют скидки. Средняя цена одного $м^2$ жилой площади в Москве увеличивалась ежегодно на 35% в период с 2004 по август 2008 г., когда цены достигли своего наивысшего значения. С октября 2008 г. появилась тенденция к постепенному снижению этих цен, но по-прежнему покупка жилья (в том числе и с использованием ипотечного кредита) остается недоступной для большинства населения и не является определяющим фактором динамики потребительских расходов.

Высокая ***монополизация*** ряда отраслей производства в экономике России препятствует и адекватному снижению цен на нефтепродукты вслед за снижением мировых цен на нефть – более того, происходит традиционное ежегодное повышение цен на услуги ЖКХ: электроэнергию, тепло, воду, услуги стационарной телефонной сети; возрастают железнодорожные тарифы и т.д. Эти повышательные тенденции ***противодействуют*** тем понижательным тенденциям в динамике уровня цен, которые сопровождают в России спад потребления и инвестиций как компонентов совокупного спроса.

Стагфляционные тенденции в экономике России основаны на сохранении устойчивой диспропорции в динамике реальной заработной платы и производительности труда: по данным Росстата, за первые девять месяцев 2008 г. рост реальной заработной платы составил 12,8%, тогда как рост производительности труда составил около 7%[9]. В сочетании с комплексом антикризисных мер бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики правительства и ЦБ РФ, многие из которых также способствуют повышению уровня цен,

8. См.: Динкевич А.И. Мировой финансово-экономический кризис: опыт структурно-функционального анализа // Деньги и кредит. – М., 2009. – № 10. – С. 27.

9. См.: Всемирный банк: Доклад об экономике России № 17 // Экономическая политика. – М., 2008. – № 6. – С. 13.

эти стагфляционные тенденции формируют базу устойчивых инфляционных ожиданий на фоне продолжающегося спада производства.

Как показано в табл. 1, антикризисные меры правительств и центральных банков носят во многом проинфляционный характер и в индустриальных странах, и в трансформационных экономиках. Однако в экономике России инфляционные риски оказываются более высокими не только с точки зрения чисто количественной оценки уровня инфляции, но и вследствие стагфляционного «наполнения» этого уровня.

Таблица 1

ДИНАМИКА УРОВНЯ ИНФЛЯЦИИ (в %)

Страны	*Уровень инфляции*	
	09.2007 г. / 09.2006 г.	*09.2008 г. / 09.2007 г.*
Россия	9,4	15,0
США	2,8	4,9
Великобритания	1,7	5,2
Франция	1,5	3,0
Италия	1,7	3,8
Япония	-0,2	2,1
Польша	2,2	4,3

Примечание: Таблица составлена на основании материалов, опубликованных в вышеназванной статье М. Ершова (Вопросы экономики. – М., 2009. – № 12. – С. 10). Данные по Японии отражают периоды 08.2009 г. / 08.2007 г.

В индустриальных странах, как известно, был продолжительный период стагфляции после нефтяных шоков 70-х годов, а экономические стратегии, направленные на снижение инфляции и постепенное оживление экономики, имели долгосрочный характер, связанный с последовательным осуществлением стимулирующих налоговых реформ. В качестве меры противодействия аналогичным стагфляционным тенденциям в экономике России были снижены ставки НДС, что является эффективным инструментом не только количественного стимулирования экономического роста, но и относительного повышения его качества, так как основной выигрыш от снижения ставок НДС получают отрасли с высокой добавленной стоимостью. При последовательной реализации такой стратегии структура экономики может измениться в связи с перемещением акцента с сырьевых отраслей на отрасли с более высокой степенью переработки. Более того, Министерство экономического развития и торговли РФ – как один из органов государственного регулирования экономики, разрабатывающих антикризисные стратегии экономической политики, – предполагает осуществить замену НДС налогом с продаж и сниже-

ние ставок налогообложения до 10% в целях стимулирования малого и среднего бизнеса как потенциального «локомотива» экономического роста.

Однако другой орган государственного регулирования экономики – Министерство финансов РФ – достаточно сдержанно оценивает перспективы снижения налоговой нагрузки в условиях финансово-экономического кризиса, поскольку такое снижение будет обязательно сопровождаться дополнительным сокращением налоговых доходов государственного бюджета. А ведь доходная часть Федерального бюджета России и без того уменьшилась в 2009 г. более чем на 20% вследствие сокращения объемов экспорта сырья и снижения цен на него. Дальнейшее сокращение бюджетных доходов происходит и из-за общего спада ВВП. Между тем расходы государственного бюджета быстро увеличиваются, в том числе и вследствие финансирования чрезвычайных антикризисных мер экономической политики в 2008–2009 гг., что сопровождается сохранением инфляционного давления и в 2010 г. В целом за период 2005–2008 гг. темп роста расходов консолидированного бюджета РФ вместе с внебюджетными государственными фондами примерно в 6 раз превышал темпы роста ВВП по физическому объему, что не могло не сопровождаться устойчиво высокой инфляцией. За этот период консолидированный бюджет в номинальном выражении возрос в 3,2 раза, а ВВП в реальном выражении – примерно на 30%[10]. Хотя за период между двумя кризисами (с августа 1998 по сентябрь 2008 г.) объем ВВП России в реальном выражении почти ***удвоился***, номинальный объем ВВП в долларовом выражении возрос почти ***в 7 раз,*** главным образом за счет роста цен на энергоносители и сырье как основы для повышения реального курса рубля[11].

Эффективность стимулирующей налоговой политики может оказаться относительно невысокой в том случае, если она не будет сопровождаться скоординированными антиинфляционными стратегиями правительства и Центрального банка по управлению динамикой государственных расходов, с одной стороны, и динамикой денежной массы – с другой.

За период высокой конъюнктуры на внешних сырьевых рынках в Центральном банке РФ были аккумулированы значительные официальные валютные резервы, величина которых достигла максимального значения к июлю 2008 г. и составила 596,6 млрд долл. Одновременно правительство РФ, начиная с 2004 г., аккумулировало значительные резервные ресурсы в Стабилизационном фонде, который с февраля 2008 г. был преобразован в собственно Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, сум-

10. См.: Аганбегян А. Об уроках сегодняшнего финансово-экономического кризиса // Экономическая политика. – М., 2008. – № 6. – С. 71–72, 78.

11. См.: Экономический обзор ОЭСР по Российской Федерации, 2009 год // Вопросы экономики. – М., 2009. – № 8. – С. 54.

марный объем которых осенью 2008 г. приблизился к 190 млрд долл.[12] Поэтому в кризисной ситуации, начиная с осени 2008 г., правительство и ЦБ РФ имели возможность профинансировать комплекс антикризисных мер бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, позволив экономике оперативно адаптироваться к изменениям конъюнктуры. Были предоставлены дополнительные ресурсы банковскому сектору и тем самым обеспечены выплаты по депозитам и внешним долговым обязательствам банками и корпорациями. Таким образом, если в 1998 г. часть издержек по стабилизации экономики после кризиса была профинансирована негосударственным сектором, то в 2008–2009 гг. это бремя в основном принял на себя государственный сектор, чьи денежно-кредитные издержки, а также бюджетные и ***квазибюджетные*** расходы значительно возросли. При этом непосредственные бюджетные затраты на антикризисные меры оцениваются всего лишь на уровне 0,58% ВВП России 2007 г., тогда как доля ***квазифискальных*** издержек стабилизации экономики может составить около 14,7% от его объема[13].

Ситуация усложняется тем обстоятельством, что прямые бюджетные расходы на осуществление антикризисных мер существенно ниже, чем квазифискальные, тогда как возможности управления динамикой прямых расходов бюджета всегда шире, чем динамикой квазибюджетных издержек, величина которых менее прогнозируема**.** В результате *возрастает степень неопределенности* возможных эффектов от предпринятых мер, а уровень ***прозрачности (транспарентности)*** бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики государства уменьшается. Международная практика государственного регулирования экономики убедительно свидетельствует о том, что снижение транспарентности макроэкономической политики усложняет формирование инфляционных ожиданий инвесторов и не способствует укреплению *доверия* к бюджетно-налоговым денежно-кредитным стратегиям управления. Увеличение доли квазифискальных операций и повышает риски неопределенности и снижения управляемости экономической системы в целом[14].

Как свидетельствуют данные табл. 2, масштабы антикризисных мер, предпринимаемых в российской экономике, в настоящее время соизмеримы с

12. См.: Всемирный банк: Доклад об экономике России № 17 // Экономическая политика. – М., 2008. – № 6. – С. 50.

13. Там же, с. 40.

14. Более подробно о стратегиях укрепления доверия и о квазифискальных операциях в экономике и в макроэкономической политике см.: Агапова Т.А., Серегина С.Ф. Макроэкономика. 9-е издание, дополненное. – М.: Маркет ДС, 2009. – С. 239–254; 344; Агапова Т.А. Проблемы бюджетно-налогового регулирования в переходной экономике: макроэкономический аспект. – М.: МГУ, 1998. – С. 72–94; 110–114.

аналогичными расходами государства в индустриальных странах. Однако из-за значительной доли квазибюджетных издержек стабилизации ***степень предсказуемости результатов*** антикризисной политики в России не может не быть более низкой, что повышает общую неустойчивость экономики.

Ежегодные перечисления дополнительных средств Резервного фонда в Федеральный бюджет возместят примерно на 2/3 потерю налоговых доходов из-за снижения экспортных нефтегазовых цен. Значительные дополнительные расходы Федерального бюджета в 2009 г. были связаны с поддержкой сельского хозяйства, а также оборонных отраслей экономики, в том числе через систему государственного заказа; с покрытием дефицита пенсионного фонда; с поддержкой региональных бюджетов, особенно в части финансирования региональных программ занятости и выплаты пособий по безработице на уровне 850–4900 руб.; с дальнейшей поддержкой банковской системы, с финансированием ряда социальных программ, прежде всего связанных с закупками импортных медикаментов и т.д.

Таблица 2

УРОВЕНЬ РАСХОДОВ ГОСУДАРСТВА НА ЦЕЛИ СТАБИЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА 2007–2008 гг. (в % к ВВП)

Страны	*Уровень расходов*
США	7-9
Россия	10-15
Испания	14
Франция	19
Германия	19
Великобритания	25
Нидерланды	44

Примечание: Таблица составлена на основе материалов, опубликованных в вышеназванной статье М. Ершова (Вопросы экономики. – М., 2008. – № 12. – С. 9). Данные по России уточнены в соответствии с материалами Всемирного банка: Доклад об экономике России № 17 // Экономическая политика. – М., 2008. – № 6. – С. 40. Аналогичная оценка уровня расходов в России представлена в статье С. Алексашенко «Кризис 2008 года: пора ставить диагноз» (Вопросы экономики. – М., 2008. – № 11. – С. 25), а также в материалах ОСЭР: Экономический обзор ОЭСР по Российской Федерации, 2009 год // Вопросы экономики. – М., 2009. – № 8. – С. 57.

Конкретные объемы дополнительных бюджетных расходов предполагается корректировать в зависимости от динамики кризисных процессов в 2010 г. В связи с необходимостью текущих корректировок государственных расходов при общем снижении бюджетных доходов федеральные бюджеты 2009 и 2010 гг. вновь были сформированы как ***одногодичные, антикризисные***, а не как составные части единого трехлетнего бюджета, ранее ориентированного на долгосрочное обеспечение устойчивого экономического роста. При этом ресурсы Резервного фонда, по прогнозным

расчетам, могут оказаться достаточными для финансирования предполагаемых бюджетных дефицитов в размере 8% ВВП (как было установлено на 2009 г.) в течение примерно двух лет. В дальнейшем, если внешняя конъюнктура на сырьевых рынках не станет более благоприятной, основным источником финансирования растущих расходов государственного бюджета окажутся, видимо, ***долговые заимствования*** (внутренние и внешние), хотя фактический дефицит госбюджета в 2009 г. оказался ниже прогнозного значения и составил около 7% ВВП (по прогнозу на 2010 г. этот показатель снизится до 5%).

При этом обслуживание внешнего долга и эффективное управление его структурой связано с серьезными трудностями, обусловленными быстрым ростом объемов ***корпоративного внешнего долга***, который превысил 500 млрд долл. и оказался в 2008 г. примерно в 15 раз больше, чем он был в конце 1990-х годов. Этот внешний корпоративный долг составляет в настоящее время около 32% ВВП России, тогда как доля внешнего государственного долга составляет около 4% ВВП. Уровень совокупного внешнего долга составляет около 36% ВВП, а его объем осенью 2008 г. оказался сопоставим с величиной официальных валютных резервов Центрального банка РФ.

Преобладающая часть внешнего корпоративного долга сформирована государственными корпорациями за период 2005–2008 гг. В числе этих корпораций «Роснефть», «Газпром», «Русал», «Лукойл», «РЖД», «Норильский никель» и другие компании с большой долей государственного участия[15]. Поэтому этот долг является, по существу, ***превращенной формой внешнего государственного долга РФ,*** обслуживание которого в условиях глобального кризиса эти корпорации не смогли бы осуществить без финансовой помощи правительства и Центрального банка.

Одновременно происходит своеобразное ***«замещение»*** досрочно погашенного внешнего государственного долга РФ перед Парижским клубом ***внутренними займами***, которые имеют в основном средне- и долгосрочный характер[16]. Ежегодно возрастают эмиссии среднесрочных и долгосрочных (до 30 лет) облигаций федерального займа. Этот процесс свидетельствует о переносе части долговой нагрузки на будущие поколения, так как, хотя доля внутреннего государственного долга в ВВП и составляет в настоящее время немногим более 4%, в будущем она существенно возрастет – особенно в том случае, если преодоление кризисных тенденций в экономике

15. См.: Хейфец Б.А. Долговая политика России. – М.: Экономика; Научный эксперт, 2007. – С. 60-62; Аганбегян А. Об уроках сегодняшнего финансово-экономического кризиса // Экономическая политика. – М., 2008. – № 6. – С. 81–83.

16. Более подробно о динамике структуры совокупного долга см.: Селезнев А. Совокупный государственный долг, его регулирование // Экономист. 2008. – С. 13–26.

потребует активного внутреннего долгового финансирования растущих расходов государственного бюджета.

Повышение эффективности управления экономикой в развивающейся кризисной ситуации предполагает последовательную координацию мер различных органов государственного регулирования в целях оптимизации стратегий макроэкономической политики, что требует достаточного времени для таких разработок. Поэтому преодоление кризисных тенденций в открытой экономике России с сырьевой ориентацией экспорта связано не только с краткосрочными стратегиями стабилизации конъюнктуры через факторы стимулирования совокупного спроса, но и с более долговременными структурными реформами, предполагающими переход к инновационному типу экономического роста. При этом проблема ***ресурсного обеспечения инноваций***[17] серьезно осложняется вышеназванными объективными ***финансовыми ограничениями*** долговременного характера.

В отличие от стран ОЭСР в России инновации и сегодня нередко интерпретируются так же, как это было, например, в 50–60-е годы прошлого века, когда «полюса» экономического роста определялись государственным финансированием крупномасштабных стратегических научно-технических программ, связанных с развитием атомной и ядерной энергетики, с освоением космического пространства, с ракетостроением космического и оборонного назначения и т.д. В этот период на основе описанного типа инноваций экономика России вступила в соответствующий этап научно-технического прогресса ***синхронно*** с индустриальными странами. Эта синхронность была нарушена в следующем цикле инновационного развития, который был связан с внедрением информационных технологий и инициирован серией нефтяных шоков 70-х годов с последующим продолжительным выходом экономик индустриальных стран из состояния стагфляции. Нарушение синхронности вступления России в этот этап научно-технического прогресса было связано с малоэффективным использованием резерва нефтедолларов, накопленного в предшествующий период высокой сырьевой конъюнктуры.

С 90-х годов XX в. и до настоящего времени в большинстве индустриальных стран продолжается переход к таким приоритетам в структуре государственных расходов, которые определяются общей направленностью проектов на решение ***социально-экономических проблем***, связанных с повышением ***качества жизни*** людей, охраной окружающей среды, здравоохранением, образованием и т.д. Именно такие приоритеты определяют в

17. Более подробно о различных аспектах ресурсного обеспечения инновационного развития см.: Инновационное развитие экономики России: ресурсное обеспечение. Том I / Под ред. проф. Колесова В.П. и проф. Тутова Л.А. – М.: МГУ, 2009.

странах ОЭСР структуру государственных расходов как источника финансирования ***социально-экономических инноваций,*** нацеленных на преодоление текущего глобального кризиса и обеспечение устойчивого экономического роста в будущем. Прежние приоритеты (национальная безопасность, оборона, конкурентоспособность промышленности и т.д.) больше не являются достаточными для обоснования значительных государственных расходов в области НИОКР в странах ОЭСР[18]. Поэтому в этих странах происходит постепенное относительное сокращение доли НИОКР военного назначения в общем объеме государственных расходов. Одновременно существенно снижается интерес к разработкам в области ядерной энергетики при определении приоритетов в структуре государственных расходов. В то же время происходит ускоренный рост бюджетных ассигнований на фундаментальные исследования в области здравоохранения.

Важнейшими факторами снижения доли государства в общем финансировании НИОКР в странах ОЭСР является относительное сокращение доли военных расходов в государственных бюджетах и отход от национальных крупномасштабных государственных научно-технологических программ стратегического характера, которые становятся все более неэффективными. Например, во Франции доля военных НИОКР в общих государственных расходах на НИОКР сократилась за период 1990–2000 гг. с 36 до 16%, в Великобритании – с 50 до 35%[19]. Одной из главных причин отказа правительств в странах ОЭСР от практики финансирования крупных программ является слабая адаптационная способность этого механизма к развитию информационных, телекоммуникационных и других новейших технологий.

В российской экономике при описанных выше финансовых ограничениях в динамике доходной и расходной частей государственного бюджета, а также с учетом уровня инфляции, потребности в финансировании инноваций не военного, а социально-экономического назначения особенно велики[20], так как цели стабилизации и обеспечения устойчивого экономического роста на новом витке научно-технического прогресса после кризиса 2008–2010 гг. трудно совместимы со структурными деформациями экономики в пользу сырьевых отраслей, ТЭК и ВПК. Собственно социально-экономические инновации реализуются пока в очень ограниченных преде-

18. Подробнее об этих тенденциях см.: Мировая экономика: прогноз до 2020 года / Под ред. акад. Дынкина А.А. – М.: Магистр, 2008. – С. 93–95.

19. Там же, с. 92–93.

20. Более подробно о динамике структуры расходов Федерального бюджета и приоритетах бюджетного финансирования см.: Агапова Т.А. Расходы Федерального бюджета до 2010 года и экономический рост в России // Вестник Московского университета. Сер.6 «Экономика». – М., 2008. – № 3. – С. 70–79.

лах, в том числе в рамках приоритетных национальных проектов, финансирование которых весьма осложнено, хотя и продолжено в условиях финансово-экономического кризиса. Ограниченность сферы распространения и финансирования социально-экономических инноваций делает весьма проблематичной возможность вхождения российской экономики в новый этап научно-технического прогресса ***синхронно*** с большинством индустриальных стран. По оценкам динамики российской экономики за 1997–2007 гг., ее приближение к уровню экономики индустриально развитых стран происходило достаточно медленно: за девять лет этот разрыв сократился всего на 18%[21]. Асинхронность вхождения в посткризисный этап научно-технического прогресса может оказаться фактором дальнейшего замедления этих процессов.

21. Подробнее об этих тенденциях см.: Комков Н.И., Иващенко Н.П. Институциональные проблемы освоения инноваций // Проблемы прогнозирования. – М., 2009. – № 5. – С. 22.

Е.Я. Виттенберг

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

Виттенберг Евгений Яковлевич – доктор исторических наук, профессор РГГУ, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Сегодня становится все более очевидным, что основной экологической проблемой развития в XXI в. является угроза потери природной устойчивости, т.е. способности биосферы и составляющих ее экосистем ассимилировать последствия разнообразных антропогенных воздействий на природную среду.

В развитых странах проблемы сохранения природы находятся среди приоритетов развития уже более полувека. Об этом свидетельствуют наличие комплексных государственных природоохранных программ и развитого законодательства, жестко регламентирующего защиту экологии, деятельность влиятельных политических партий «зеленых», общественных организаций, борющихся за охрану окружающей среды и т.д.

Важнейшую роль в деле охраны окружающей среды в развитых странах играет социально ответственный бизнес. Передовые компании в последние годы занимают все более активную природоохранную позицию и не только соблюдают экологическое законодательство, но и сами выступают с инициативами, направленными на ужесточение природоохранных норм в своих корпорациях, которые нередко бывают более жесткими, чем даже прописанные в законодательстве.

Естественно, что высокие стандарты природоохранной деятельности требуют от бизнеса серьезных инвестиций в эту сферу, и он добровольно их делает. Однако этот ответственный подход к охране природы бизнес осуществляет не из альтруистических побуждений или боязни какой-либо кары, а прежде всего на основании делового расчета. В конце XX – начале XXI в. стало очевидно, что экологически ответственное поведение вошло в число главных факторов развития и конкурентоспособности бизнеса. Оно учитывается международными финансовыми институтами (ЕБРР, Всемирный банк)

при предоставлении кредитов. Кроме того, в ряде крупнейших международных банков приняты так называемые «принципы экватора», учитывающие экологические аспекты при кредитовании бизнеса (19).

Ответственное экологическое поведение компании может серьезно содействовать расширению ее партнерской и клиентской базы, круга потребителей товаров и услуг, содействовать получению госзаказа, т.е. напрямую помогать развитию бизнеса, поскольку и власти, и фирмы, и граждане в развитых странах предпочитают иметь дело с компаниями, заботящимися об охране природы и производящими экологически чистую продукцию.

И наконец, экологически ответственное поведение компании содействует наращиванию ее репутационного капитала, который, в свою очередь, напрямую связан с ростом капитализации компании.

В результате, экологическая политика компаний в развитых странах является для них не бременем, повышающим себестоимость продукции, как это нередко считают представители российского бизнеса, а наоборот, важным фактором, повышающим эффективность производства, его конкурентоспособность и капитализацию.

Благодаря экологической ответственности бизнеса в развитых странах можно наблюдать позитивные тенденции в решении ряда важных экологических проблем. Среди них: сокращение загрязнения промышленными отходами атмосферы, водных ресурсов, внедрение ресурсосберегающих технологий, развитие альтернативной энергетики, утилизация и повторное использование промышленных отходов и др.

При этом мировое сообщество продолжает крайне остро реагировать на проблемы охраны окружающей среды, особенно в условиях современного кризиса. Как заявил премьер-министр Великобритании Г. Браун на встрече представителей бизнеса в Давосе 29 января 2009 г.: «Если к 2050 году мы не уменьшим выбросы в окружающую среду хотя бы вдвое, потерпим гуманитарную и экономическую катастрофу неизмеримо большую, чем нынешний кризис» (8).

В современной России пока наблюдается противоположный тренд: экологическая ситуация в стране ухудшается, что негативно влияет на демографическую ситуацию, состояние трудовых ресурсов, здоровье нации, а тем самым – на перспективы прогресса и модернизации страны в целом.

Сегодня экологически неблагополучной признаются примерно 15% территории России. Это больше, чем площадь Англии, Франции, Германии, Норвегии, Швеции, Финляндии вместе взятых.

В России на площади более чем 150 млн га происходят процессы опустынивания и деградации земель, обусловленные чрезмерной антропогенной нагрузкой на территорию; на 7,5 млн га за последние годы сократились площади, занятые лесными массивами; некоторые типы экосистем и живых

организмов находятся на грани исчезновения; потеряны многочисленные водные объекты и т.д. (24).

В 150 городах регулярно наблюдается превышение предельно допустимых норм концентрации токсичных веществ. По данным американского института (Blacksmith Institute), проводившего шестилетние исследования самых загрязненных мест на земле, из десяти таких мест – три находятся в России. Это город Дзержинск (Нижегородская область), поселок Рудная Пристань (Дальнегорск, Приморский край) и Норильск.

В стране накоплено свыше 110 млрд т отходов, из которых около 90% твердых бытовых отходов и 60% промышленных отходов не утилизируются и подвергаются прямому захоронению в шахтах, на полигонах и свалках, которые занимают огромные территории.

Приведенных данных достаточно, чтобы понять в каком состоянии находится окружающая среда в нашей стране; напомним, что на эту тему написаны десятки научных работ и подготовлены несколько информационных изданий (см., например: 3, 4, 12, 13, 14, 16). Несмотря на все разнообразие позиций и мнений, авторы этих работ сходятся в том, что положение дел с решением экологических проблем близко к катастрофическому.

С чем связано столь плачевное состояние дел с охраной окружающей среды в России? Причин здесь много. Но прежде всего варварское отношение к природе обусловлено богатством ресурсов страны. Мысль о неисчерпаемых ресурсах России, которые не обязательно беречь и рачительно использовать, на протяжении многих веков укоренялась в сознании людей и по сей день является частью менталитета большинства россиян.

Исторические источники доносят до нас факты, когда предприниматели и граждане на протяжении веков расточительно относились к лесам, земельным угодьям, полезным ископаемым. Нужен для флота корабельный лес – его рубили в 2 раза больше, чем надо, нужен древесный уголь – выжигали огромные леса; чуть-чуть снижалось плодородие полей – переходили на другие места; несколько снижалась добыча полезных ископаемых в шахте – ее бросали и копали новую и т.д. Вот лишь один характерный пример, описанный В. Ключевским, из периода правления Петра I, когда происходило становление российского бизнеса. «Предписано было везти к Петербургу вышневолоцкою системою дубовый лес для балтийского флота: в 1717 г. это драгоценное дубье, среди которого иное бревно ценилось тогдашних рублей во сто, целыми горами валялось по берегам и островам Ладожского озера, полузанесенное песком…» (7, с. 110).

Новый импульс расточительному отношению к природе был дан в советские времена. В СССР, несмотря на то, что положение об охране природы формально было включено в конституцию, природоохранные аспекты производства находились на последних местах в приоритетах предприятий. Такое

отношение к природе в немалой степени вытекало из теории, согласно которой природные ресурсы, созданные без участия труда человека, не имели стоимости. Государство предоставляло их в бесплатное пользование опять-таки государственным предприятиям. По этой причине ресурсы не ценились, а против загрязнителей природы, в условиях крайне низкой цены здоровья и жизни человека, практически никакие санкции не применялись.

Кроме того, вследствие доминирования количественных показателей производства над качественными, предприятия не имели стимулов для внедрения ресурсосберегающих и природоохранных технологий.

Одновременно пропагандой тиражировались лозунги сомнительного характера, типа мичуринского: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их – наша задача». Руководствуясь этими лозунгами, страна нещадно эксплуатировала природу.

После начала осуществления в России рыночных реформ, вопросы охраны окружающей среды временно вышли на передний план, однако очень скоро их вытеснили из приоритетов государственной политики другие также весьма важные проблемы – приватизация, борьба с бедностью, инфляция, преступность, терроризм и т.д.

Не на уровне была и экологическая ответственность зарождающегося российского бизнеса. Получив в собственность государственные предприятия, собственники не только не озаботились проблемой их экологической безопасности, но и продолжили в еще больших масштабах загрязнять промышленными отходами природу. Попытки власти в 90-е годы перенести на российскую почву западные подходы к охране окружающей среды, пропущенные через жернова российской бюрократии и безответственного бизнеса, как это нередко бывает в России, дали результат, противоположный задуманному. Так, основной принцип западной природоохранной деятельности, «загрязнитель платит» превратился в принцип «платить за право загрязнять».

Предпринимателям в этот период оказалось на порядок выгодней заплатить незначительный штраф органам надзора за нарушение экологических норм (а чаще – дать взятку чиновнику), чем строить дорогостоящие очистные сооружения. Более того, государство в этот период в каком-то смысле попустительствовало бизнесу в негативном воздействии на природу. Во властных структурах родилась весьма спорная идея, согласно которой строгие экологические нормы отпугивают западных инвесторов. В результате была сведена к минимуму плата за загрязнение природы. Ради истины необходимо отметить, что в условиях системной перестройки экономики, сопровождавшейся падением производства и массовой безработицей, многие предприятия объективно не могли иметь среди своих приоритетов вопросы охраны окружающей среды, поскольку для них нередко стоял вопрос об элементарном выживании.

О том, что бизнес в 90-е годы не проявлял необходимой социальной ответственности в решении экологических проблем, говорят и наши исследования. Так, фирма «Интелбридж», которой руководил автор, с 1992 г. выпускала ежегодные справочники по банкам на основе анкет, содержащих вопрос: «Основные направления инвестирования и кредитования банка». В ответах на него с 1992 по 2000 г. информация об инвестировании средств в природоохранные проекты и даже их кредитовании практически отсутствовала.

В начале XXI в. в отношении бизнеса к охране природы наметились позитивные подвижки. Представители предпринимательских объединений и крупные бизнесмены стали все чаще говорить об экологической ответственности бизнеса как важной составляющей его социальной ответственности.

При этом экологическая ситуация в стране продолжала ухудшаться. Так, например, по данным ежегодных государственных докладов «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации», выбросы загрязняющих веществ в атмосферу предприятиями в 2002–2007 гг. увеличились с 19 481,1 тыс. т до 20 630 тыс. т (6). По мнению одного из экспертов, «количество предприятий, наносящих вред экологии в России колоссально. Среди них много иностранных предприятий, которые из-за слабого контроля и законодательства размещают опасные производства у нас в стране… Число таких предприятий оценивается в 1 000 000» (17).

Соглашаясь в целом с тем, что положение с экологической ответственностью бизнеса оставляет желать лучшего, я бы все-таки хотел возразить автору этих строк в следующем. Во-первых, вызывает сомнение цифра 1 млн предприятий, загрязняющих окружающую среду. Она означает, что ее загрязняют практически все предприятия, поскольку предприятий действительно работающих, насчитывается в стране как раз приблизительно 1 млн. Но все предприятия по определению не могут активно загрязнять окружающую среду хотя бы в силу того, что профиль большинства из них напрямую не связан с производством в этой среде. Банки, торговые и страховые компании, туристические фирмы, рекламные агентства, юридические бюро и многие другие предприятия просто в силу рода своей деятельности не могут серьезно непосредственно воздействовать на природу.

Далее, не совсем корректен тезис, согласно которому иностранные предприниматели размещают в России грязные производства, нарушают экологические нормы и т.д. Полагаю все-таки, что именно иностранный бизнес, буквально выдрессированный экологическими строгостями, в своей массе исполняет природоохранное законодательство, несет экологическую культуру и может быть примером для российских коллег. Хотя и здесь, разумеется, имеют место исключения. Достаточно вспомнить скандал вокруг нефтяного месторождения «Сахалин-1» и «Сахалин-2», которые разрабатывала компа-

ния «ТНК-ВР», когда были уничтожены крупные озера и даже стал вопрос о защите биоресурсов Охотского моря.

Что касается экологической ответственности отечественного бизнеса, то здесь наблюдается следующая картина. Экологически безответственный бизнес, как и ранее, продолжает загрязнять окружающую среду, выбрасывать в атмосферу вредные вещества, сливать в водоемы неочищенные стоки, создавать незаконные свалки отходов, варварски относиться к фауне и флоре страны. Причем нарушением экологических норм грешат как малые и средние предприятия, у которых иногда просто нет средств на экологию, так и индустриальные гиганты, могущие себе позволить позаботиться о природе. Тотальная коррупция в России позволяет безответственному бизнесу уходить от ответственности за ущерб, наносимый природе.

Сколь велика доля экологически безответственных предприятий в их общей массе? Это очень сложный вопрос, но можно с большой долей уверенности сказать, что их количество весьма значительно, возможно 30 и даже 40%. Подавляющее большинство остальных предприятий находится в своеобразном транзите от экологической безответственности к экологической ответственности. На практике это выглядит следующим образом. Некое предприятие построило очистные сооружения для своих сточных вод, но при этом продолжает, в силу разных причин, выбросы вредных веществ в атмосферу. Другое предприятие может соблюдать большинство экологических норм, однако не применять ресурсосберегающие и энергосберегающие технологии и т.д.

Что касается компаний, стремящихся быть экологически ответственными на уровне международных стандартов, то их в России очень мало, в лучшем случае несколько сотен. И часть из них, безусловно, это компании с иностранным капиталом. Современные российские бизнесмены явно недооценивают роль охраны окружающей среды для устойчивого развития бизнеса. Об этом говорит прежде всего нежелание подавляющего большинства бизнесменов раскрывать какую-либо экологическую информацию. Так, для справочника «Бизнес и общество» (2), готовившегося фирмой «Интелбридж» вместе с Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП), вопросы анкеты, касающиеся охраны окружающей среды, заполнили 33 респондента из 581, а для справочника – «Лидеры бизнеса России» (10), осуществленного совместно с Торгово-промышленнай палатой (ТПП) РФ, несколько больше – 45 из 436.

Наши попытки восполнить нехватку информации об экологической ответственности бизнеса с помощью Интернета также не оправдали ожиданий. Так, было обследовано около 300 сайтов крупных компаний. Больше половины из них вообще не содержало какой-либо значимой информации на эту тему.

В справочнике «Социально ответственный бизнес России. Опыт лучших компаний» (15) информацию о мероприятиях по охране окружающей среды предоставили 23 из 85 участников проекта, или 27%.

О недостаточной информационной открытости бизнеса в вопросах охраны природы говорят и другие факты. В сентябре 2007 г. в Санкт-Петербурге состоялась конференция на тему «Экологическая ответственность бизнеса как основа сохранения благоприятной окружающей среды и инвестиционной привлекательности Петербурга и Ленобласти». Из 85 предприятий Петербурга и области, которым были разосланы приглашения на конференцию, откликнулось всего четыре (31).

Несколько бóльших результатов в получении информации об экологической политике российского бизнеса удалось достигнуть совместными усилиями Всемирному банку, «Гринпис» и Независимому экологическому рейтинговому агентству (НЭРА). Весной 2007 г. организаторы проекта предложили руководителям почти 1500 предприятий раскрыть свою экологическую отчетность для составления рейтингов экологической эффективности. Организаторам проекта удалось собрать приблизительно треть разосланных анкет, заполненных с той или иной степенью полноты, что было безусловным достижением (18).

Источники показывают, что путь российских предприятий к экологической транспарентности достаточно сложен, а иногда и имеет тенденцию к движению вспять. Так, в рейтинге 100 экологически ответственных компаний, осуществленном агентством НЭРА в 2007 г., из 100 компаний 49 раскрыли свою экологическую отчетность менее чем на 50%, а в рейтинге 2008 г. таких компаний было уже 59. Причем среди компаний, приславших ограниченную информацию в 2007 г., находились крупнейшие корпорации страны: «Газпром нефть», «Роснефть», Форд Мотор Компани, ТНК ВР, Михайловский ГОК, «Уралвагонзавод», корпорация «Аэрокосмическое оборудование», «Вимм Билль Данн», Объединенная компания «Русал», «ТМК» и др. В рейтинге 2008 г. к информационно закрытым компаниям присоединились «Транснефть», компания «Сухой», «Уралнефтехим», «АЛРОСА», МК «Новолипецкий», «Трансмашхолдинг» и др.

Одновременно с недостаточной транспарентностью можно наблюдать буквально рейтинговую чехарду, когда за год одни компании теряют свои места и скатываются в рейтинге на много позиций, а другие, наоборот, за год поднимаются по рейтинговой лестнице на много ступеней. Так, например, в рейтинге 2007 г. ММП «Салют» был на 15-м месте и находился среди тех компаний, которые предоставили меньше 50% экологической информации, а в рейтинге 2008 г. «Салют» был уже на первом месте. Недостаточно информационно открытая компания ОАО «Вимм Билль Данн» поднялась за год с 55-го места на 33-е, но при этом своей относительной информационной закрытости не утратила (22). Это, на мой взгляд, настораживающее явление,

поскольку экологическая ответственность – сложное и дорогостоящее дело и оно, как правило, за год не возникает и, соответственно, за год не исчезает. Такие резкие скачки в рейтинге могут в определенной мере свидетельствовать о том, что в условиях отсутствия экологического аудита предоставляемых отчетов компании не всегда дают правдивую информацию.

Возникают и другие вопросы при анализе рейтингов социально-экологической ответственности бизнеса, подготовленных НЭРА. Так, например, в рейтинге 100 экологически ответственных компаний, составленном по итогам 2007 г., присутствуют компании, которые, по данным Государственного ежегодного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации» за этот же год, находятся среди лидеров загрязнения окружающей среды. Так, ОАО ГМК «Норильский никель», находящейся на 45-м месте в рейтинге экологически ответственных компаний, занимает первое место по выбросу загрязняющих веществ в атмосферный воздух и почти в 6 раз превосходит по выбросам ОАО «Северсталь», которая, соответственно, занимает 75-е место в рейтинге и второе – среди загрязнителей атмосферы и т.д. (22; 6).

Более того, из доклада следует, что некоторые компании, значащиеся в рейтинге среди лидеров экологической ответственности, не только не уменьшили масштабы негативного воздействия на окружающую среду, но и усилили это воздействие в последние годы. Так, ОАО «Монди Бизнес Пейпа Сыктывкарский ЛПК», занявший 38-е место в рейтинге 100 экологически ответственных компаний в 2007 г., по данным доклада за период 2005–2007 гг. увеличил выброс загрязняющих веществ в атмосферный воздух с 16,7 тыс. т до 22,7 тыс. т, ОАО «Оскольский электрометаллургический комбинат», занявший 52-е место в этом рейтинге, увеличил выброс загрязняющих веществ в атмосферный воздух с 37 тыс. т до 40,6 тыс. т и т.д. (22; 6). По нашим подсчетам, из 90 предприятий, производящих наибольшие выбросы загрязняющих веществ в атмосферу в 2005–2007 гг. 41 компания выбросы увеличила, а 49 – уменьшили. Причем в ряде случаев увеличение вредных выбросов в атмосферу было весьма существенным. Так, Троицкая ГРЭС увеличила выбросы за эти годы с 138,9 тыс. т до 278,6 тыс. т, т.е. на 100,57%, ОАО «Братский алюминиевый завод» с 60,2 тыс. т до 93,1 тыс. т, или на 64,65% и т.д. (22; 6).

Чем можно объяснить подобное противоречие? Безусловно, прежде всего тем, что НЭРА, как свидетельствует его анкета, использовало несколько критериев для определения рейтинга социально-экологической ответственности той или иной компании. И суммарно позитивные показатели усилий компаний по охране окружающей среды в рейтингах (экологические затраты на 1 млн продукции, общие экологические издержки на 1 млн выручки в данном году, общие экологические издержки от работы одного сотрудника предприятия в году, изменение экологических издержек в данном году по сравнению с предыдущим) могли превалировать над негативными.

Между тем ситуация, при которой лидеры экологической ответственности одновременно выступают и в роли лидеров загрязнения окружающей среды, является еще одним подтверждением тому, что российский бизнес по большей части сочетает в себе черты как экологически ответственного, так и экологически безответственного поведения.

О противоречивости и разнонаправленности тенденций в развитии экологической ответственности бизнеса говорят и другие данные. Так, с 2005 по 2007 г. доля инвестиций предприятий в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды сократилась с 76 до 63,3%, в то время как ассигнования из бюджетов субъектов РФ на эти цели увеличились с 15 до 20,2%, а федерального бюджета с 8 до 14% (5, с. 170).

Подобное неоднозначное отношение отечественного бизнеса к своей экологической ответственности находится в противоречии с ожиданиями общества, крайне озабоченного положением с охраной природы. Так, по данным социологических опросов, осуществленных ВЦИОМ и ФОМ в 2006 г., экологическая ситуация беспокоила более 83% взрослого населения страны, а более 55% опрошенных оценили экологическую обстановку в местах своего проживания как «неблагоприятную», «плохую» или «критическую» (24).

Другое исследование показало, что более 80% российских граждан взволнованы состоянием экологии в местах их проживания (22). При этом опросы свидетельствуют: общество не надеется, что бизнес будет самостоятельно и добровольно решать вопросы охраны природы. Так, опрос 1255 респондентов, осуществленный в феврале 2008 г., показал, что, по мнению 57,19% респондентов, проблемы, связанные с экологией, должны решать бизнес, государство и общество; 40,37% считают, что эти вопросы должно решать государство с помощью карательных мер по отношению к бизнесу и только 2,45% полагают, что эти вопросы должен решать бизнес (21). Примечателен в этом плане и другой факт. По итогам социологического исследования «Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания», проведенного в 2005 г., респонденты (менеджеры предприятий, ученые, представители СМИ, служащие и разовые потребители) отнесли проблему предотвращения ущерба природе к числу восьми позиций, где бизнес добился наименьших успехов (11, 47).

Конечно, необходимо учитывать, что ответы на вопросы нередко напрямую зависят от социального статуса респондента. Если опрос проводится среди рядовых работников предприятия, то надо быть готовым к ответам, что бизнес должен в первую очередь повышать зарплату, а не тратиться на экологию. Так, социологическое исследование, осуществленное в 2006 г., показало, что почти 75% россиян недовольны состоянием окружающей среды, но при этом большинство (почти 40% против 32) считают, что рост благосостояния населения важнее охраны окружающей среды (11, 48).

Результаты подобных опросов говорят о том, что среди населения широко распространен экологический нигилизм, основывающийся на недопонимании первичности роли экологии в обеспечении условий для жизни человека. Осуществление на практике лозунгов «сначала благосостояние, а затем – экология» может создать угрозу самому существованию россиян.

Для того чтобы не складывалось впечатление о полной безысходности в вопросах экологической ответственности бизнеса, я позволю себе привести несколько примеров компаний, стремящихся решать экологические проблемы. Они это делают в силу ряда причин, как то: необходимости вести активную внешнеэкономическую деятельность, желания выйти на внешние рынки заимствований, подготовки к IPO или просто обладания экологической культурой.

Среди компаний, имеющих действительные достижения в уменьшении своего негативного воздействия на природу, хотелось бы прежде всего назвать ОАО «Сильвинит», за экологическим поведением которого я слежу на протяжении уже десяти лет. Данные говорят о том, что на «Сильвините» достигнуты серьезные успехи в уменьшении его негативного воздействия на природу. Результатом долгосрочной стратегии модернизации оборудования и технологий производства стало сокращение вредных выбросов в атмосферу с 5,2 тыс. т в 2000 г. до 1,6 тыс. т в 2007 г., т.е. в 3,25 раза. Это произошло благодаря переводу энергоисточников с мазута на природный газ, внедрения пылегазоочистных установок на сушильных аппаратах и т.д. Одновременно компания постоянно заботится об утилизации отходов производства в соответствии с признанными международными нормами. И все это произошло в условиях, когда объемы производства удобрений в компании за тот же период возросли в 3,5 раза. Гарантией системной работы «Сильвинита» в области экологии и управления экологическими рисками является сертификация системы менеджмента окружающей среды по международному стандарту на основе ИСО 14 001:2004. Важно отметить, что предприятие выпускает экологически чистые удобрения, соответствующие мировым стандартам и имеющие международный сертификат на систему качества ИСО 9001:2000, что дает ему возможность поставлять продукцию более чем в 60 стран мира.

Подобные достижения были получены благодаря тому, что экологическая политика руководства является гармоничной составляющей планов устойчивого развития компании, а также, что в нашей стране встречается не часто, за счет модернизации технологий производства.

Достаточно серьезными по российским масштабам являются и затраты компании на экологические программы. В 2006 г. они составили 376 млн руб., а в 2007 г. эта сумма достигла 419,5 млн руб.

Усилия «Сильвинита» в сфере экологической ответственности не остались незамеченными. Так, в рейтинге НЭРА по итогам 2007 г. «Сильвинит» занял третье место среди лидеров экологически ответственного поведения. В

2006 и 2007 гг. «Сильвинит» был дважды награжден дипломом «Лидер природоохранной деятельности в России» (2, с. 39; 28). В 2008 г., из-за начавшегося кризиса, компания несколько сдала свои позиции и по итогам 2008 г. в рейтинге НЭРА откатилась с третьего на восьмое место (22). Однако уже в 2009 г., по данным агентства «НЭРА» и Международного социально-экологического союза (МСоЭС), ОАО «Сильвинит» в очередном рейтинге социально-экологической ответственности крупнейших российских предприятий занял первое место (29).

О наличии позитивных тенденций в проведении экологически ответственной политики передовым бизнесом говорит и появление экологических отчетов (ЭО) компаний, предоставляемых в РСПП. Всего же по состоянию на 2 февраля 2010 г. в Национальном Регистре нефинансовых отчетов в библиотеке РСПП было зарегистрировано 33 экологических отчета, представленных в разное время (2000–2008 гг.) девятью компаниями. Из них 16 отчетов было представлено предприятиями нефтегазовой промышленности, пять – предприятиями электроэнергетики, 11 – предприятиями деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности и один – транспортным предприятием (26). Родоначальником экологической отчетности было ОАО «Рязанская ГРЭС», которая подготовила первый экологический отчет в стране в 2000 г., а за период 2000–2004 гг. это предприятие энергетики опубликовало пять ЭО. ОАО «Газпром» начал публикацию ЭО в 2001 г. и за период 2001–2008 гг. опубликовал восемь ежегодных отчетов, его дочерняя структура – «Газпром транс Ухта» за период 2003–2008 гг. опубликовал шесть ЭО, «Северо-западная лесопромышленная компания» опубликовала пять ЭО (2000–2002, 2003, 2004, 2005, 2006–2007 гг.), «Монди Бизнес Пейпа Сыктывкарский ЛПК» подготовил два ЭО (2004, 2005 гг.), «Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат – три ЭО (2004, 2006, 2008 гг.), «Татнефть» – два ЭО (2000–2005 гг., 2005 г.), Группа «Илим» – один ЭО (2008 г.), «РЖД» – также один ЭО в 2006 г. (26). Экологических отчетов компаний за 2009 кризисный год пока не поступало.

Появление ЭО является безусловным прогрессом, поскольку посредством нефинансовых отчетов компании впервые опубликовали значительную консолидированную информацию, приближающуюся к международным стандартам экологической отчетности.

Имеющаяся в нашем распоряжении информация об экологической деятельности 180 российских компаний в 2007–2008 гг. в обобщенном виде позволяет выделить следующие направления корпоративной экологической политики.

• Соблюдение существующего экологического законодательства. Признание необходимости соблюдения экологического законодательства содержится в 80% собранных материалов. Более того, несколько компаний (прежде всего «Роснефть» и «АВТОВАЗ»), подобно их западным коллегам, разрабо-

тали собственные, более жесткие чем государственные, стандарты охраны окружающей среды.

• Разработка основного документа, регламентирующего экологическую практику и декларирующего планы в области решения экологических проблем. Документ готовится в различных формах и, соответственно, имеет различные названия: экологическая политика, концепция, программа, стратегия, план, регламент и т.д. Типичным примером может служить декларация, опубликованная на сайте ОАО ОХК «Уралхим», в которой говорится, что в основе экологической политики компаний лежат базовые принципы соблюдения норм, установленных законодательством; соблюдения баланса интересов бизнеса и общества в природопользовании; систематического многоуровневого внутрикорпоративного контроля за оказываемым воздействием на окружающую среду. Конкретно же компания намерена «вводить в эксплуатацию современные технологические установки и системы очистки выбросов и стоков, утилизации промышленных отходов и рекультивации площадок их размещения» (33).

Наряду с документами, формулирующими экологическую политику компаний, имеются и документы, в которых обнародованы краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные планы компаний в области охраны окружающей среды. О планах в области охраны природы мы имеем информацию от 15% компаний, а у нескольких разработаны долговременные экологические программы до 2010, 2015 и до 2020 г. Такие программы имеют, например, «Роснефть» (2006–2010), «Лукойл» (2007–2010), «Полюс Золото» (2006–2015), «Аэрофлот» (до 2020 г.).

Долгосрочные программы экологической деятельности имеют и другие ведущие компании страны. Однако они не всегда публикуются как самостоятельные документы, а нередко входят в качестве составной части в программы устойчивого развития компаний. (Типичный пример – стратегия развития производства ГМК «Норильский никель»).

• Затраты на природоохранную деятельность компании. Большинство компаний (68%) –предоставило те или иные данные о своих затратах на цели охраны окружающей среды. К сожалению, эти данные разноплановы, что затрудняет их анализ. Так, одни компании публикуют информацию о своих затратах на отдельные природоохранные проекты, другие – интегральные данные об общих годовых ассигнованиях на экологические цели, третьи – называют цифру о полученной прибыли от повторного использования ресурсов и переработки отходов, четвертые – сообщают о предстоящих в ближайшие годы затратах на экологические цели и т.д. (10, 27, 33).

Но если оценивать информацию об общих затратах на экологические цели ряда крупнейших компаний, то необходимо отметить, что суммы, которые они направляли в докризисный период на эти цели, выглядят внушительно. Так, в 2006 г. «Газпром» потратил на экологические цели 12,7 млрд руб.,

«Лукойл» – 10,42 млрд руб., «Роснефть» в 2007 г. – 2,7 млрд руб., а суммарные экологические инвестиции предприятий УГМК за 2007 г. составили 3,4 млрд руб. (1, с. 80; 25; 26; 31).

При этом значительные расходы на экологию крупных компаний не отменяют того факта, что бизнес в целом пока далек от полной компенсации ущерба, нанесенного его деятельностью природе. Так, общий ежегодный совокупный ущерб, наносимый экологии, по официальным данным, оценивался в 2007 г. в 100–125 млрд руб., а инвестиции бизнеса и государства в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды, в том же году составили 76,9 млрд руб. (5, 170).

• Реализация проектов, направленных на уменьшение негативного воздействия на природу путем внедрения новейших энергосберегающих и ресурсосберегающих технологий. Лишь менее 15% респондентов отметили, что они используют новейшие достижения современной науки для решения экологических проблем. Такая слабая заинтересованность в использовании достижений НТ имеет под собой много причин. Среди них обычно называют сырьевую направленность экономики, отсутствие конкуренции, неуверенность предпринимателей в завтрашнем дне, низкий уровень у предпринимателей технологической и экологической культуры и т.д.

Вместе с тем международная практика свидетельствует о том, что внедрение современных технологий производства содействует качественному решению экологических проблем. Опыт отечественных компаний также свидетельствует об этом. Так, ОАО «РЖД», сумело за счет внедрения современных технологий значительно минимизировать свое негативное воздействие на природу. За период с 1991 по 2007 г. РЖД удалось снизить выбросы вредных веществ в атмосферный воздух от стационарных источников на 200 тыс. т, или на 58% (результаты были достигнуты за счет смены устаревших котлов, теплоэнергетических установок на более экономичные с улучшенными экологическими показателями; перевода котельных на более экологически чистые виды топлива – газ, мазут; повышения эффективности сжигания и т.д.).

Использование воды на производственные нужды за тот же период уменьшилось на 88,5 млн $м^3$, или на 53% (сокращение потребления воды обеспечено благодаря использованию маловодных технологий, широкому применению оборотного водоснабжения и т.д.).

Сбросы загрязненных сточных вод сократились на 62,5 млн $м^3$, или на 60% (осуществлено за счет строительства новых и реконструкции действующих локальных и узловых канализационных очистных сооружений, сокращения водопотребления в технологических процессах и др.).

Использование и обезвреживание отходов производства возросло в несколько раз и составило в 2007 г. 850 тыс. т (обеспечено за счет использования отходов в технологических процессах, очистки нефтезагрязненных грун-

тов биопрепаратами, регенерации отработанных масел, смазок) (30). Однако надо откровенно признать, что пример РЖД является не очень типичным.

• Восстановительные работы на экологических объектах (посадка лесов, очистка от отходов полигонов, очистка водоемов и т.д.). О подобного рода работах предоставило информацию около 10% компаний. Вот как выглядит типичная информация такого рода, предоставленная ОАО «Нижнекамскнефтехим». В качестве возмещении природе за нанесенный ущерб компания осуществляет «компенсационную посадку леса на площади 100 га, озеленение территории предприятия и города».

• Осуществление постоянного мониторинга воздействия компании на окружающую природную среду. Подобного рода систематический мониторинг осуществляет лишь чуть более 15% компаний. Среди них РЖД, «Роснефть», металлургическая компания SMR, Группа «ГАЗ», «Тигран-Экспресс» и др.

• Учет экологического фактора при планировании развития производства, принятии инвестиционных решений. О том, что компания учитывает экологический фактор при планировании своей деятельности заявили лишь 11% респондентов. Позитивным примером в этом плане является отношение к данному вопросу компании SMR, в присланном материале которой отмечается, что компания проводит «всестороннюю оценку воздействия на окружающую среду по проектам модернизации и приобретения новых активов в соответствии с требованиями законодательства и стандартами Всемирного Банка» (10, 19).

• Участие в экологических акциях в регионе своей деятельности. О своем участии в природоохранных проектах заявили более половины компаний. Столь высокий показатель активности, во-первых, связан с тем, что компании во многом зависят от местных властей и вынуждены откликаться на их просьбы, в том числе и в вопросах природоохранной деятельности. Во-вторых, многие компании склонны представлять свои экологические проекты, как проекты регионального значения, что имеет под собой основания, поскольку нередко от крупных предприятий зависит качество экологического состояния целого города, района и даже области.

Имеются примеры, когда компании действительно участвуют в региональных экологических программах. Так, в соответствии с Соглашением о сотрудничестве между администрацией Вологодской области и ОАО «Газпром», компания ООО «СЕВЕРГАЗПРОМ» осуществила строительство полигона твердых бытовых отходов в поселке Нюксеница. Кроме того, компанией выполнены работы по благоустройству территории в этом поселке: посажены декоративные кустарники и редкие породы деревьев, заложен Сквер газовиков, решены вопросы вывоза и хранения ТБО и т.д.

На основании соглашения по озеленению города между администрацией г. Выктула (Республика Коми) и компанией было посажено 600 елей и 303 единиц лиственных деревьев, выполнены работы по благоустройству

территории кедровой рощи площадью 1,57 га, расположенной в городской черте г. Грязовца (Вологодская обл.) (27).

• Внедрение системы менеджмента в сфере охраны окружающей среды и ее сертификация. Среди компаний, информацией о которых мы располагаем, сертифицированы в соответствии со стандартами ISO 14001 и российской версией ГОСТ Р ИСО 14001 примерно 30% и планирует пройти сертификацию еще более 20% . А вообще, согласно данным общественного Регистра сертификации систем экологического менеджмента, за период с 1998 по апрель 2009 г. на соответствие стандарту ISO 14001 «Environment Management Systems – Specification with Guidance for Use» (ГОСТ Р ИСО 14001 «Системы управления окружающей средой. Требования и руководство по применению») сертификаты получили всего 309 предприятий.

Необходимо констатировать, что после нескольких лет устойчивого роста в последние годы наметилась тенденция к снижению количества компаний, проходящих сертификацию. Так, если в 2004 г. ее прошло 69 компаний, в 2005 – 40, в 2006 – 42, в 2007 – 20, то в 2008 г. – 27 компаний. Среди компаний, прошедших международную сертификацию экологического менеджмента, ряд крупнейших компаний страны: «Лукойл», «Северсталь», «Новолипецкий металлургический комбинат», «Красноярский алюминиевый завод», «Илим Палп Энтерпрайз», «Уралкалий», «БАТ Россия», «Приморское морское пароходство» и др.

• Подготовка специалистов-экологов и обучение персонала для проведения экологической политики. Нам удалось собрать довольно скромную информацию лишь о нескольких компаниях, занимающихся подготовкой для себя специалистов и обучением персонала в области охраны окружающей среды как через вузы, так и через различные курсы, семинары, тренинги, проводимые обычно внутри компании.

Детальную информацию об экологическом обучении персонала можно найти в ЭО за 2007 г. «СЕВЕРГАЗПРОМ». В компании создана многоуровневая целостная система экологического обучения персонала, направленная снизу вверх. За 2007 г. при численности сотрудников чуть более 12 тыс. проведено 4629 экологических инструктажей и 241 занятие по экологическому обучению рядового производственного персонала (в том числе измерению вредных выбросов с помощью газоанализатора).

• Участие в различного рода конкурсах, выставках, награды за социально-экологическое ответственное поведение. Около 75% компаний, о которых имеется информация в последние годы участвовало в различных выставках и конкурсах на экологическую тему, а также получило различного рода награды за достижения в области охраны окружающей среды.

Крайне важно отметить, что проблемами охраны природы сегодня озабочены не только передовые представители крупного, но и среднего, и малого бизнеса.

Позитивным опытом решения экологических проблем располагают такие малые и средние предприятия, как ООО «Предприятие “Аэротех”» (Республика Бурятия), МПКХ «Шаховская» (Московская область), ОАО «Коммунальник» (Чита), «Экологическая компания Сахалина», ОАО «Завод бурового оборудования» (Оренбург), ЗАО «Таркет» (г. Отрадный, Самарская область).

Отмечая определенные достижения передового отечественного бизнеса в сфере охраны окружающей среды, необходимо отдавать себе отчет в том, что этот позитивный тренд имел место в предкризисный период. В условиях кризиса ситуация с охраной окружающей среды ухудшится. Перед многими предприятиями стоит дилемма: спасать бизнес или строить очистные сооружения. Выбор приоритетов в этой ситуации, на наш взгляд, очевиден.

Для того чтобы российский бизнес стал действительно двигаться по пути экологической ответственности в посткризисный период, необходимо, на наш взгляд, следующее:

1. Осознать и власти, и бизнесу, что недовольство состоянием охраны окружающей среды может, особенно в условиях кризиса, стать детонатором протестных акций со стороны населения. Экологическая грамотность населения растет довольно быстро, о чем свидетельствуют многочисленные факты протестов против строительства промышленных предприятий в местах проживания людей. Снять социальную напряженность, связанную с проектами развития, можно только путем информационной открытости компаний. В настоящее же время заполненные формы экологической отчетности предприятий сдаются в органы статистики чуть ли не под грифом «секретно». Закрывая экологическую отчетность, власти и бизнес пекутся о том, чтобы лишний раз не будоражить общественность данными о плачевном положении дел с охраной окружающей среды на том или ином предприятии. Однако как это нередко у нас бывает, отсутствие правдивой информации порождает массу слухов, домыслов, фантазий, что, в конечном итоге, приводит к еще большим волнениям общественности.

2. Повысить экологическую ответственность чиновников, которые в настоящее время подают бизнесу и обществу плохие примеры феодального отношения к природе. Здесь достаточно вспомнить VIP-охоту представителя президента в Государственной Думы г-на А. Косопкина на занесенных в Красную книгу горных баранов – архаров. Подобные случаи, когда представители государства, которые по определению должны стоять на охране закона, являются его грубыми нарушителями, в России встречаются повсеместно.

3. Усилить принудительную составляющую в социально-экологической ответственности бизнеса, а именно, сделать загрязнение природы невыгодным, т.е. штрафы за нарушение природоохранных норм должны существенно превышать стоимость очистных сооружений.

Разумеется, принуждение к экологической ответственности будет возможным лишь при условии серьезного сокращения коррупции в России. В противном случае правильное положение о том, что загрязнитель природы должен компенсировать нанесенный ущерб, обернется лишь ростом коррупции. Как отмечал в мае 2008 г. заместитель руководителя Федеральной службы по надзору в сфере природопользования О. Митволь, «когда крупные предприятия сталкиваются с претензиями природоохранных органов, первое, что они делают – пытаются найти нужных людей среди чиновников и решить вопрос» (9, с. 35).

4. С помощью экономических инструментов сделать дело охраны окружающей среды выгодным для бизнеса. Создать систему материального и морального стимулирования бизнеса к более активному осуществлению корпоративной экологической ответственности, содействовать созданию новых и совершенствованию существующих экономических и правовых механизмов формирования экологической ответственности бизнеса.

5. Сделать экологическую отчетность обязательной, как это имеет место в ряде развитых стран, на первом этапе хотя бы для компаний с государственным участием.

6. Активно вовлекать в экологические проекты малый и средний бизнес. Предусмотреть меры государственной и общественной поддержки малых и средних компаний, занимающихся экологическим сервисом (экологический мониторинг, экологический аудит, экологические рейтинги, экологическая информация, экологическое просвещение и воспитание и т.д.), реабилитацией окружающей среды, строительством очистных сооружений, утилизацией различного рода отходов и т.д.

Однако все эти меры могут заработать и дать эффект в полной мере в посткризисный период. Что касается кризиса, то отметим еще раз его негативное воздействие на формирование экологической ответственности бизнеса. Вместе с тем кризис может сыграть и определенную позитивную роль в решении экологических проблем. Он должен подтолкнуть бизнес к внедрению ресурсосберегающих технологий с целью удешевления продукции и повышения ее конкурентоспособности, сделать более прозрачной экологическую составляющую производимых товаров и услуг с целью улучшения своей репутации в глазах потенциальных потребителей продукции и т.д. Кроме того, кризис может привести к закрытию части экологически грязных производств, которые не смогут выдержать конкуренции с современными и технологичными предприятиями.

Литература

1. Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов / РСПП. – М., 2008. – С. 80.
2. Бизнес и общество. Справочник, – М., 2005. – 287 с.

3. Васильева М.И. Правовые проблемы организации управления в сфере охраны окружающей среды. – М., 2004. – 340 с.

4. Вершилло Н.Д. Экологическая функция российского государства в контексте устойчивого развития // «Экологическое право». – М., 2005. – № 4. – С. 11–14.

5. Государственный локлад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2007 году». – М., 2008. – 468 с.

6. Государственный ежегодный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2008 году». – М., 2009. – 473 с.

7. Ключевский В.О. Сочинения. – М., 1989. – Т. IV. – 395 с.

8. «Коммерсантъ». – М., 2009. – 05.02. – С. 2.

9. «Коммерсантъ Business Guide». – М., 2008. – 27.05. – С. 35–36.

10. Лидеры бизнеса России. Справочник. – М., 2008. – 203 с.

11. Обзор по результатам апробации стандарта ТПП РФ «Социальная отчетность предприятий и организаций» и его использовании субъектами малого предпринимательства в России. – М., 2007. – 87 с.

12. Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. – М., 2008. – 448 с.

13. Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России. – М., 2002. – 444 с.

14. Протасов В.Ф. Экология, здоровье и охрана окружающей среды в России. – М., 2001. – 670 с.

15. Социально ответственный бизнес России. Опыт лучших компаний. Справочник. – СПб., 2007. – 271 с.

16. Социально-экологическая ответственность и рейтинги российского бизнеса. Справочник. – М., 2005. – 320 с.

17. www. brealit.ru/2008–12–06

18. www.businesspress.ru/…/article_mld_43_a

19. www. carnegie.ru/ru/75012–print.htm

20. www.commersant.ru/Images/Money/2006/014/dengi_14_122.jpg

21. www.kp.ru.

22. www.nera.biodat.ru/ratings/…/top100.php

23. www.nornik.ru/…/protectionwildlife/

24. www.rsias.ru/event_forum_2006–11–22.ht

25. www.rosneft.ru

26. www.rspp.ru

27. www. severgazprom.ru

28. www.silvinit.ru

29. www.silvinit.ru/press/news/details_176.html

30. www.social.rzd.ru

31. www.stockmap.ru/news/0911644626/

32. www.ugmk.com

33. www.uralchem.ru

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Н.И. Бухарин

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Бухарин Николай Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Прошло 20 лет как страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы вступили на путь системных преобразований. Новые элиты, пришедшие к власти в этих странах в конце 1980-х – начале 1990-х годов, достаточно быстро осознали, куда надо идти. Разумеется, на Запад – и сделали однозначный выбор в пользу европейских, атлантических и мировых институтов. При формировании модели политической системы был использован опыт Германии, Австрии и Франции. Что касается экономической модели развития и модернизации, то трансформирующиеся страны региона выбрали Европейский союз (ЕС), императивы которого задавали им вектор внутреннего и внешнего хозяйствования. Так что, по сути, страны ЦВЕ перешли к демократии и рынку через заимствование европейских институтов[1].

За 20 лет системная трансформация удалась не во всем регионе Восточной Европы, а только в странах Центрально-Восточной Европы. Удалась в этом субрегионе прежде всего благодаря фактору Европейского союза. Благодаря успешной трансформации и вступлению в ЕС его новые члены обладают более устойчивым институциональным устройством, чем их юго-восточные и восточные соседи[2].

Итак, за 20 лет в процессе перемен самых больших достижений добились страны Центрально-Восточной Европы – Венгрия, Польша, Словакия и Чехия (страны так называемой Вишеградской группы), а также Словения. Следующими странами, достигшими значительных результатов на пути

1. Подробнее см.: Глинкина С. П. Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций: Науч. докл.– М., 2008. – С. 9.

2. См.: Грин С. Свобода // www.carnaegi.ru

системной трансформации, являются Болгария и Румыния. Неслучайно семь этих стран в 2004 и 2007 гг. были приняты в Европейский союз. Из-за вооруженных конфликтов на Балканах в 1990-х годах и большей социально-экономической отсталости в субрегионе Юго-Восточной Европы процесс перемен, в отличие от стран Центрально-Восточной Европы, происходил более медленными темпами.

В «Индексе трансформации 2010», подготовленном немецким фондом Бертельсманна, в настоящее время по уровню политической и экономической трансформации первое место (из 128 охваченных стран) занимает Чехия, второе – Словения, четвертое – Эстония, шестое – Словакия, седьмое – Литва, восьмое – Венгрия, десятое – Польша, 13-е – Латвия, 14-е – Болгария, 15-е – Хорватия, 16-е – Румыния, 21-е – Македония, 24-е – Сербия, 25-е – Черногория, 30-е – Албания, 38-е – Косово, 39-е – Босния и Герцеговина, 65-е – Россия[3].

Бывший диссидент и президент Чехии В. Гавел называет современные государства Центрально-Восточной Европы «стандартными капиталистическими странами». Как считает нынешний президент Чешской Республики В. Клаус, чехи живут «в нормальной европейской стране»[4]. В Чехии как в самой благополучной стране региона с переменами сейчас идентифицируют себя 69% граждан[5]. В Польше считают, что в этой стране за последние 300 лет никогда не было так хорошо, как в последние 20 лет.

Социологический опрос, проведенный осенью 2009 г. Чешским центром общественного мнения, показывает, что среди положительных перемен чехи называют доступ к информации (80%), возможность поездок за границу (77), личную свободу (72) и свободу выражения мнений (65%). Среди негативных сторон опрошенные выделяют прежде всего ухудшение социального и пенсионного обеспечения[6].

Вместе с тем опрос в девяти постсоциалистических странах, проведенный американским исследовательским центром Pew в 2009 г., неожиданно показал, что далеко не во всех этих государствах люди довольны происшедшими переменами. Самое большое разочарование в капитализме испытывают венгры (в 1991 г. он был поддержан 80%, в 2009 г. – 46% опрошенных), за ними идут россияне, украинцы и болгары. Довольны своим положением чехи (поддержали капитализм в 1991 г. 87% населения, в 2009 г. – 79%), поляки, словаки и бывшие жители Восточной Германии, т.е. страны, в которых ре-

3. Transformation Index 2010 // www. bertelsmann-stiftung.de

4. Vyprázdněná politika je příležitost pro «havlismus», říká Václav Klaus // iDNES.cz (16.11.2009).

5. Петр Питгарт: за бархатный переворот 1989-го года стоило бороться // www.rian.ru (2009, 16 ноября).

6. The Czech 1989 events: unexpected but inevitable // www.EuroActiv.com (2.11.2009).

формы носили более глубокий и более серьезный характер. Однако во всех девяти странах за 18 последних лет поддержка капитализма населением уменьшилась[7]. Молодое поколение, а также люди с высоким образовательным уровнем воспринимают перемены более позитивно.

Необходимо еще раз отметить, что Венгрия – единственная страна в Центрально-Восточной Европе, в которой из-за экономического спада, вызванного ошибками в экономической политике правительства и глобальным кризисом, сейчас большинство населения разочаровано в смене системы. Согласно социологическому опросу, проведенному центром Ipsos в октябре 2009 г., разочаровавшиеся составляют 70% тех опрошенных, которые в 1989 г. были взрослыми людьми[8].

С. Жижек, известный левый философ, международный директор Института гуманитарных наук при лондонском колледже им. Биркбека, прав когда пишет, что подавляющее большинство людей, участвовавших в антикоммунистическом движении протеста в Восточной Европе, требовало не капитализма. Они хотели свободы, самостоятельности без контроля государства, возможности встречаться с кем захотят и говорить все, что пожелают; они хотели жизни простой и искренней, лишенной примитивной идеологической обработки и циничного лицемерия[9].

Два фактора определили быструю стабильность и определенную функциональность демократических институтов и процедур в странах региона. Первый – это стремление «вернуться» в Европу, ориентироваться на Запад. Восточноевропейские культуры просто идентифицировали себя с европейской (западноевропейской) культурой (насколько обоснованно, это другой вопрос). А это оказалось мощнейшим ценностным ресурсом. Второй фактор – это сам Запад в лице Европейского союза и США с их мощными ресурсами как внешний источник легитимности, компенсирующий дефицит ее внутренних источников. Российский политолог С. Каспэ подчеркивает, что демократические институты и процедуры в странах Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы легитимировались как средства обеспечения жизнедеятельности реставрированных наций, радостно входящих во вновь обретенную семью свободных народов[10]. Восстановление преемственности с довоенным европейским прошлым воспринималось и воспринимается как возвращение в некий «золотой век», что, конечно, является иллюзией[11].

7. End of communism cheered but now with more reservations // pewglobal.org

8. Special Report: In eastern Europe, people pine for socialism // www.reuters.com (8.11.2009).

9. Жижек С. Падение длиною в двадцать лет («The New York Times», США) // РИА Новости. 2009, 10 ноября.

10. Каспэ С. Постсоветские нации в саду расходящихся тропок // www.centrasia.ru (2009, 28 декабря).

11. Липман М. Общество политической безучастности // www.carnaegi.ru

В результате сейчас страны Центрально-Восточной Европы Болгария и Румыния являются уже устойчивыми демократиями. Почти все эти страны выбрали парламентскую модель организации власти с сильным правительством, ответственным перед парламентом, и ограниченными президентскими полномочиями. Стабильно функционируют институты представительной демократии, проводятся свободные выборы, нормой политической жизни стали принципы многопартийности и демократических свобод (слова, печати, общественных объединений). Политические партии и СМИ обеспечивают прозрачность общественно-политической жизни. Соблюдаются основные западные стандарты (плюрализм, верховенство закона, уважение прав меньшинства и др.). Однако в Венгрии и Румынии права цыган как национального меньшинства нередко нарушаются, в обществе распространены ксенофобия и нетерпимость по отношению к ним. К цыганам плохо относятся 84% чехов, 78 – словаков и 69% – венгров[12].

Демократические правила игры признаются всеми основными политическими силами; гарантированы и, как правило, не нарушаются права человека. Переход власти из рук правящих сил к оппозиции происходит без каких-либо инцидентов. Смена правительства осуществляется законным путем, на основе конституционных процедур. Службы безопасности и вооруженные силы находятся под гражданским контролем.

Вместе с тем отметим еще раз, что в Юго-Восточной Европе политические преобразования идут медленнее. Это особенно касается государств Западных Балкан. В ряде этих стран существуют серьезные проблемы с обеспечением верховенства закона и независимостью судов, распространена коррупция и т.д. В последние десять лет значительных успехов в процессе демократизации добились Хорватия (после смерти Ф. Туджмана) и Македония. К настоящему времени лишь Хорватия соответствует критериям, предъявляемым к странам при вступлении в ЕС. В ближайшее время она будет принята в эту международную организацию.

Но, несмотря на очевидные достижения, спустя 20 лет бывшие диссиденты вынуждены признать, что не все получилось так, как они хотели. «… Все оказалось несколько сложнее и требует больше времени, чем мы думали, – размышляет Гавел. – Есть вещи, которые я люблю, но есть вещи, от которых я готов плакать»[13]. Антикоммунистические диссиденты наивно полагали, что удастся создать общество мечты, где будут царить честность, справедливость и солидарность. Сдвиги в сознании общества происходят не так быстро. «Существует большая часть общества, которая все еще деморализована

12. End of communism cheered but now with more reservations // pewglobal.org

13. Where did Vaclav Havel's anti-communist dream take us? // www.telegraph.co.uk (12.11.2009).

прошлым, – считает бывший чешский президент. – Вероятно придется ждать нового поколения…»[14]

20 лет перемен свидетельствуют, что со свободой и демократией в странах региона не все обстоит благополучно. То, что мечты бывших диссидентов о подлинной демократии не осуществились, их весьма нервирует. Для такой демократии все еще не удается создать необходимую атмосферу. Чешский политолог И. Пеге пишет: «Создание подлинно демократической среды связано со способностью людей усвоить демократические ценности, которые, в свою очередь, тесно связаны с ростом гражданского общества». Сохраняется проблема создания подлинно демократической политической культуры. В странах ЦВЕ существует крайне конфронтационная и резко поляризованная политическая среда. Культура диалога и компромисса все еще недостаточно развита[15].

Опыт стран региона показывает, что становление демократии идет сложным путем, ее может быть больше или меньше, возможно ее дальнейшее развитие и совершенствование, но возможен и откат от нее.

Свобода вызвала неожиданные и противоречивые процессы. По мнению бывшего диссидента, а ныне главного редактора польской «Газеты выборчей» А. Михника, возрождение с началом перемен националистических, этнонационалистических и религиозных традиций стало препятствием на пути развития демократии[16]. Крайне националистические лидеры и партии в истории стран региона были реабилитированы. Антисемитские и антицыганские настроения, русофобия усилились. Вышеупомянутые традиции не являются синонимом свободы. И это необходимо учитывать. Нынешний восточноевропейский национализм, как и всякий национализм, плохо сочетается с лозунгами свободы, равенства, братства.

Бывших диссидентов пугают усиливающиеся авторитарные тенденции в постсоциалистическом мире. Они считают, что в странах региона возвращение к реальному социализму маловероятно, однако появление антикоммунистического авторитаризма или тоталитаризма все же возможно. По мнению Гавела, тоталитаризм заканчивает свое существование в классическом виде и теперь находит иные формы существования и управления обществом. Необходимо научиться адекватным образом воспринимать ситуацию не только в Чехии, но и за ее пределами[17]. Вышесказанное относится, в частности, к В. Орбану и его партии ФИДЕС – Венгерскому гражданскому

14. Where did Vaclav Havel's anti-communist dream take us? // www.telegraph.co.uk (12.11.2009).

15. Pehe J. Democracies Without Democrats // A TOL Special Rerort1989: 20 Years After. Transitions Online 2009.

16. Michnik A. Výdobytky roku 1989 jsou ohroženy cynismem // www.literarky.cz (16. 11. 2009).

17. Прага: 20 лет «бархатной революции» // www.rfi.fr (2009, 14 ноября).

союзу, которая сменила ориентацию с национально-либеральной на правоконсервативную и националистическую.

Несмотря на свободу, основная часть общества хочет усиления роли государства. Особенно сейчас в связи с финансовым и экономическим кризисом. Люди считают, что государство должно вмешаться в ключевые сферы общественной жизни и заботиться о своих гражданах. Лишь интеллектуалы продолжают рассуждать о свободе, индивидуализме, эгоизме и т.д.

Во всех странах региона в первую очередь созданы юридические основы демократии. Однако не везде ими умеют пользоваться. Если в странах Центрально-Восточной Европы существуют материальные основы (относительно высокий жизненный уровень) для функционирования и развития демократии, то в большинстве стран Юго-Восточной Европы такие основы отсутствуют. Снижение из-за глобального кризиса жизненного уровня населения в ближайшие годы могут привести к сбоям в функционировании демократии и даже к откату от нее.

В некоторых странах и сегодня есть все знаки демократии, но это только формально, а по сути власть манипулирует обществом, заявил В. Гавел на международной конференции в Праге «Свобода и ее противники» в ноябре 2009 г. Вопрос, по его мнению, состоит в том, будет ли общество сопротивляться этим манипуляциям[18].

Четырехлетние избирательные циклы ведут к тому, что политическая система сосредоточивается только на краткосрочных приоритетах, а долгосрочная стратегия остается вне поля ее внимания. К этому ведет также членство в ЕС: пусть теперь Брюссель думает о будущем, все зависит от него. В результате политические партии все больше прибегают к популизму, все больше их избирательные программы становятся весьма похожими. В обществе растет разочарование в партиях, кандидатах в президенты и выборах.

В Польше и Чехии люди особенно недовольны политикой и политиками. Политика сразу же после начала перемен и до сих пор рассматривается как быстрый способ обогащения. В посткоммунистических странах она не сумела доказать, что является важным инструментом решения проблем людей. Политики, как правило, занимаются своими личными делами. Отсюда вытекает усиливающееся разочарование людей в выборах.

Несомненным достижением перемен стал быстрый рост жизненного уровня в большинстве стран Центрально-Восточной Европы и Словении в 2000-х годах. Иностранные финансовые вливания позволили жителям восточных стран ЕС на несколько лет почувствовать себя настоящими европей-

18. Прага: 20 лет «бархатной революции» // www.rfi.fr (2009, 14 ноября).

цами, но этот достаток был обеспечен на одолженные деньги. Значительная часть населения жила не по средствам, за счет кредитов.

Однако в первой половине 1990-х годов основная часть населения стран региона за переход к рынку заплатила высокую социальную цену прежде всего снижением жизненного уровня. Негативными его последствиями стали также появление и быстрый рост безработицы, расширение зоны бедности, проблемы с доступом к образованию и здравоохранению, социальное неравенство, распад прежней системы социального обеспечения.

Однако уже во второй половине 1990-х годов зона бедности сократилась, а в середине 2000-х годов на волне высоких темпов экономического роста уменьшилась доля малообеспеченных социальных групп. В странах региона за 20 лет заметно возрос валовой национальный продукт на душу населения, рассчитанный по паритету покупательной способности, приблизившись к соответствующим средним значениям в ЕС-15. Данный тренд наиболее ярко проявился в Польше, Словакии, Словении, Эстонии, Латвии[19].

В течение 20 лет в обществе получила распространение философия индивидуализма и консьюмеризма, утвердился приоритет денег и материальных ценностей. Все хотят иметь красивый дом и машину, во время отпуска отдыхать на престижных курортах.

Чехия достигла в 2008 г. самого высокого уровня жизни за всю свою историю. В настоящее время в этой стране заработная плата по уровню покупательной способности составляет 80% от уровня США[20]. В Чехии за 20 лет покупательная способность населения выросла на 70%. В 1989 г. расходы на продукты питания составляли 34% всех расходов, в 2009 г. – 23%. С 40 до 30% сократились расходы на промышленные товары. Зато выросли затраты на коммунально-жилищные услуги: в 1989 г. они составляли менее 10% всех расходов, в 2009 г. – более 20%. Цена билета на общественный транспорт в Праге увеличилась в 26 раз[21].

Однако в ряде стран социальная ситуация остается сложной. Бывший президент Болгарии П. Стоянов, считает, что низкий уровень жизни остается «ахиллесовой пятой перехода страны» к демократии. «Я никогда не думал, что спустя 20 лет будет столько людей, в основном пожилых, которые не могут позволить себе купить простые вещи»[22].

19. Восточная Европа: двадцать лет спустя // Новая и новейшая история. – 2009. – № 6. – С. 9.

20. 20 let české ekonomiky: Od pokusů k relativní prosperitě // www.CT24.cz (2009.16.11).

21. 20 let po sametovém převratu: svět bez front na banány a výjezdních doložek // www.e15.cz (16.11.2009).

22. 20 Years after the Berlin Wall's Fall: An East European Looks Back // www.novite.com (9.11.2009).

Ответ на вопрос: кто выиграл, а кто проиграл в процессе системных перемен, не так прост, как кажется на первый взгляд. Строили демократию и рыночную экономику и бывшие диссиденты, и бывшие партийные и государственные функционеры. Особенно заметно кадровая преемственность во всех ключевых сферах политики до экономики проявилась в Словении. Такова была специфика этих перемен.

После того как началась экономическая трансформация, выяснилось, что бывшие партийные функционеры лучше подходят для запуска рыночной экономики, чем антикоммунистические диссиденты. Бывшие коммунисты сумели безжалостно приспособиться к новым капиталистическим правилам и жестокому миру рыночной эффективности. Бывшие партийные функционеры стали новыми собственниками и топ-менеджерами. Они также остались, несмотря на люстрации, кадровой основой органов государственного управления и правосудия. С. Жижек злорадствует, что «капитализм одолел коммунизм, но ценой этой победы стал тот факт, что коммунисты теперь обыгрывают капиталистов на их собственном поле»[23].

Люстрация в ряде стран ограничила для лишь небольшой части прежней элиты занятие политических постов. В большинстве стран за так называемые «коммунистические» преступления, совершенные при прежнем режиме, никто так и не был осужден. Исключением является лишь Чехия, где в течение 20 лет в совершении таких преступлений были обвинены 173 человека. 74 было предъявлено официальное обвинение и их дела были переданы в суд. 22 из них получили условные приговоры. Всего лишь восемь лиц были приговорены к тюремному заключению[24]. В Польше процесс по поводу кровопролития во время событий декабря 1970 г. длится с 1996 г., введения военного положения – с сентября 2008 г.

Победители в процессе преобразований – это лица с высшим образованием, жители крупных городов, молодое поколение. Однако именно 20- и 30-летние больше всего пострадали от глобального кризиса. Они взяли большие деньги в кредит на автомобили и квартиры. Теперь часть из них, чтобы погасить долги, вынуждены уезжать на работу в более зажиточные страны Западной Европы. Проигравшие – это престарелые, малообразованные и бедные слои общества, жители малых городов. По данным Евростата, в 2008 г. доля бедных в Румынии составляла 23% всего населения, Болгарии – 20, Словении – 12, Словакии – 11, Чехии – 9%[25].

23. Жижек С. Падение длиною в двадцать лет («The New York Times», США) // РИА Новости. 2009, 10 ноября.

24. Mejstrik M. Twenty years later, and the communists are still with us // www.rfe/rl.com (06.11.2009).

25. Новые члены ЕС опережают старых в борьбе с бедностью // Коммерсант. 2010, 19 января.

2000-е годы для стран региона стали своеобразным цивилизационным скачком. С западным капиталом пришли новые технологии, современный менеджмент. Потребительские блага Запада стали достоянием многих домашних хозяйств Центрально-Восточной Европы. Например, в Польше персональные (стационарные и переносные) компьютеры в 2005 г. имелись в 40%, а в 2008 г. – в 56% домохозяйств, доступ к Интернету – в 46%. В 2005 г. только 7% лиц в возрасте 16–74 лет совершали покупки через Интернет, в 2007 г. – уже 16%. В 2008 г. мобильными телефонами пользовались 97,7% рабочих и служащих, 92,1 – крестьян, 98,1 – предпринимателей и 60,0% – пенсионеров. В 2000 г. на 1 тыс. человек приходилось 259 личных автомобилей, в 2007 г. – 351.

В целом за 20 лет в итоге экономических преобразований в странах региона была создана новая экономическая система, базовые принципы которой – открытость, приоритет частной собственности, ограничение участия государства.

Сформировалась новая инфраструктура: банковская система, фондовый рынок и биржи, инвестиционные и пенсионные фонды, организации социального страхования, институты рынка труда и др. Сформировался класс предпринимателей, которые готовы идти на риск и работать на себя в условиях рыночной экономики. Были созданы возможности для самореализации людей. И часть их эти возможности использовала. Особенно рынок высвободил предприимчивость поляков. По мнению польского политика Я. Рокиты, они проявили себя «евреями Европы»[26].

К середине 1990-х годов страны ЦВЕ, Болгария и Румыния преодолели спад производства, последовавший за коллапсом административно-плановой системы, к 2000 г. восстановили дореформенный объем валового продукта, темпы роста которого в последующие годы стабильно превосходили аналогичные показатели Западной Европы.

С конца 1990-х – начала 2000-х годов экономическое развитие стран ЦВЕ, Болгарии и Румынии обеспечивалось за счет привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), использования средств западных банков и других финансовых организаций, продажи акций, со вступлением же в 2004 г. в ЕС восьми стран, а в 2007 г. Румынии и Болгарии – ассигнований из фондов Союза.

По существу, рост экономики Центрально-Восточной Европы стали определять: свободное движение капитала, товаров; наличие дешевой и квалифицированной рабочей силы; поставки российских энергоносителей по относительно низким ценам; возможности западных банков и компаний получать большую прибыль, чем на территории стран «Старой» Европы. Сегодня в ЦВЕ, Болгарии и Румынии 60–80% банков – «дочки» западноевропейских

26. Refleksje na 20-lecie wolnej Polski // Gazeta Uniwersytecka. 2009, listopad.

структур. Тем самым страны были подключены к западной банковской системе, стали составной частью финансовой интеграции. Финансовая интеграция способствовала быстрому экономическому росту.

В результате в 2004–2008 гг. благодаря росту инвестиций экономика большинства стран Центрально-Восточной Европы, Болгарии и Румынии переживала финансовый и потребительский бум. Важную роль в этом буме сыграли иностранные кредиты. В течение десяти лет кредитование западными банками компаний и домашних хозяйств в Восточной Европе (вместе с Россией, Украиной и Молдавией) составило более 1 трл долл. В 2008 г. Словакия, Румыния и Болгария демонстрировали максимальные показатели роста с начала перемен, что было связано с укреплением экспортной ориентации их экономик, а в двух последних странах – с ростом потребительского кредитования.

Неудача постигла лишь Венгрию**.** Последние десять лет эта страна жила не по средствам. В результате рос дефицит бюджета. Живя на заемные средства, которые в основном проедались, она накопила один из самых крупных в регионе внешний долг, равный почти 100% ВВП. В 2006 г. дефицит бюджета в Венгрии составил 9,2%, это рекордная сумма для Евросоюза. В итоге это замедлило темпы экономического роста.

ПИИ сыграли ключевую роль в оживлении и модернизации экономики, качественно изменили ранее слабо развитый сектор финансовых услуг, стали главным инструментом распространения систем телекоммуникаций, транспортной инфраструктуры, подняли фактически «лежавшую» промышленность. Однако транснациональные корпорации использовали территорию стран ЦВЕ преимущественно для размещения предприятий с низкой или средней производительностью (как правило, сборочных) и реже создавали на них высокотехнологичные производства[27]. С начала нового века транснациональные и крупные иностранные компании в большинстве секторов заняли ведущие позиции, получили крупные доли участия в производственных предприятиях, банках, страховых компаниях, розничных сетях.

В последние годы во многих странах улучшились структурные и качественные характеристики экономики. Ускорились темпы промышленного производства, а в Чешской Республике, Словакии и Польше с середины 2000-х годов они превысили показатели роста ВВП. Сворачивались ресурсоемкие предприятия с низким уровнем технологий, расширились мощности по выпуску более сложной продукции с высокой добавленной стоимостью. Польша и Словения даже превзошли средний уровень ЕС по доле в валовом объеме продукции обрабатывающей промышленности.

27. Европейский союз и новые страны-члены: проблемы адаптации. – М., 2008. – С. 148–164.

Экономика стала более эффективной, поскольку ВВП увеличивался в основном за счет роста производительности труда. По ее уровню страны ЦВЕ почти в 2 раза уступают группе ЕС-15, но разрыв между ними неуклонно сокращается.

ЕС удалось помочь странам ЦВЕ найти нишу на отраслевых рынках. Тем не менее она оказалась не слишком широкой, предопределив недостаточную диверсификацию. В структуре промышленности и экспорта стран региона преобладают автомобили, запасные части к ним, телевизоры, мониторы, бытовая техника.

Регион стал составной частью глобального рынка, значительно повысилась степень открытости национальных экономик. Ныне доля экспорта Польши и Румынии в ВВП оценивается в 30–40%, а Венгрии, Словакии и Чехии – 70–80%, из которых 60–80% приходится на государства Евросоюза. Венгрия поддерживает тесные хозяйственные связи с Австрией и Германией, Чехия и Польша – с Германией, Болгария – с Германией, Италией и Грецией. ЕС обеспечил гарантированный внешний спрос на продукцию секторов, поднявшихся «на дрожжах» иностранного капитала и ставших локомотивом роста благосостояния. Поэтому состояние экономик стран Центрально-Восточной Европы, Болгарии и Румынии напрямую связано с положением дел в еврозоне.

За годы перемен сократилось и их отставание от ЕС в социально-экономическом развитии. Так, в 1991 г. среднедушевой ВВП региона (включая государства Балтии) составлял 39% от среднего уровня по странам ЕС, а в 2008 г. – 57%. По оценкам экспертов, после вступления в ЕС ВВП странновичков ежегодно возрастал на 2–3%, однако из-за мирового кризиса нынешний его показатель не увеличится в течение ближайших нескольких лет. Большого успеха в сокращении отставания от среднедушевого уровня ВВП Евросоюза (в том числе, рассчитанного по паритету покупательной способности валют) достигли Словения, Чехия и Словакия, ВВП которых за 1991–2008 гг. вырос с 62 до 92%, с 64 до 80% и с 42 до 69% соответственно[28]. Однако разрыв остается значительным: Словения уступает по этому показателю группе ЕС-15 в 1,2 раза, Чешская Республика – в 1,4, Болгария и Румыния – в 3 раза[29].

В итоге если принять ВВП 1989 г. за 100%, то в 2008 г. уровень реального ВВП в Польше составил 178%, Словакии – 164, Албании – 163, Словении – 156, Чехии – 142, Румынии – 128, Болгарии – 114, Венгрии – 111, Македонии – 102, Черногории – 92, Боснии и Герцеговины – 84 и Сербии – 72%. Это означает, что три страны региона так еще и не достигли уровня ВВП 1989 г.

Глобальный кризис привел к экономическому спаду в регионе и стал угрозой для достижений прошедшего десятилетия, в том числе в социальной

28. Differentiated Impact of the Global Crisis // WIIW Current Analyses and Forecasts. Economic Prospects for Central, East and Southeast Europe. – 2009. – N 3. – P. 115.

29. Европейский союз и новые страны-члены: проблемы адаптации. – С. 136.

сфере. Нынешний кризис – самый серьезный с начала 1990-х годов. Как считает премьер-министр Венгрии Г. Байнаи, Центральная и Восточная Европа сейчас переживает «очень трудный период»[30]. В экономическом плане кризис отбросил большинство стран на несколько лет назад.

Глобальный кризис достиг региона в конце марта 2008 г. В четвертом квартале 2008 г. он уже вызвал резкие экономические последствия. Дальнейшее его углубление произошло в первом квартале 2009 г. Кризис привел к падению экспорта, резкому уменьшению притока ПИИ, сокращению доступа к финансовым рынкам, ослаблению на первых порах национальной валюты, безработице, ухудшению состояния государственных финансов. Резкое падение экспорта произошло в четвертом квартале 2008 г. Больше всего оказались зависимыми от внешней экономической ситуации, от внешних займов Венгрия, Словакия и Словения. В средней зоне зависимости находятся Чехия, Хорватия и Сербия.

Как только приток кредитов остановился, регион погрузился в рецессию. Под угрозой оказался жизненный уровень населения. По оценке Европейского банка реконструкции и развития, сокращение промышленного производства на 50% в странах региона существенно разрушило бы социальную систему, привело бы к резкому росту бедности и безработицы.

Во втором-четвертом кварталах 2009 г. темпы промышленного и экономического спада стали постепенно затухать. Если к марту 2009 г. национальные валюты потеряли 30% своей стоимости по отношению к евро, то к сентябрю они в значительной степени восстановили свою стоимость. 2009 г. был временем, когда страны Центральной и Юго-Восточной Европы приобретали опыт существования в условиях последствий глобального кризиса. В отличие от более развитых государств ни одна из стран региона не могла позволить себе иметь пакет стимулирующих мер для преодоления кризиса.

Кредиты из-за невозможности их погасить превратились в долги юридических и физических лиц. Иностранные банки ограничили выдачу кредитов. По данным Института международных финансов, приток частного капитала в Восточную Европу (с Россией и Украиной) резко уменьшился – с 254 млрд долл. в 2008 г. до 30 млрд долл. в 2009 г. Регион переживает кредитный кризис. Много безнадежных долгов сосредоточено в банках и необходима их реструктуризация. Наблюдается рост безработицы. Падение цен на активы подорвало доверие инвесторов. Произошло замедление внутренних циклов деловой активности.

В ситуации финансового кризиса наблюдался отток финансовых средств из филиалов иностранных банков в регионе в материнские банки. Вместе с тем материнские банки не ушли из стран региона; больше того, по данным

30. Bajnai Gordon: Magyarország büszke 20 évvel ezelőtti szerepére aberlini fal lebontásában // http: // www.google.com / hostednews / epa / article / (9.11.2009).

ЕС, с середины 2009 г. они сократили или прекратили отток капитала из этих стран. Сыграв тем самым стабилизирующую роль.

В целом самых плохих возможных последствий глобального кризиса странам Центрально-Восточной Европы удалось избежать. По оценке Европейского банка реконструкции и развития, в 2009 г. в этом субрегионе ВВП уменьшился всего примерно на 3,5%, прежде всего благодаря стабильности в Польше – крупнейшей экономике Центральной Европы. В то же время в еврозоне ВВП упал на 4%, в Юго-Восточной Европе – примерно на 6,5%[31].

Разница между отдельными странами региона еще заметнее. По предварительным данным, в 2009 г. ВВП уменьшился больше всего в Венгрии – на 7,5%, Румынии – 7,3, Хорватии –5,2, Болгарии – 4,9, Словакии и Словении – 4,8, Чехии – 4,3, Сербии – 3,5%. Единственная в регионе и в ЕС в целом страна, в которой в 2009 г. наблюдался рост экономики (1,5–1,7%), – Польша. Это обусловлено рядом факторов, независимых от польского правительства. Среди них – структура польской экономики, которая сориентирована прежде всего на внутренний рынок, сохранение в течение значительного времени 2009 г. высокого внутреннего спроса со стороны населения из-за высоких доходов в последние годы и большого притока валюты от польских мигрантов в странах «старой» Европы, продолжение притока средств из ЕС в Польшу для инфраструктурных проектов, резкое снижение курса злотого в начале года. В декабре 2009 г. польский экспорт достиг уровня декабря 2008 г.

В 2009 г. приток ПИИ хотя и сократился, но вместе с тем он продолжился (за исключением Словении). В середине 2009 г. только четыре страны региона – Польша, Словакия, Словения и Чехия имели положительный кредитный рейтинг.

Западные аналитики считают, что в 2010 г. экономика стран Центрально-Восточной Европы будет восстанавливаться более медленными темпами, чем другие развивающиеся рынки, США и Западная Европа, так как кризис обнажил в ней многие уязвимые места. Европейский банк реконструкции и развития прогнозирует рост ВВП в странах ЦВЕ и Балтии на уровне 1,4%. Правительства стран региона в связи с быстрым ростом дефицита государственного бюджета стоят перед проблемой роста внутреннего и внешнего долга или резкого сокращения бюджетных расходов.

Экономический кризис сказывается и на политической ситуации в регионе. Если в четвертом квартале 2008 – самом начале 2009 г. в ряде стран волна протеста нарастала, проявлением которой были демонстрации, забастовки с требованиями повышения заработной платы, то впоследствии она постепенно сошла на нет. Вместе с тем в связи с глобальным кризисом в настроениях

31. Прошедшее незавершенное и будущее время в Восточной и Центральной Европе («The Financial Times», Великобритания) // www.inosmi.ru (2009, 14 декабря).

общества всех новых членов ЕС растет пессимизм. Чешский писатель и политолог П. Питгарт считает, что «как бы отсутствует легитимность богатства. А это страшно важная вещь, ведь в кризисное время такие общественные ощущения могут быть источником деструктивной энергии»[32].

Несколько придя в себя от первоначального испуга, политики в регионе пришли к выводу, что серьезного взрыва уличных демонстраций и беспорядков не будет, что они обладают достаточным набором инструментов, чтобы удержать ситуацию под контролем.

Несмотря на это, политическая нестабильность в странах региона будет все же постепенно нарастать. Националистический и социальный популизм становится программным и избирательным лозунгом большинства политических партий. Это будет быстро девальвировать их политически. Будут появляться все новые и новые политические партии. В 2009 г. в большинстве стран были учреждены по одной-две новые политические партии.

Поскольку кризис пришел в страны региона из Западной Европы, его преодоление будет зависеть, в первую очередь, от развития экономической ситуации в западной части Евросоюза.

Страны региона, в первую очередь члены ЕС, надеются на поддержку. Евросоюз в сознании основной массы граждан постсоциалистических стран превратился в фактор, обеспечивающий стабильность демократии и благосостояние. Поэтому возможного распада ЕС в результате глобального кризиса боятся прежде всего в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе. Самоизоляции никто не хочет.

В связи с тем, что последствия кризиса носят достаточно серьезный характер, восстановление экономики будет медленным процессом.

Вначале методом укрепления финансовой стабильности и борьбы с кризисом в Центрально-Восточной Европе аналитики считали быстрое принятие евро. Однако впоследствии они пришли к выводу, что на трудный период кризиса лучше оставить национальную валюту, которую можно девальвировать и тем самым повышать конкурентоспособность экономики, а если будет необходимо, то дополнительно и допечатать. Поэтому планы введения евро перенесены по крайней мере на четыре-пять лет вперед. Опыт введения евро в Словении и Словакии показал, что это привело к снижению конкурентоспособности экономики из-за роста издержек на оплату труда и невозможности девальвировать валюту. Вместе с тем с принятием евро словаки получили более широкий доступ к иностранным кредитам.

Экономисты европейских финансовых организаций увязывают переход стран региона к новому витку развития с углублением интеграции с ЕС – политичес-

32. Петр Питгарт: за бархатный переворот 1989-го года стоило бороться // www.rian.ru (2009, 16 ноября).

кой, нормативной, торговой и финансовой (рост внешних активов и пассивов с помощью ПИИ и притока капитала, увеличение роли банковских групп ЕС).

Существует и противоположная точка зрения: отныне страны региона должны в большей степени опираться на собственные внутренние сбережения, на устойчивые рынки местного капитала.

На протяжении 20 лет в регионе проблема возможной альтернативы возникшему в ходе системной трансформации общественному устройству не поднималась. Даже в Венгрии во время острых политических столкновений осенью 2006 г. вся борьба сводилась только к требованию проведения досрочных выборов.

Вопрос об альтернативе на повестку дня поставил глобальный кризис. Все больше аналитиков в различных европейских структурах и странах Центрально-Восточной Европы считают, что этот кризис носит системный характер.

По мнению венгерского социолога Т. Пала, «это не финансовый кризис, как в Западной Европе. Это фундаментальный кризис, изменение парадигмы. Двадцатилетний переход после падения коммунизма подошел к концу. Модель, которая применялась в 1990-х и 2000-х, больше не действует», – утверждает он[33]. С ним по существу согласен и Ж. Рупник, чешский политолог, живущий в Париже, который считает, что «кризис – это сигнал конца политического и экономического цикла, который начался в Центрально-Восточной Европе в 1989 г.»[34].

Кризис привел к разочарованию в существующей модели экономического развития, он по крайней мере замедлил динамику рыночных реформ в регионе, если не остановил их. Правда пока никто не призывает к замене рыночной модели. Просто все выжидают. Но все понимают, что возврата к либеральной рыночной модели и прежней модели экономического роста уже не будет.

Перед международными финансовыми организациями встали вопросы: находится ли сама трансформация в регионе в кризисе, какие рыночные институты придется изменить, приведет ли кризис к откату от реформ. Ответы на эти вопросы пока найти трудно.

Прежде всего, заново переосмысливается роль государства – как это происходит повсюду. Однако, что касается региона Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, здесь эта проблема имеет свою специфику – больший акцент на регулирующие функции государства. Если посткоммунистическая трансформация предусматривала снижение роли государства, возрастание роли рынка и создание частного сектора, то теперь идеи сведения роли государства к минимуму отринуты. На смену приходит идея функционирования рынков при поддержке сильного государства с его высокоэффективными

33. Восточная Европа тяжело переживает кризис // www.nr2.ru (2009, 11 ноября).

34. Rude awakening for ex-communist countries as financial crisis made in west hits hardest in east // www. guardian.co.uk (10.11.2009).

институтами. Стало ясно, что только сильное и эффективное государство может справиться со сложной ситуацией.

Поэтому в странах региона встает вопрос о реформе деятельности государства, возрастании его роли в соответствии с требованиями кардинально изменившейся ситуации. Бывший президент Польши А. Квасьневский вынужден признать: «Мы не можем минимизировать роль государства, мы действительно должны использовать государство в решении всех возникших проблем»[35].

Что касается новой модели общественного устройства, пока просматриваются только первые наметки. Другой бывший президент Польши Л. Валенса считает, что возник шанс «построить новое общество». «Нам надо найти третий путь. Взять что-то от социализма, а что-то от капитализма, но в его умеренной версии, – рассуждает он. – И не менее важно создать настоящую, подлинную демократию». Да и экономическая система требует коренных перемен. Валенса уверен, что нынешнее «экономическое устройство будет разрушено скоро, по крайней мере в этом веке»[36].

Спустя 20 лет после начала системных перемен страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, достигнув немалых успехов в преобразованиях, вновь стоят перед серьезными испытаниями.

Литература

1. Восточная Европа: двадцать лет спустя // Новая и новейшая история. – М., 2009. – № 6. – С. 9.

2. Жижек С. Падение длиною в двадцать лет («The New York Times», США) // РИА Новости. – 2009, 10 ноября.

3. Новые члены ЕС опережают старых в борьбе с бедностью // Коммерсант. – М., 2010. – 19 января.

4. Европейский союз и новые страны-члены: проблемы адаптации. – М., 2008. – С. 148–164.

5. Differentiated Impact of the Global Crisis // WIIW Current Analyses and Forecasts. Economic Prospects for Central, East and Southeast Europe. – 2009. – №. 3. – P. 115.

6. Michnik A. Výdobytky roku 1989 jsou ohroženy cynismem // www.literarky.cz (16. 11. 2009).

7. Refleksje na 20-lecie wolnej Polski // Gazeta Uniwersytecka. – 2009, listopad.

35. Twenty Years of Transition conference // www.ebrd.com (2.112009).

36. «Я революционер, а не политик». Интервью с экс-президентом Польши Лехом Валенсой // РБКdaily. 2009. 11 ноября.

В.И. Волошин

РОССИЯ – ЕС: ЖЕСТКИЙ ПРЕССИНГ ЭНЕРГОДИАЛОГА

Рынки подобны парашютам:
они работают только когда открыты.
Гельмут Шмидт

Волошин Владимир Иванович – доктор экономических наук, заведующий сектором Института экономики РАН.

Современное состояние и перспективы энергообеспечения ЕС

Уже в течение многих лет Россия выступает ключевым партнером Европы, на которую прходится более 90% экспортируемых ею энергоносителей. Для этого есть хорошая основа – крупнейшие запасы топлива, географическая близость и развитая инфраструктура.

Евросоюз[1] же не располагает существенными запасами нефтегазового топлива.

Но, несмотря на это наряду с Японией, США и Китаем, он остается крупнейшим потребителем и импортером энергоресурсов (табл. 1). За счет импорта ЕС обеспечивает 73% потребляемой нефти, 44 – газа, почти 60% – угля (6). В перспективе, как ожидается, его потребности в энергии существенно возрастут. К 2015 г. по сравнению с началом XXI в. зависимость ЕС от импорта энергоносителей вырастет с 50 до 70%, в том числе от импорта нефти – до 85%, а от импорта газа – до 70%[2].

Как крупнейший импортер энергоресурсов Евросоюз значительно зависит от рыночной конъюнктуры мирового энергетического рынка, политической и экономической стабильности стран – поставщиков энергоресурсов и

1. На конец 2008 г. в состав ЕС входили 27 государств Европы: Германия, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Великобритания, Дания, Ирландия, Греция, Испания, Португалия, Австрия, Финляндия, Швеция, Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония, Болгария и Румыния.

2. http://www.eur.ru

Таблица 1

ПОТРЕБЛЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ТОПЛИВА И ЭНЕРГИИ В СТРАНАХ ЕС В 2007 г. (I – млн т н. э., II – доля в %)

Страна	*Нефть*		*Газ*		*Уголь*		*Ядерная энергия*		*Гидро-энергия*		*Всего*	
	I	*II*	*I*	*II*	*I*	*II*	*I*	*II*	*I*	*II*	*I*	*II*
Германия	112.5	36.2	74.5	24.0	86.0	27.6	31.8	10.2	6.2	2.0	311.0	100
Франция	91.3	35.8	37.7	14.8	12.0	4.7	99.7	39.1	14.4	5.6	255.1	100
Италия	83.3	46.4	70.0	38.9	17,5	9.8	–	0	8.8	4.9	179.6	100
Бельгия и Люксембург	41.2	56.1	15.2	20.7	5.6	7.6	10.9	14,8	0.6	0.8	73.5	100
Нидерланды	48.5	52.9	33.4	36.4	8.8	9.6	1.0	1.1	–	–	91.7	100
Великобритания	78.2	36.2	82.3	38.1	39.2	18.2	14.1	6.5	2.1	1,0	215.9	100
Дания	9.3	51.1	4.1	22.5	4.7	25.8	–	0	0,1	0.6	18.2	100
Ирландия	9.4	62.2	4.3	28.5	1.1	7.3	–	0	0.3	2.0	15.1	100
Греция	21.6	63.3	3.6	10.7	8.1	23.9	–	0	0.7	2.1	34.1	100
Испания	78.7	52.4	31.60	21.0	20.1	13.4	12.5	8.3	7.4	4.9	150.3	100
Португалия	14.4	60.3	3.9	16.3	3.3	13.8	–	0	2.3	9.6	23.9	100
Австрия	13.5	41.5	8.0	24.5	3.2	9.8	–	0	7.9	24.2	32.6	100
Финляндия	10.6	38.6	3.7	13.5	4.6	16.7	5.4	19.7	3.2	11.6	27.4	100
Швеция	16.8	33.4	0.9	1.8	2.2	4.4	15.3	30.5	15.0	29.9	50.2	100
Венгрия	7.6	31.1	10.6	43.4	2.9	11.8	3.3	13.5	0.05	0.2	24.5	100
Литва	2.9	32.6	3.4	38.3	0.2	2.2	2.2	24.7	0.2	2.2	8.9	100
Польша	24.3	25.7	12.3	13.0	57.1	60.5	–	0	0.7	0.8	94.4	100
Словакия	3.8	21.6	5.3	30.2	4.0	22.6	3.5	20.0	1.0	5.6	17.6	100
Чехия	9.9	22.9	8.0	18.4	18.9	43.6	5.9	13.6	0.6	1.5	43.3	100
Болгария	5.4	26.5	2.8	13.7	8.1	39.7	3.3	16.2	0.8	3.9	20.4	100
Румыния	10.8	27.2	14.7	37.0	9.0	22.7	1.6	4.0	3.6	9.1	39.7	100
ЕС-27	703.9	40.4	433.7	24.9	317.9	18.2	211.7	12.1	77.3	4.4	1744.5	100
Другие страны												
Россия	125.9	18.2	394.9	57.0	94.5	13.7	36.2	5.2	40.5	5.9	692.0	100
США	943.1	39.9	595.7	25.2	573.7	24.2	192.1	8.1	56.8	2.4	2361.4	100
КНР	368.0	19.8	60.6	3.3	1311.4	70.3	14.2	0.8	109.3	5.8	1863.4	100

Источник: расчеты автора по BP Statistical Review of World Energy. June. 2008.

транзитных стран, через которые проходят транспортные маршруты энергоносителей. В перспективе в структуре энергопотребления Евросоюза будет увеличиваться доля газа и возобновляемой энергии при сокращении удельного веса угля. Рост энергопотребления может быть обеспечен за счет трех источников: собственного производства, энергосбережения, импорта.

Возможности собственного энергопроизводства в Евросоюзе сильно ограничены. В будущем предполагается уменьшение добычи всех видов топлива. Возрастет только производство возобновляемых видов энергии, доля которых в энергобалансе незначительна. Важным дополнительным источником энергоснабжения может быть энергосбережение. После первого нефтяного кризиса 1973 г. европейским странам удалось достигнуть существенных результатов в области экономного и рационального использования топлива и энергии. Экономический рост обеспечивался при незначительном увеличении энергопотребления. Тем не менее за счет него решить данную проблему нельзя. Вот почему основной акцент сделан на росте импорта энергоресурсов. Предполагается, что Евросоюз увеличит ввоз угля, нефти и природного газа.

Расширение ЕС практически ничего не дало в отношении прироста запасов нефти и газа. У новых его стран-членов зависимость от импорта энергоресурсов еще выше, за исключением Польши, Чехии и Словакии, где в сравнительно больших масштабах извлекается уголь, а также Румынии, добывающей нефть. Почти все новые члены Евросоюза из Восточной Европы и Балтии в значительной степени потребляют нефть и газ, которые поступают из России. В перспективе истощение внутренних источников еще больше усилит внешнюю зависимость ЕС от нефти. Многое при этом будет зависеть от развития ситуации на нефтяном рынке, где основную роль играют страны ОПЕК, Россия и Норвегия. Определенные ожидания Евросоюза в обеспечении нефтью связаны и с Прикаспийским регионом.

В качестве энергоресурса, способного диверсифицировать и улучшить баланс энергопотребления рассматривается природный газ. Его потребление в странах Евросоюза во многом будет зависеть от либерализации газового рынка. В настоящее время на нем не очень сильна конкуренция между экспортерами. Однако к главным из них на сегодня – России, Норвегии и Алжиру – в ближайшем будущем присоединятся Иран и Туркменистан. Тогда в результате либерализации мирового газового рынка можно ожидать изменений в порядке ценообразования на нем: либо усилится обычный механизм конкурентного рынка, сопоставляющий издержки производства, либо установится диктат «газового картеля» после его образования в более отдаленной перспективе по аналогии с ОПЕК.

Уголь и ядерная энергия имеют более слабые конкурентные позиции по сравнению с нефтью и газом. Преимущество угля перед ними заключается в разнообразии внешних источников поставок и относительной стабильности

цен. Гибкость угольных контрактов и развитие спотового рынка дают возможность ценам на уголь приспосабливаться к рыночной конъюнктуре. В последние годы они возросли, как под влиянием роста цен на нефть, так и в результате сильного роста спроса на данный энергоноситель. Природный газ и уголь будут конкурировать за второе место в мировом энергобалансе в зависимости от конъюнктуры мирового энергетического рынка.

Европа больше склонна импортировать уголь, поскольку разработка собственных месторождений обходится дороже и имеет массу экологических ограничений.

В 70-х годах атомная энергия представлялась чуть ли не единственной альтернативой нефти, после же аварий на АЭС отношение к ней изменилось. Так, из-за Чернобыльской АЭС в странах ЕС были приостановлены все программы по развитию атомной энергетики. Высокая стоимость ее объектов тоже была не в пользу развития отрасли, особенно в условиях либерализации электроэнергетики. Однако сейчас вновь возвращаются к этому источнику энергии. Предполагается строительство новых АЭС и продление эксплуатации тех станций, чей срок службы подходит к концу. Например, в Финляндии строится современная АЭС, преодолен постчернобыльский синдром в Германии и Италии. Лидером же в развитии атомной энергетики ЕС остается Франция, где доля АЭС в производстве электроэнергии составляет свыше 80%[3].

В некоторых странах Евросоюза – Австрии, Швейцарии – большую часть генерирующих мощностей образуют гидроэлектростанции, и гидроэнергия останется важным источником производства электроэнергии. В глобализирующемся мире электроэнергетические рынки укрупняются и объединяются за счет отдельных национальных энергосистем. Интегрировались в европейскую энергосистему страны бывшего постсоветского блока. Единые электроэнергетические рынки последовательно создаются на основе объединенных национальных энергосистем в Европе. Полноценный единый рынок требует как завершения либерализации национальных рынков, так и развития межсистемных связей с увеличением их пропускной способности. В ЕС закономерно развиваются электрические сети, как внутри энергосистем, так и между соседними энергообъединениями. Сравнительно хорошо развит Скандинавский электроэнергетический оптовый рынок, объединяющий энергосистемы Норвегии, Швеции, Дании и Финляндии. Активны и его внешние связи, например между системами Финляндии, Норвегии и России; Дании, Швеции и Германии; Швеции и Польши.

В Евросоюзе прилагают немало усилий для диверсификации энергообеспечения своих потребителей, в том числе за счет внутренних резервов. Тем не

3. http://www.minatom.ru/News

менее остается весьма значимой роль внешних факторов, в частности поставок из России, которые, в свою очередь, во многом зависят от ряда обстоятельств. Например, прокачка российской нефти на европейские рынки определяется мощностями трубопроводной монополии – «Транснефти», а также возможностями железнодорожных и морских перевозок. По трубопроводам, также имеющим определенные ограничения, ЕС обеспечивается российским природным газом.

С учетом ценообразования на конкурирующие нефтепродукты на европейском газовом рынке среднегодовая экспортная цена на российский природный газ достигла рекордно высокого уровня. В 2007 г. средневзвешенная экспортная цена на его поставки в Западную и Центральную Европу оказалась, по данным «Газпрома», 272,8 долл. за 1 тыс. $м^3$, внутри же страны – примерно 45–47 долл. (2). Добавим, что тогда же среднеевропейская цена российской нефти составила 440–450 долл. за 1 т (на внутреннем рынке 230 долл.), а средняя цена угля в Северо-Западной Европе в конце ноября 2007 г. (с поставкой в 2008 г.) – 111 долл. за 1 т[4]. Внутренние цены на угольную продукцию в России в 2007 г. двигались параллельно с мировыми и показали рост более чем на 40%. В итоге средняя внутрироссийская цена угля за 2007 г. оказалась, по данным Собинбанка, примерно 95 долл. за 1 т.

«Газпром» экспортирует свою продукцию в страны Европы преимущественно в рамках долгосрочных контрактов сроком до 25 лет, заключенных, как правило, на базе межправительственных соглашений. Такие контракты обеспечивают производителю и экспортеру гарантию окупаемости многомиллиардных капиталовложений, необходимых для реализации крупных газовых экспортных проектов, а импортеру – гарантию надежного и бесперебойного газоснабжения в течение длительного периода времени.

Основные газопроводы от месторождений Западной Сибири к экспортным рынкам Западной Европы проходят через Украину и Белоруссию (около 90% всего экспортируемого объема газа). Введен в действие газопровод «Ямал – Европа», который соединяет месторождения полуострова Ямал с Западной Европой. Уже сегодня по этому маршруту транспортируется российский газ (через Белоруссию и Польшу в Германию). В конце 2002 г. сдан в эксплуатацию газопровод «Голубой поток» для прямых поставок газа в Турцию по дну Черного моря. Намечено продлить его до Европы – в Венгрию и Италию и, возможно, в Израиль. Идет подготовка к строительству мощного газопровода «Северный поток», предполагается строительство газовой магистрали «Южный поток».

4. http://www.bloomberg.com/news/index.html

Нынешние мощности магистральных газопроводов из Западной Сибири в целом достаточны для экспортных поставок газа в ЕС. Однако истощение старых запасов углеводородов и разработка новых месторождений в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и в северной арктической зоне ведет к значительному увеличению транспортных расходов при поставках углеводородов из России в ЕС, что снизит рентабельность таких поставок из этих районов в Европу.

В ближайшее десятилетие России придется соперничать в Европе по совокупной себестоимости добычи и транспортировки нефти с рядом поставщиков. При этом ее конкурентоспособность в поставках нефти в ЕС будет меньше, чем у поставщиков с Ближнего Востока, Северного моря, из Северной Африки и Прикаспийского региона, и где-то наравне со странами Центральной Азии (Азербайджан и Казахстан). Как показывает анализ, себестоимость добычи углеводородов в России и их доставка в Европу значительно выше, чем у стран Ближнего Востока и Северной Африки. Так, себестоимость сибирской нефти примерно в 3 раза больше ближневосточной. Средняя дальность доставки нефти по нефтепроводам из России в ЕС – 3 тыс. км, из Норвегии – около 1 тыс. км, из Ливии и Алжира – около 600 км. Кроме того, нефть в указанных регионах – конкурентах России, включая развивающийся Прикаспийский, – малосернистая с большой долей светлых фракций.

Относительно поставок газа в Европу Россия, скорее всего, пока будет впереди конкурентов из Северной Африки и Прикаспия, однако вряд ли обойдет поставщиков природного газа из Северного моря. Так что она останется одним из ведущих экспортеров газа в Европу и одним из значимых экспортеров нефти. Что касается электроэнергии, угля и ядерного топлива, то Россия выступает для ЕС лишь среднезначимым поставщиком. По поставкам же сжиженного газа она может оказаться в хвосте, если не наладит его производство.

Несмотря на желание европейских стран сократить потребление угля, его российские поставки в Европу смогут продолжаться по указанным выше причинам. У нашей страны хорошие виды на кооперацию с Европой в сфере электроэнергетики. Крупнейшим импортером российской электроэнергии остается Финляндия. В настоящее время продолжаются переговоры о координации и объединении электрических систем Европы, России и стран СНГ. Россия пытается сохранить свои позиции в странах Европы (прежде всего постсоветских) в сфере строительства атомных станций, а также поставки и оборот ядерного топлива. Российский «Атомстройэкспорт», в частности, занимается модернизацией АЭС в Болгарии (см. подробнее 4).

«Третий энергетический пакет» Еврокомиссии

Бесконечное число неурядиц, конфликтов и даже войн по поводу энергообеспечения заставляет страны-потребители постоянно искать выход из такого рода ситуации. Поэтому неудивительно, что в рамках Евросоюза им решили противопоставить коллективные усилия. Ныне его стратегия в этой области представлена «Третьим энергетическим пакетом» Еврокомиссии и в основном направлена на:

• обеспечение энергетической безопасности;

• снижение энергетической составляющей в стоимости продукции для укрепления своих конкурентных позиций на мировых рынках;

• получение доступа к другим источникам углеводородного топлива, прежде всего природного газа.

Либерализация энергетического рынка Европы началась в 1998 г., когда была выпущена Первая директива ЕС по газу, введенная в действие в 2000 г. Ее цель – совершенствовать энергетическую политику ЕС путем создания единого открытого и конкурентного энергетического рынка. Вторая директива от 2003 г. ставила целью завершение либерализации рынка газа к середине 2007 г. Данные директивы направлены на стимулирование конкуренции на газовом рынке ЕС за счет свободного выбора источника поставок. Для этого предложено отказаться от одного поставщика, а также от долгосрочных договоров на поставку газа между газовыми корпорациями и потребителями. По замыслу Еврокомиссии, в результате конкурентной борьбы компаний Европы цена на газ снизится. Подобные механизмы были запущены и на рынке электроэнергии. В результате реформирования газовых и электроэнергетических отраслей объединенного хозяйства должен быть создан единый энергетический рынок Евросоюза.

Однако Еврокомиссия посчитала данные директивы слишком мягкими и начала более серьезные изменения условий работы энергетического рынка, предусматривающие корректировку действующего европейского законодательства. Новые директивы по защите и демонополизации энергетических рынков ЕС требуют создания межгосударственных регулирующих органов, разделения компаний на добывающие и транспортные, а от третьих стран – обеспечения принципов энергетической безопасности и взаимного доступа на энергетические рынки. Проекты новых директив Еврокомиссии по энергетике были представлены публично 19 сентября 2007 г. под названием «Третий энергетический пакет».

Он состоит из пяти документов. Два из них вносят поправки в Директивы ЕС по электроэнергии 2003/54/ЕС и газу 2003/55/ЕС. Другие документы меняют правила работы трансграничных линий электропередач и газопроводов, а также регулирования рынков газа и электроэнергии в ЕС. В частности, должно

быть создано Агентство по взаимодействию регуляторов энергорынка ЕС (ACER). Предлагается осуществить следующие основные нововведения:

• изменить институциональную структуру регулирования в энергетике на уровне национальных хозяйств и всего ЕС с целью усиления контроля; внешняя энергетическая политика отдельных стран ЕС переходит в сферу ответственности Еврокомиссии;

• для повышения конкуренции и борьбы с монополизмом разделить компании по вертикали, отделив производственную и транспортно-сбытовую составляющие;

• ограничить инвестиционную деятельность компаний, оперирующих на европейском рынке (в том числе из третьих стран) в газотранспортном сегменте и в секторе передачи электроэнергии.

С чем же связаны эти инициативы? *Во-первых*, усиление регулирующего контроля в энергетике как на национальном, так и на уровне ЕС ведет к централизации управления. Предполагается наладить многоуровневый контроль за выполнением европейскими компаниями новых норм. С этой целью предпринимаются меры для укрепления независимости национальных регулирующих агентств: им предоставляется самостоятельность юридического лица и бюджетная автономия. Одновременно должен быть учрежден наднациональный орган, который контролировал бы взаимодействие операторов сетей газопроводов и линий электропередачи, а также объединил бы в себе полномочия по выработке единой тарифной, регулятивной и конкурентной политики для национальных регуляторов стран ЕС. С этой целью намечается создать Агентство по взаимодействию регуляторов энергетического рынка на базе Европейской группы регуляторов электроэнергетики и природного газа – неформального форума для консультаций между национальными энергетическими регуляторами. Появление наднационального органа означает, что существенная часть полномочий в области формирования внешней энергетической политики отдельных стран ЕС переходит к Еврокомиссии.

Во-вторых, отделение производственных мощностей от транспортных сетей позволяет устранить вертикальную интеграцию, стимулировать конкуренцию между производителями и поставщиками энергоносителей. Нынешняя структура собственности в электроэнергетике и в газовом секторе, по мнению ЕК, не способствует формированию конкурентной среды и развитию этих секторов энергетики. Устранение связки «производитель–поставщик», дает возможность привлекать новые компании на энергетический рынок, обеспечить поступления дополнительных инвестиций для улучшения инфраструктуры. В результате для потребителей должны снизиться риски резких скачков цены на энергию, сформироваться условия для устойчивого развития энергетики. Сегодня значительная часть транспортных активов находится в руках крупных газовых и электроэнергетических компаний – E.ON, RWE, Gaz de France,

Electricite de France, Endesa. Это затрудняет выход на рынок новых игроков и создает препятствия для выбора потребителями своего поставщика.

Вертикально интегрированные компании можно разделить двумя способами: либо принудительной продажей компанией своих активов, либо назначением независимого оператора активов, правомочного принимать самостоятельные инвестиционные решения. Эксперты считают, что последний вариант предпочтительнее для Еврокомиссии, поскольку позволит избежать обвинений в экспроприации активов компании.

В-третьих, новые директивы ЕС предполагают ограничения на покупку контрольных пакетов акций выделяемых сетевых компаний – энергосетей и газопроводов. При этом на компании из третьих стран вводятся те же ограничения, что и на компании ЕС. Чтобы получить разрешение на покупку актива, работа компании третьей страны должна на ее территории регулироваться теми же принципами, что и в ЕС. «Газпром» может претендовать, например, на британскую Centrica, если из него будет выделена Единая система газоснабжения (ЕСГ), передана в управление независимой компании или продана. Однако «Газпром» вложил значительные средства в строительство газопроводов и подземных хранилищ газа на территории Германии (через WINGAS – СП с Wintershall). Ему принадлежат крупные пакеты акций в компаниях, занимающихся транспортировкой и распределением газа в Европе. В новых условиях «Газпрому» придется продать доли в своих распределительных компаниях в Европе. Кроме того, Россия вынуждена будет предоставить на своей территории те же условия для европейских компаний, т. е. открыть для них рынок и трубопроводы.

Разногласия по «третьему энергопакету»

«Третий энергетический пакет» может быть утвержден лишь Европейским парламентом и Советом министров (в составе представителей 27 государств-членов). Однако в позиции государств – членов ЕС нет единства. Соглашаясь с целесообразностью дальнейшей либерализации энергетического рынка ЕС, они не во всем принимают ее механизмы и предлагают поправки в новые директивы.

Крупнейшие энергокомпании Евросоюза при поддержке правительств Германии, Франции, Италии и ряда других государств-членов объявили о своем неприятии идеи расчленения на производственную и транспортно-сбытовую части. Они сомневаются в положительном макроэкономическом эффекте от разделения вертикально интегрированных компаний. Весьма вероятно, по их мнению, что после такого разделения компании окажутся более уязвимы и в случае попыток недружественных поглощений иностранными инвесторами. Сомнительно и то, что цены на газ снизятся в результате новых

решений Еврокомиссии. При этом оппоненты «третьего энергопакета» аргументируют следующим образом:

• долгосрочная безопасность и стабильные цены могут быть лучше сохранены на управляемых национальных рынках, на которых доминируют крупные энергетические компании, способные противостоять неопределенности изменений спроса и предложения;

• объединение газовых и электроэнергетических компаний обеспечивает надежность поставок газа электростанциям, входящим в объединенную компанию, и позволяет уменьшить неопределенность цен на газ, значительно влияющих на тарифы на электроэнергию;

• вертикальная интеграция компаний снижает трансакционные издержки (эффект масштаба) и, соответственно, цены.

Ведущие страны ЕС – Германия, Франция и Италия – как крупнейшие покупатели российского газа делают ставку на развитие отношений с Россией и «Газпромом». В последнее время E.ON-Ruhrgas, ENI и Gaz de France продлили долгосрочные контракты с «Газпромом» и, таким образом, гарантировали себе большой объем поставок газа на ближайшие 20 лет. Италия рассчитывает увеличить объем закупок российского топлива за счет расширения газопровода «Южный поток», а Германия и Франция – строительства магистрали «Северный поток». Европейские концерны – E.ON, Gaz de France и ENI – выступают против идей Еврокомиссии, так как имеют значительные доли в распределительных сетевых компаниях Европы.

В то же время Великобритания, Испания, Нидерланды и некоторые другие члены сообщества ратуют за разделение на производственные компании и операторов сетей[5]. Их опыт показывает, что данная практика ведет к повышению уровня конкуренции в отрасли и способствует снижению цен на электроэнергию для конечных потребителей. Правда, Великобритания и Нидерланды пока еще обеспечивают большую часть своих потребностей в газе благодаря добыче в Северном море, а Испания раньше других стала развивать импорт СПГ, потому и имеет достаточно диверсифицированный рынок газа.

Относительно новых правил в энергетике ЕС, особенно раздела энергокомпаний, обострились противоречия и между «старыми» и «новыми» странами Европы. Выборы во Франции и Германии привели к власти представителей нового поколения европейских политиков, не желающих идти на постоянные уступки странам «новой» Европы. Франция, Германия и ряд других стран региона обратились в Еврокомиссию с сомнениями по поводу того, что раздел крупнейших энергетических корпораций Европы положительно отразится на складывании общеевропейского рынка энергетики.

5. Миронов Н. Реформы энергетической политики Евросоюза. Что они подразумевают? // Независимая газета. – 2007. – № 17.

Страны «старой» Европы заинтересованы в том, чтобы сохранить позиции в энергетическом секторе. Раздел таких энергетических компаний, как французская Gaz de France или немецкая E.ON, неизбежно приведет и к потере их политического веса в ЕС.

Отсутствие единого мнения может существенно затруднить введение новых правил, дискриминирующих производителей газа и электроэнергии. В условиях дефицита поставщиков будет довольно сложно навязать неблагоприятные для них правила игры. Поэтому Еврокомиссия рассматривает и более мягкий вариант, при котором компании останутся владельцами распределительной инфраструктуры, но управление перейдет к независимым операторам (5).

Между тем создание общеевропейского энергетического рынка продолжается, и Евросоюз уже принял решение о создании общего рынка и формировании единой внешней энергетической политики. Руководители Еврокомиссии заявляют, что новые инициативы не направлены против России (3). Предполагаемые ограничения будут не избирательными, а общими как для корпораций ЕС, так и для зарубежных компаний. Ограничение будет использоваться в том случае, если возникнет подозрение, что покупка имеет не экономические, а политические мотивы. ЕС необходимо защитить внутренний рынок от неконкурентного подхода со стороны зарубежных компаний.

Важным условием новых правил игры на европейском энергетическом рынке становится «принцип взаимности». Он означает открытие энергетических рынков в равной степени для поставщиков и покупателей энергоресурсов. В соответствии с этим принципом ЕС может вводить ограничения для тех стран, которые сдерживают инвестиции компаний из стран ЕС и их доступ к энергетическим активам. Согласно одобренному в 2007 г. Европарламентом докладу «О перспективах внутреннего рынка газа и электричества ЕС», можно ограничить возможности компаний третьих стран покупать объекты энергетической инфраструктуры ЕС, за исключением тех случаев, когда третья страна готова на ответные шаги. Депутаты Европарламента посчитали такое условие обоснованным, поскольку Европа слишком сильно зависит от энергетических поставок из России и Алжира. Как отмечают в Еврокомиссии, ограничения для иностранных компаний по приобретению транспортной энергетической инфраструктуры внутри ЕС не противоречат международным нормам и Соглашению о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС.

По внесенному в Госдуму РФ законопроекту об иностранных инвесторах, зарубежным компаниям в стране разрешено участвовать в месторождениях, признанных нестратегическими и покупать только миноритарные пакеты компаний. Это ограничивает дорогу «Газпрому» в Европу уже не только как монополисту, участвующему в добыче, транспортировке и распределении газа, но и как представителю страны, не соблюдающей условий ЕС в сфере энергетики. Новые инициативы Еврокомиссии касаются всех компаний, дей-

ствующих на европейском рынке, в том числе «Газпрома». Еврокомиссия стремится создать на территории Европы единый газовый рынок. Она уже добилась отмены долгосрочных контрактов на поставку «голубого топлива» между крупнейшими европейскими газовыми корпорациями и их потребителями. Теперь тот же E.ON-Ruhrgas может заключать договоры на срок не более одного года. Евросоюз рассчитывает данной мерой избавиться от страновых монополий на поставку газа и сделать рынок более конкурентным.

Еврокомиссия рассчитывает получить право вести переговоры с поставщиками газа от лица всего ЕС (пока государства-члены ЕС занимаются этим самостоятельно). В таком случае позиции «Газпрома» в Европе могут серьезно ослабнуть, поскольку трудней будет вести переговоры, а отдельные страны ЕС смогут заблокировать принятие решений, руководствуясь политическими мотивами.

В целом новые директивы Еврокомиссии идут вразрез с декларируемыми намерениями по развитию конкуренции и либерализации рынка, ограничивают привлекательность Европы для иностранных инвесторов. Они противоречат ряду международно-правовых обязательств ЕС и мало совместимы с принципами свободы движения капиталов. Поэтому в настоящее время Еврокомиссия готовит «Четвертый энергопакет», в котором будут учтены замечания и предложения стран и энергокомпаний Европы, а также иностранных компаний, активно работающих на европейском рынке.

Новое Соглашение о партнерстве и сотрудничестве ЕС с Россией (действие прежнего договора закончилось осенью 2007 г.) может позволить смягчить эти ограничения и жесткие условия для российских инвестиций в европейскую энергетику. Если же ЕС пойдет на ограничение доступа иностранных инвесторов, «Газпрому» придется заморозить планы поставок газа непосредственно конечным потребителям в Европе. Ограничения европейского энергетического рынка для третьих стран могут спровоцировать новый всплеск интереса к проведению согласованной политики между газодобывающими государствами. Страны, поставляющие газ в Европу и лишенные возможности влиять на энергетический рынок внутри ЕС, будут пытаться воздействовать на него извне путем создания газового союза.

Дискуссия о Договоре к Энергетической хартии

Ряд острых вопросов возникает в связи с ДЭХ, который Россия подписала в декабре 1994 г., но до сих пор не ратифицировала. Противники его ратификации считают, что по отношению к России в Хартии заложен дискриминационный подход. ДЭХ не касается распространения ядерных технологий, морской транспортировки нефти и нефтепродуктов. Главные причины, препятствующие его ратификации, следующие:

1. В основном требуется согласование транзита энергоресурсов (ст. 7ДЭХ и проект Транзитного протокола). Об этом Россия и ЕС ведут переговоры. Напомним, что в ДЭХ сформулированы принципы транзита топлива и энергии. К ним относятся:

• свобода транзита, обеспечение недискриминационного доступа к транспортным мощностям для транзита энергоресурсов;

• предоставление национального режима транспортировки при транзите топлива и энергии;

• сохранение существующего потока транспортируемых транзитом энергоресурсов в случае возникновения спора до его завершения.

Противники ратификации ДЭХ истолковывают пункт 3 ст. 7 ДЭХ (транзит) как необходимость применения национального режима транспортировки к транзиту энергоресурсов. Это означает, что для такого транзита следует применять внутренние тарифы. При прокачке газа тарифы в России регулируются государством. В результате они ниже действительных затрат. В Европе тарифы на транспортировку газа значительно выше. В случае ратификации ДЭХ Россия вынуждена будет: либо увеличить внутренние тарифы, что приведет к росту внутренних цен на газ[5]; либо осуществлять транзит газа из Центральной Азии в Европу по низким тарифам.

Это, естественно, неприемлемо для России. В первом случае резко растет энергетическая компонента в стоимости продукции, увеличиваются затраты населения на приобретение газа. Во втором – теряются доходы от низких тарифов, уменьшаются конкурентные позиции газа на мировых рынках. Противники ратификации ДЭХ указывают и на то, что нет эффективного механизма его применения, что и показали газовые конфликты России и Украины в 2006–2007 и 2008–2009 гг. ДЭХ не допускает увязывания поставок газа какой-либо стране и транзита через нее в другие страны. В то же время Украина требовала льготных условий на поставку газа, угрожая прекращением транзита и несанкционированным отбором газа.

В свою очередь, сторонники ратификации ДЭХ исходят из того, что, во-первых, пункт 3 ст. 7ДЭХ допускает исключения из общего правила и во-вторых, в соответствии со ст. 4 ДЭХ положения Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) имеют приоритет над положениями ДЭХ. В то же время в рамках ГАТТ предоставляется возможность обосновать применение более высокого тарифа на транзит энергоносителей.

2. Разногласия России и ЕС по проекту Транзитного протокола сводятся: к «праву первого отказа» (ст. 8 документа) и к «интеграционной поправке» (ст. 20).

5. Среднее расстояние прокачки газа по России 2–2,5 тыс. км. Если увеличить транспортные тарифы, то цена газа существенно вырастет.

Так называемое правило первого отказа заключается в том, что если договор о поставках – долгосрочный, а договор транзита – краткосрочный, то исторический поставщик должен иметь право первым сказать «да» или «нет» в отношении новых условий, выдвигаемых собственником транзитных систем. Еврокомиссия в применении этого принципа видит нарушение антимонопольного законодательства ЕС. По мнению ЕС, «право первого отказа» противоречит либерализации газового сектора, которая осуществляется сейчас в Евросоюзе. Этот принцип создает условия для дискриминации при допуске к системам транспортировки энергии.

Россия же выступает за то, чтобы ее отношения с ЕС основывались на этом принципе. Если он не будет реализован, то в перспективе «Газпром» может потерять доступ к газотранспортным мощностям для транзита отечественного газа. В ДЭХ предусматривается равный доступ к транзитным мощностям как старых, так и новых поставщиков, что может привести к потере части транзитных мощностей для российских экспортеров. В случае конфликта между надежностью поставок и правилами свободного рынка приоритет необходимо отдать надежности поставок.

Смысл «интеграционной поправки» заключается в том, что для целей транзита территория стран ЕС рассматривается в качестве единой территории, т.е. понятие «транзит» при поставках, например, из России во Францию заканчивается на внешней границе ЕС. Некоторые российские эксперты считают, что эта поправка ЕС преследует цель дискриминировать отечественные газовые поставки, поскольку в этом случае, во-первых, транспортировка газа по территории Евросоюза будет регулироваться законодательством ЕС, в формировании которого Россия не участвует. Во-вторых, все вопросы транзита газа в ЕС через Россию должны решаться в рамках Транзитного протокола. В то же время при транспортировке российского газа в какую-либо из стран ЕС по территории одной или нескольких из его стран придется руководствоваться только внутренним законодательством ЕС.

3. Ключевой проблемой остается сложившийся механизм долгосрочного финансирования российской газовой промышленности, увязанный с долгосрочной политикой регулирования в ЕС рынков природного газа. Разрушение системы долгосрочных контрактов – основы финансирования капиталоемких проектов по добыче и транспортировке газа – приведет к возникновению финансовых трудностей у «Газпрома». Ведь либерализация газового рынка предполагает постепенный отказ от долгосрочных контрактов, переход к краткосрочным и спотовому рынку, на котором ведется торговля реальным товаром с немедленной поставкой.

Именно в связи с ограничениями, возникающими для ее национальных хозяйствующих субъектов, прежде всего «Газпрома», Россия и выступает за

то, чтобы до ратификации ДЭХ доработать отдельные формулировки договора с учетом взаимных интересов, в том числе и ЕС.

Инициативы России по развитию энергодиалога с ЕС

В условиях, когда ратификация ДЭХ в прежнем формате невозможна, а «Третий энергетический пакет» ведет энергетический диалог Россия – ЕС в тупик, нужны новые инициативы, позволяющие дать импульс сотрудничеству в энергетике:

1. При определении сфер сотрудничества России с ЕС в энергетике следует исходить из того, что здесь особенно остро сталкиваются интересы всего мирового сообщества. Основные импортеры энергоносителей на мировом рынке – ЕС, США, Китай, Япония – проявляют большой интерес к России как возможному поставщику топлива и энергии. В зоне этих интересов указанных стран находятся также энергоизбыточные партнеры по СНГ – Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан – и страны-транзитеры – Украина и Белоруссия.

Столкновение интересов России и основных игроков на постсоветском пространстве может привести к серьезным конфликтам. Разрешать их только в формате рыночных отношений невозможно. Необходимо договариваться и искать компромиссы в развитии энергетики. При этом сотрудничество России с ЕС нельзя противопоставлять процессам глобализации. Регионализация и глобализация, несмотря на различные масштабы и нестыковки на определенных этапах, последовательно усиливают взаимозависимость мирового энергетического хозяйства, делают его более целостным. В этом контексте Россия могла бы предложить ЕС разработать стратегию согласованных действий в энергетике на постсоветском пространстве, выделив при этом четыре географических региона бывшего Советского Союза: страны Балтии, Европейский, Закавказский и Центрально-Азиатский.

2. В России отсутствует внятная энергетическая политика и ее внешняя компонента. Между тем еще долгие годы ТЭК будет оставаться важным источником благосостояния и политической силы государства, укреплением позиций страны в мировом сообществе. После распада СССР было принято три документа под названием «Энергетическая стратегия». Последняя «Энергетическая стратегия России на период до 2020 года» была одобрена правительством в 2003 г. Однако все они даже приблизительно не отражали перспективы развития ТЭКа. Через год-два реальное развитие энергетического сектора страны опровергало прогнозные оценки. Одна из основных причин этого – отсутствие у правительства четкой концепции экономической стратегии вообще и промышленной политики в частности. В энергетических стра-

тегиях не сформированы ясные экономические механизмы достижения поставленных целей.

В готовящейся в настоящее время очередной энергетической стратегии нужно определить возможные направления и области сотрудничества с Евросоюзом и всем мировым сообществом. Целесообразно показать, что Россия и ЕС могут ожидать друг от друга в сфере энергетики, реалистичны ли ожидания ЕС в отношении импорта российских энергоресурсов. В условиях усиления влияния российского государства на развитие ТЭКа, оно могло бы взять на себя гарантии выполнения внешней составляющей энергетической стратегии.

3. Заинтересованность зарубежных партнеров в работе на российском энергорынке чрезвычайно ограничена. Назрела необходимость предложить партнерам России новые возможности доступа к российским активам с тем, чтобы нейтрализовать негативные факторы и тенденции в условиях неуклонно возрастающей конкуренции и ограничений на рынке ЕС-27. В обмен на предоставление европейским компаниям разрешения на разработку месторождений России целесообразно активней внедряться в конечную систему распределения энергоносителей Евросоюза. Только такой подход будет отвечать принципу симметричности интеграционных процессов.

4. Целесообразно предложить иностранным партнерам новый, гарантированно стабильный базис взаимовыгодного сотрудничества, который учитывал бы их интерес к российским энергетическим ресурсам и был бы адекватным для российской стороны. Организационно-правовой основой подобного сотрудничества может стать доработанный вариант Соглашений о разделе продукции. Для российской стороны принципиально новым и определяющим фактором было бы закрепление в последующих соглашениях определенного объема инвестиций, на которые рассчитывает партнер, чтобы исключить повторения ситуации, когда в последующем вдвое завышается необходимый для освоения месторождения капитал. Суть такого предложения состоит в том, что партнеры имеют право только один раз обосновать и закрепить свою инвестиционную долю в проекте, что приостановит завышение затрат на освоение месторождения.

В случае «промахов» при оценке необходимых инвестиций, по упрощенной схеме налогообложения, предусмотренной действующими СРП, зарубежный партнер вправе либо инвестировать сумму превышения плановых затрат, сохраняя прежнюю долю участия в проекте, либо покинуть его. При стабильно высоких ценах на нефть подобные условия разумны и достаточны.

5. Сотрудничество в сфере венчурного инвестирования (альтернативные источники энергии, инновационные технологии, проекты по разработке СПГ, нефтехимии, получению жидких продуктов из природного газа). На сегодня в России нет заводов и технологий по сжижению газа, но есть технологии для создания «малых» станций по сжижению. Это перспективно для поставок

таких станций для заправки автомобилей сжиженным газом на существующих заправочных комплексах, что может быть недорогой альтернативой водородным технологиям (и небезопасному биодизелю) и одновременно резко повысит спрос на газ.

6. Необходима совместная оценка эффективности системы риск-менеджмента на российских и зарубежных нефтегазовых предприятиях с целью создания такой системы на перспективу. Современной нефтегазовой промышленности можно предложить систематизированные, целостные и поддающиеся количественной оценке подходы к управлению рисками, в том числе со стороны актуальных региональных и глобальных геополитических моментов. При применении продвинутых финансовых инструментов снижения рисков в нефтегазовой отрасли (форвардные, фьючерсные контракты, финансовые опционы и свопы) вырастет инвестиционная привлекательность отрасли, разовьется конкуренция, стабилизируется обеспечение рынка ЕС нефтегазовыми продуктами на конкурентной основе по конкурентоспособным ценам.

7. Целесообразно изучить последствия внедрения последних либерализационных инициатив Еврокомиссии, касающихся дробления крупных энергетических компаний. Данные инициативы вызвали разногласия между странами-членами, их последствия неоднозначны и для ЕС, и для России. Поэтому необходим совместный анализ сложившейся ситуации, создание для этого представительной комиссии из членов национальных правительств, бизнеса и международных организаций. В результате, скорее всего могут появиться обоснованные предложения по проведению либерализационных реформ, устраивающих обе стороны и направленные в Еврокомиссию для принятия документа в окончательном виде. Напомним, что на Санкт-Петербургском саммите (2006) G8 крупнейшие промышленно развитые страны пришли к соглашению о том, что глобальная энергетическая безопасность предполагает согласованность действий потребителей и производителей, а также транзитеров энергоресурсов.

8. Следует отстаивать систему двусторонних договоров на долгосрочной основе с отдельными странами ЕС, мотивируя это тем, что такой механизм обеспечивает стабильность и надежность поставок. ЕС может пойти на подобное исключение для России как крупнейшего поставщика газа и важнейшего – нефти и нефтепродуктов в Европу. Продвинуть отношения Россия – ЕС может и ускорение строительства газопровода в страны АТР.

9. Полезно сотрудничество в поставках и утилизации ядерного топлива. Даже угольный экспорт можно активизировать, поскольку ЕС сокращает разработку углей из-за неэкологичности. России продуктивнее было бы участвовать в реализации транспортных проектов в обход ее (БТД, «Набукко» и другие), а не наблюдать за ними со стороны.

10. Экология – одна из важнейших «озабоченностей» партнеров в ЕС, все более тревожит и Россию. Более чем актуально кооперировать усилия всех стран в области экологии. Прежде всего, они могут быть направлены на разработку новых, современных технологий, позволяющих обеспечить энергосбережение и на минимизацию экологических последствий, в том числе от добычи, хранения, транспортировки и переработки нефти и нефтепродуктов. Существенным может быть и результат сотрудничества по утилизации CO2 на территории России в заброшенных шахтах и нефтегазовых скважинах. В итоге – значительное повышение отдачи нефти, что выгодно как России, так и странам ЕС в условиях Киотского протокола. Определенной перспективой их взаимодействия служит разработка программы торговли выбросами парниковых газов.

11. Для эффективной реализации экономических решений необходимо соответствующее правовое поле, которое признается всеми сторонами международного сотрудничества. Его отсутствие приводит к различному толкованию экономических решений. Так, нет единства в отношении транзита энергоносителей, предоставления национального режима транспортировки при транзите топлива и энергии, права первого отказа, принципа взаимности и т.д. Вот почему столь важно гармонизировать законодательство.

Основа такой гармонизации – добровольность и самостоятельность сторон в определении направлений и глубины участия в ней, постепенность и этапность ее реализации. Конечно, не просто пройти по этому пути, при конвергенции российского и европейского права придется учитывать специфику последнего как права интеграционного объединения. Подходы к гармонизации законодательств многочисленны (договорная унификация законодательства, модельные правовые акты, всевозможные формы правоподобного унифицированного регулирования), но вне зависимости от выбранных методов, гармонизация законодательств не должна приводить к одностороннему заимствованию Россией норм права ЕС. Целесообразно параллельно с законодательной деятельностью в правовом поле вести активную двустороннюю научно-исследовательскую работу, результаты которой могут быть использованы при разработке эффективных и юридически сбалансированных законопроектов.

Важно выявить особенности правового регулирования в системах права России и ЕС, а также учитывать при применении и сопряжении норм законодательств России и ЕС. Насущная необходимость в разработке общей концепции гармонизации законодательства и другие шаги по правовому обеспечению диктуются тем, чтобы предотвратить снижение уровня защиты законных интересов российских юридических и физических лиц или заимствования неадаптированного права ЕС в отечественном законодательстве.

Ю.А. Сафонова

НОВАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ СТРАН «НОВОЙ» ЕВРОПЫ

Сафонова Юлия Александровна – аспирант исторического факультета МГУ им. Ломоносова.

Энергетическая проблематика в контексте становления пост-биполярной системы международных отношений становится все более значимым фактором, определяющим внешнеполитические и внешнеэкономические приоритеты основных международных акторов. Например, в 2006 г., когда рост мирового спроса на ископаемые энергоресурсы начал опережать их предложение, в повестку НАТО была впервые включена идея «защиты критически значимой энергетической инфраструктуры» (13, с. 67). В то же самое время в Европейском союзе состоялся ряд дискуссий и публичных слушаний по вопросам энергетики[1]. Их итогом стало сообщение, подготовленное Еврокомиссией к январю 2007 г., которое было озаглавлено «Энергетическая политика для Европы» (4).

Указанный документ, будучи обращением Еврокомиссии к Совету ЕС, представлял собой обоснование необходимости принятия и формирования на уровне ЕС «новой европейской энергетической политики» (4, с. 3).

Новизна подхода, по замыслу еврокомиссаров, сводилась к пополнению триады традиционных для энергетической политики ЕС целей (обеспечение безопасности поставок энергоносителей, либерализация энергетического рынка и защита окружающей среды в странах – членах ЕС) еще одной стратегической задачей. А именно, речь шла об активном участии Европейского союза в глобальной борьбе с климатическими изменениями.

1. См., например: A European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy. COM (2006) 105, 8.3.2006; A European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy. Commission Staff Working document. Summary report on the analysis of the debate on the green paper. SEC (2006) 1500.

При этом Еврокомиссия обозначила конкретные ориентиры новой европейской энергетической политики, выделив в ней два направления.

1. Международное (глобальное) «целью ЕС в международных переговорах является 30%-ное сокращение выбросов парниковых газов в атмосферу, осуществляемых развитыми странами, к 2020 г. по сравнению с 1990 г. Кроме того, к 2050 г. мировая эмиссия парниковых газов должна быть снижена до 50% по сравнению с 1990 г., предполагая, что индустриально развитые страны снизят выбросы на 60–80%» (4, с. 5).

2. Внутриполитическое «ЕС уже сейчас берет на себя обязательство в любом случае сократить к 2020 г. выбросы парниковых газов в атмосферу на 20% по сравнению с 1990 г.» (4, с. 5).

Обозначенные предложения встретили одобрение со стороны Совета ЕС, и в марте 2007 г. на их основе главами государств и правительств стран – членов ЕС был принят План действий «Энергетическая политика для Европы» на 2007–2009 гг. (7), в котором обозначались средства и методы реализации этой политики.

Важно отметить, что План действий не предусматривал дифференцированного подхода к различным государствам – членам ЕС, несмотря на то, что расширение ЕС было завершено лишь в январе 2007 г. и говорить об однородности состава государств в границах ЕС было еще очень рано. Более того, начиная с 2004 г. в рамках Евросоюза можно достаточно четко выделить две условно обозначаемые группы государств: так называемые «Старая» и «Новая» Европа[2], успешная интеграция между которыми вплоть до настоящего момента тормозится по различным причинам (экономического, социального и политического характера). При этом консолидацию национальных политик в области энергетики между «Старой» и «Новой» Европой можно отнести к одной из самых трудных задач, так как входящие в эти группы страны в силу целого ряда факторов (таких как ресурсная и финансовая обеспеченность, геополитическое положение и транзитный потенциал, доходы на душу населения и уровень развития науки и техники) обладают весьма различными, а порой и противоположными интересами в энергетической сфере.

Между тем, следуя амбициозным ориентирам, выдвинутым Еврокомиссией в 2007 г., Совет ЕС запустил процесс форсированного формирования новой энергетической политики ЕС. Закономерно возникает вопрос, удалось ли Еврокомиссии и Совету ЕС на этапе планирования предусмотреть и раз-

2. Под «Новой» Европой принято понимать 12 стран, присоединившихся к государствам «Старой» Европы двумя группами в 2004 и 2007 гг.: 1 мая 2004 г. – Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония; 1 января 2007 г. – Болгария, Румыния. При статистических сопоставлениях из стран «Новой» Европы в силу географических и исторических отличий исключались Мальта и Кипр.

решить те противоречия, которые могли бы стать препятствием к успешной консолидации энергетических политик всех стран – членов ЕС, и выработать модель интеграции в энергетической сфере, учитывающую интересы как «Старой», так и «Новой» Европы. Представляется, что по крайней мере в отношении одной из групп стран – а именно «Новой» Европы – энергетические инициативы ЕС выглядят довольно противоречиво.

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать влияние, которое оказывает процесс формирования новой энергетической политики ЕС на страны «Новой» Европы и определить перспективы для этой группы государств, связанные с реализацией заявленных энергетических целей ЕС. С этой точки зрения интерес представляют как комплементарность энергетических целей ЕС и «Новой» Европы, так и возможности применения единых механизмов, направленных на формирование новой энергетической политики странами – членами ЕС, стоящими на разных ступенях экономического развития.

Исходя из вышесказанного целесообразно уточнить понятие «новая энергетическая политика ЕС» с точки зрения ее целей, задач и методов реализации.

Словосочетание «энергетическая политика» принято относить «…к комплексу правительственных мер, направленных на долгосрочную стабилизацию внутреннего энергетического рынка и обеспечение эффективности функционирования национальной экономики в условиях сильной нестабильности мировых цен на природные невозобновляемые энергоносители» (1). Энергетическая политика ЕС, которая была заложена в саму основу ЕС[3], помимо вышеперечисленного предполагала также либерализацию энергетического рынка и защиту окружающей среды в странах – членах ЕС.

Новая энергетическая политика ЕС дополнила обозначенные цели требованием самого активного участия ЕС в глобальной борьбе с изменениями климата. В Плане действий подчеркивается «первостепенная значимость того, что Евросоюзу следует усилить попытки добиться глобальных действий, направленных на борьбу с климатическими изменениями» (4, с. 21).

Оценивая приоритеты новой энергетической политики ЕС с точки зрения интересов «Новой» Европы, верховенство борьбы с глобальными климатическими изменениями представляется не вполне очевидным. В то же время нельзя отрицать, что и на уровне всего ЕС первостепенная озабоченность Еврокомиссии вопросами мирового потепления выглядит довольно подозрительно. Популизм лозунгов Еврокомиссии и Совета ЕС, подхваченный также членами Европейского парламента, едва ли вызывает сомнения. Так, член Еврокомиссии и представитель Греции в Европейском парламенте Ставрос

3. Создание Европейского объединения угля и стали положило начало процессу европейской интеграции, а в 1957 г. одновременно с Европейским экономическим сообществом был основан Евратом.

Димас на заседании 31 января 2007 г. заявил: «Никогда прежде климатические изменения не значили так много в политике. Послание от науки очевидно: происходят климатические изменения. Граждане ожидают, что Европейский союз возглавит борьбу с ними… Европейский союз должен воспользоваться историческим моментом, чтобы действовать» (14).

В то же время известно, что ряд ученых до сих пор либо не признает антропогенного фактора в качестве главной причины изменения климата, либо отрицает то, что причиной потепления являются именно выбросы CO_2. Еще больше споров в научной среде вызывают целевые параметры Плана действий ЕС (2, с. 7). Так, многие сторонники идеи срочной борьбы с мировым потеплением считают эти ориентиры неадекватно заниженными.

Тем не менее члены Еврокомиссии, соглашаясь со спорностью исходных установок своей стратегии, все равно считают целесообразными те значительные усилия (а также финансовые затраты), которые потребует ее практическая реализация. И объясняется это не столько той опасностью для ЕС, которую может таить в себе глобальное потепление[4], сколько более прагматическими факторами. Среди них можно назвать как минимум два основных. Первый – вполне очевидный – связан с тем, что борьба с климатическими изменениями предполагает использование экологически чистых, возобновляемых источников энергии, производимых на территории ЕС, что ослабляет зависимость Евросоюза от импорта ископаемых энергоресурсов. Тем не менее даже в достаточно амбициозных планах Еврокомиссии предполагается, что доля энергии из возобновляемых источников в общем потреблении энергии в ЕС к 2020 г. достигнет лишь 20% (10, с. 4), а значит, проблема энергетической зависимости Европейского союза едва ли будет решена.

Вторым фактором, который представляется определяющим при формировании новой европейской энергетической политики, является стремление ЕС достичь мирового лидерства в сфере производства новых (экологически чистых) энергетических технологий. Дело в том, что на протяжении последних лет с уменьшением доли ЕС в численности населения и ВВП всего мира европейские державы теряли свое влияние на международные дела (16, с. 195). Следовательно, им требовалось найти новые способы продвижения международного сотрудничества для укрепления своего авторитета на мировой арене. Энергетическая сфера (с учетом все возрастающей значимости

4. Проблемой может стать повышение уровня Мирового океана, особенно если учесть, что треть европейского населения живет в 50-километровой прибрежной зоне. Изменение характера атмосферных осадков также может повлечь за собой серьезные засухи во многих южных регионах. Есть опасность того, что с таянием ледников некоторые болезни станут более распространенными. Подробней с этой темой можно ознакомиться в недавнем докладе Европейского агентства по окружающей среде «Защита окружающей среды Европы. Четвертая оценка».

энергоресурсов для развития международных отношений) является одним из самых перспективных направлений. По мере исчерпания традиционных ископаемых источников энергии в мире, значение новых возобновляемых, экологически чистых источников энергии будет только возрастать. Кроме того, в настоящее время конкуренция в сфере производства новейших энергетических технологий невысока, а Европейский союз пока является лидером в этой области (11, с. 22). Однако ЕС требуется закрепить свои позиции, чтобы иметь возможность удерживать их долгое время, так как на роль мировых лидеров в обозначенной сфере в перспективе могут претендовать такие страны, как США и Япония. Следовательно, исходя из вышесказанного можно выделить две основные задачи для новой энергетической политики ЕС:

1. Форсированное производство высокотехнологичной продукции, связанной с возобновляемыми источниками энергии (для чего необходимо создать соответствующий «климат» в странах – членах ЕС, который делал бы такое производство востребованным и эффективным).

2. Формирование мирового рынка сбыта для этой продукции (что необходимо осуществить в кратчайшие сроки, чтобы окупить затраты на исследования и разработки в сфере производства новейших энергетических технологий).

Иными словами, это те самые направления, которые Еврокомиссия выделила в сообщении «Энергетическая политика для Европы», характеризуя суть этой политики.

Прежде чем перейти к детальному рассмотрению механизмов формирования новой энергетической политики ЕС и оценке влияния их практической реализации на страны «Новой» Европы, остается заметить, что выявленные выше цели новой энергетической политики ЕС (достижение ЕС мирового лидерства в производстве новейших энергетических технологий и уменьшение зависимости импорта) являются равно привлекательными как для «Новой», так и для «Старой» Европы. Однако достижение поставленных ориентиров Евросоюзом в целом вовсе не предполагает одинаковых последствий для двух групп стран.

* * *

Из двух направлений деятельности, связанных с формированием новой европейской энергетической политики, более противоречиво выглядит борьба с климатическими изменениями на внутреннем уровне, которую следует понимать как обязательство Европейского союза и каждого государства – члена ЕС снизить выбросы парниковых газов (на 20% к 2020 г. по сравнению с уровнем 1990 г.).

Необходимо учитывать, что, принимая на себя эти обязательства, Евросоюз руководствовался не столько доводами о связи климатических изменений с выбросами парниковых газов, сколько более прагматичными

причинами, среди которых Еврокомиссия обозначила три основных – сокращение выбросов:

1) «…означает экономию энергии и использование более экологически чистой, *производимой в ЕС* энергии;

2) ограничивает увеличивающееся воздействие на ЕС резких колебаний цен на нефть и газ;

3) и в потенциале создаст в ЕС более конкурентный энергетический рынок, стимулируя развитие инновационных технологий и создание новых рабочих мест» (4, с. 5).

В то же время достижение столь привлекательных рубежей требует от стран – членов ЕС довольно значительных затрат, главным образом на инновации и исследования. Потенциально эти расходы смогут окупиться лишь в случае успешной реализации энергетической стратегии не только на внутриевропейском, но и на мировом уровнях. Иными словами, следует учитывать, что указанный Европейским советом объем необходимых инвестиций в НИОКР[5] (к 2020 г. он должен достичь 3% от ВВП ежегодно) (7, с. 7) вовсе не обязательно приведет к реализации энергетических целей ЕС, в то время как финансовые затраты окажутся неизбежным бременем для стран «Новой» Европы, которые с учетом последствий мирового финансового кризиса вынуждены достаточно осторожно подходить к планированию бюджета.

Что касается конкретных механизмов борьбы с климатическими изменениями в ЕС, то в отношении стран «Новой» Европы они представляются еще более противоречивыми.

Так, в качестве первой причины для сокращения выбросов парниковых газов Еврокомиссия указывает, что оно приведет в будущем к использованию «производимой в ЕС энергии». С точки зрения увеличения производства энергии из возобновляемых источников данный тезис абсолютно правомерен. Кроме того, исчерпание резервов традиционного топлива в странах «Старой» Европы превращает возобновляемые источники энергии (далее ВИЭ) в стратегический ресурс, связанный с обеспечением безопасности.

Однако для «Новой» Европы необходимость наращивания производства энергии из ВИЭ в целом не столь очевидна, а климатические инициативы ЕС скорее затрудняют процессы обеспечения энергетической безопасности. Эту тенденцию, в частности, отражают настроения населения – более половины респондентов из «Новой» Европы, отвечая на вопросы Еврокомиссии, указа-

5. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР, англ. – Research & Development, R&D) – комплекс мероприятий, включающий в себя как научные исследования, так и производство опытных и мелкосерийных образцов продукции, предшествующий запуску нового продукта или системы в промышленное производство. Расходы на НИОКР являются важным показателем инновационности.

ли «влияние климатической стратегии ЕС» как одну из главных угроз энергетической безопасности ЕС в предстоящие 20 лет (12, с. 1).

Суть проблемы сводится к тому, что эти государства, в отличие от «Старой» Европы, до сих пор не исчерпали своих основных месторождений, в основном твердого горючего. Но именно оно, по оценке Еврокомиссии, является наиболее вредным для экологии региона. Так, в сообщении Еврокомиссии отмечается, что при сжигании угля и лигнита «в атмосферу выбрасывается более чем в два раза больше CO_2, чем при сжигании газа» (4, с. 15).

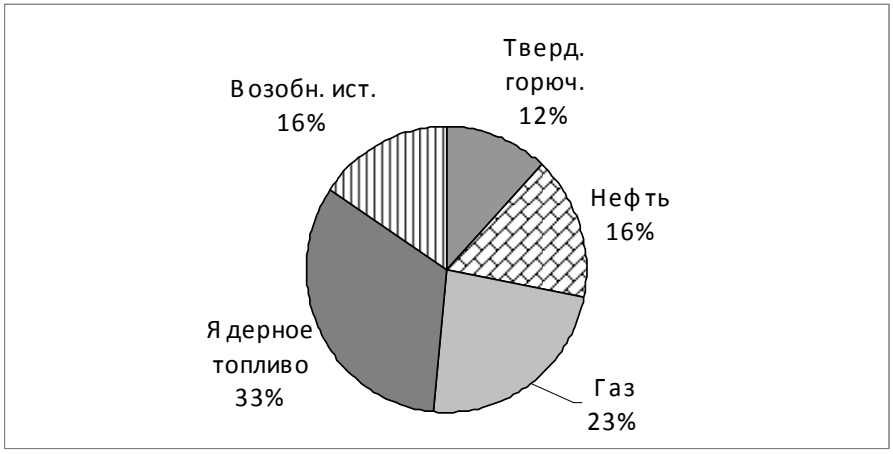


Рис. 1. Производство энергии по отраслям, «Старая» Европа, 2006 г.

Поэтому в качестве важной составной части в «Энергетическую политику для Европы» включены меры, направленные на обеспечение «экологически более безвредной добычи угля» (4, с. 15). При этом, если взглянуть на круговые диаграммы производства энергии по видам топлива в ЕС, становится очевидным, что для «Старой» Европы, в энергетическом производстве которой на уголь приходится лишь 12% (рис. 1) (6), любые реформы в этой области пройдут достаточно безболезненно.

Иначе дело обстоит со странами «Новой» Европы, где угольная энергетика заметно доминирует (рис. 2) (6).

При этом в планы Европейского союза не входит отказ от производства энергии из угля и лигнита, которое, если верить ожиданиям МЭА, к 2030 г. в мире «увеличится в два раза». В согласии с основной целью – обеспечением глобального первенства ЕС в области новейших энергетических технологий, еврокомиссары предписали государствам – членам ЕС предпринять целый ряд мер в рамках Евросоюза: разработать рамочную программу для развития технологий поглощения и хранения CO_2, инвестировать больше и эффективнее в ее научные разработки и т.п. (4, с. 16).

Однако уголь для стран «Новой» Европы является наиболее дешевым и доступным топливом, и дополнительные вложения могут лишить его этих важных характеристик в сравнении с другими видами энергоресурсов. Кроме того, сложное финансовое положения в странах «Новой» Европы, усугубившееся в связи с мировым финансовым кризисом, делает инвестиции в угольную промышленность слишком обременительными для бюджетов развивающихся государств.

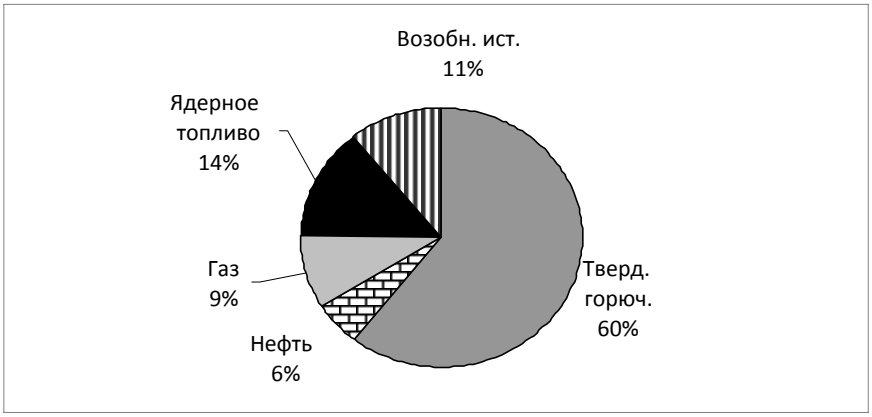


Рис. 2. Производство энергии по отраслям, «Новая Европа», 2006.

Но, несмотря на сложную ситуацию в мировой экономике, Еврокомиссия не намерена отказываться от своих амбициозных планов. В частности, одна из практических задач в настоящее время включает строительство 12 демонстрационных заводов, на которых будут установлены специальные системы поглощения и хранения CO_2, выбрасываемого в атмосферу при производстве энергии (15, с. 3).

Очевидно, что основное бремя по созданию этих заводов ляжет на плечи стран «Старой» Европы, однако успешная реализация проекта позволит им окупить свои затраты за счет продажи созданных технологий (если не по всему миру, то, как минимум, своим соседям по ЕС). При этом вряд ли странам «Новой» Европы следует надеяться на безвозмездное «разделение знаний между всеми партнерами», о котором не раз упоминала Еврокомиссия, так как по указанию Совета ЕС оно должно осуществляться с учетом «главенства прав на интеллектуальную собственность и патентной стратегии» (7, с. 7).

Другая проблема заключается в том, что необходимость закупки технологий по поглощению и хранению CO_2 для «Новой» Европы выглядит не столь очевидной в рамках климатической стратегии ЕС как таковой. В настоящее время «Старая» Европа, несмотря на использование «экологически

более чистой энергии», значительно опережает «Новую», как по валовым выбросам CO_2 (рис. 3) (6), так и по выбросам на душу населения (рис. 4) (6).

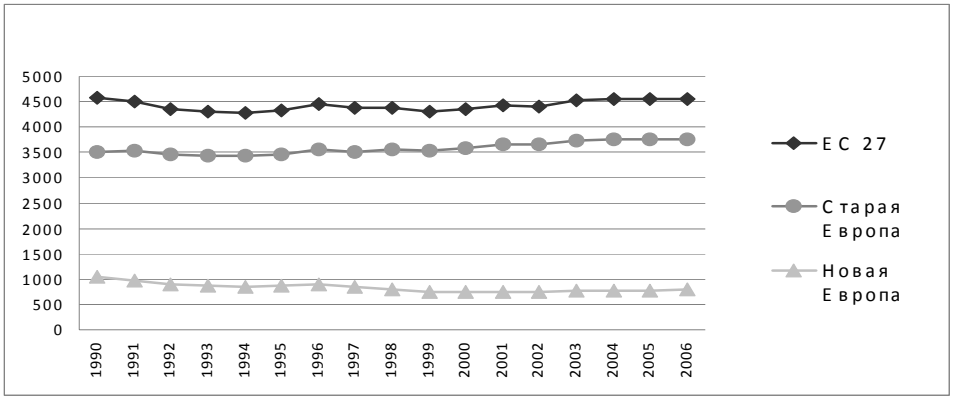


Рис. 3. Эмиссия CO_2, млн т.

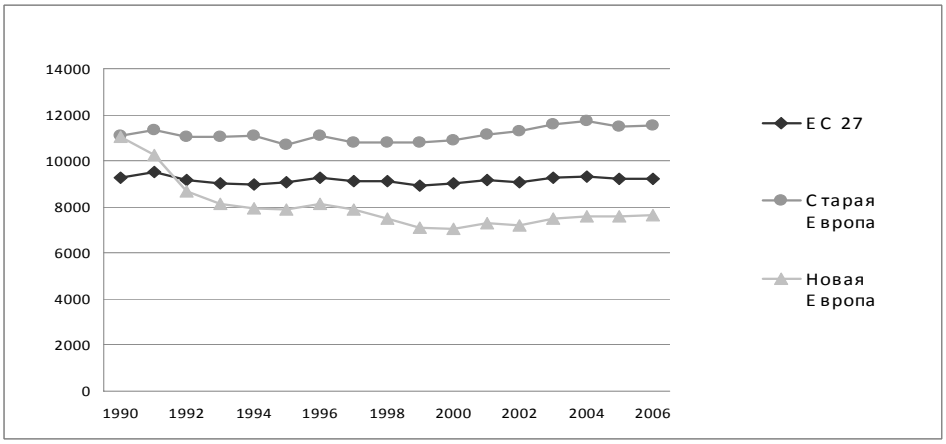


Рис. 4. Выбросы CO_2 на душу населения, кг/чел.

Столь невысокие показатели по выбросам углекислого газа в странах «Новой» Европы должны обеспечить всему Европейскому союзу возможности для выполнения своих обязательств по снижению выбросов на 20% за счет перераспределения квот на уровне Евросоюза. Механизмом такого перераспределения должна послужить система торговли выбросами парниковых газов (англ. Emission Trading System, ETS), представляющая собой прообраз будущей глобальной системы, апробация которой уже началась в соответствии с Киотским протоколом и которую планируется развить после 2012 г. Ее суть сводится к предоставлению определенного количества квот на рынок и

принуждению крупных эммитеров приобретать больше квот, если они превышают пороговый уровень выбросов парниковых газов в атмосферу.

Однако, говоря о ETS, нельзя не упомянуть следующий интересный факт. В этой системе в настоящее время учитываются лишь некоторые загрязняющие газы и далеко не все способы, связанные с их выбросом в атмосферу. Иными словами, на данный момент «ETS нацелена на самых крупных эммитеров углеводорода, то есть индустриальные заводы и станции по сжиганию газа и угля» (5, с. 124–125).

В итоге основные расходы, связанные с приобретением дополнительных квот, вновь могут понести страны «Новой» Европы, не успевшие, в отличие от своих западных соседей, вынести основные производственные мощности за пределы национальных государств и зависимые от заводов по сжиганию угля.

В то же время странам, которые могут позволить себе масштабные инвестиции в НИОКР, торговля сертификатами должна оказать значительную помощь. Она будет не только вынуждать менее продвинутые государства закупать у них новые технологии (например, поглощения и хранения CO_2), но и способствовать развитию производства энергии из возобновляемых источников, повышая их конкурентоспособность в сравнении с традиционными видами топлива, стоимость которых будет повышаться за счет включения в нее затрат на «зеленые сертификаты».

Еще более развитию этой отрасли энергетики должно способствовать обязательство ЕС довести долю ВИЭ в энергетической смеси до 20% к 2020 г. Это потребует дополнительных ежегодных вложений приблизительно в размере 18 млрд евро – или около 6% дополнительных расходов по сравнению с общими планируемыми ЕС затратами на импорт энергии (4, с. 14).

Значительный разрыв между государствами «Старой» и «Новой» Европы может продемонстрировать график изменения объемов производства энергии из ВИЭ в Европейском союзе (рис. 5) (6).

Интересно, что наиболее динамично развивающейся областью, связанной ВИЭ в Европейском союзе, является одна из самых дорогих отраслей энергетики – фотоэнергетика, основанная на использовании солнечной активности (рис. 6) (5, с. 130).

Разумеется, природно-климатические условия не позволяют всем государствам – членам ЕС расширять производство в этой сфере. Однако, как отмечается в статье, посвященной развитию солнечной энергетики в ЕС, основные гипотезы, объясняющие неразвитость ВИЭ в государствах «Новой» Европы сводятся к другим факторам: «высокой стоимости оборудования, нехватке специальных государственных программ по продвижению ВИЭ, более низким доходам на душу населения и отсутствию традиции использования солнечной энергии в национальном производстве» (5, с. 116). На практике 95%

общих мощностей ЕС в области фотоэнергетики приходится на долю трех стран: Германии, Испании и Италии.

В то же время потенциал «Новой» Европы для развития ВИЭ, связанный, в первую очередь, с использованием атомной энергии, подрывается политикой ЕС в отношении атомных станций, расположенных в странах Восточной и Центральной Европы.

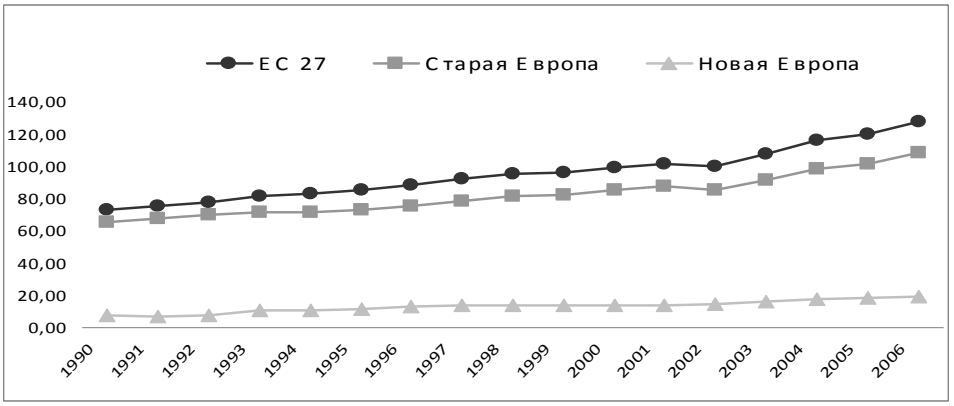


Рис. 5. Производство энергии из возобновляемых источников, Mtoe[6] .

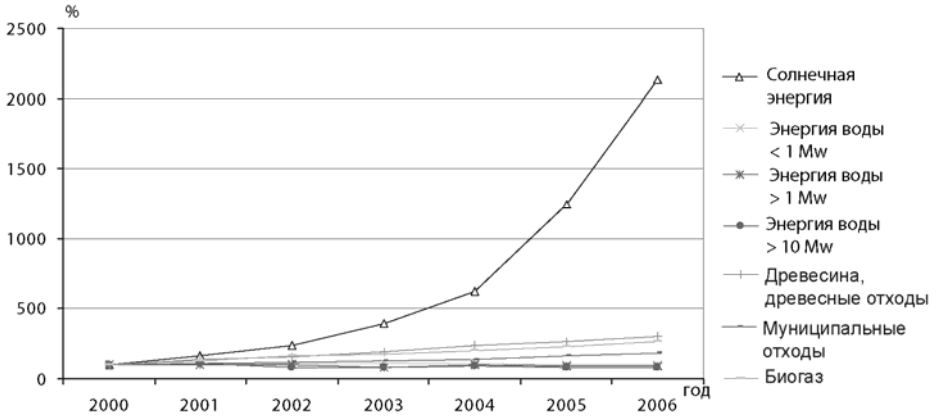


Рис. 6. Рост производства энергии из возобновляемых источников энергии, ЕС 25, в %.

6. Mtoe – (англ. Million Tons of Oil Equivalent) – миллионы тонн нефтяного эквивалента.

Противоречия, заложенные в подходе Евросоюза к атомной энергетике, требуют отдельного исследования. Здесь же укажем, что, с одной стороны, Еврокомиссия указывает на достоинства ядерной энергетики («ядерная энергия менее уязвима по отношению к изменениям цен на нефть, чем газ или уголь, к тому же уран широко распространен по всему миру») (4, с. 16). С другой стороны, в стратегическом обзоре по энергетике еврокомиссары отмечают, что «в результате политических решений о постепенной ликвидации атомных станций в некоторых странах – членах ЕС по соображениям безопасности ядерная энергетика демонстрирует упадок в рамках любого сценария» (8, с. 17). При этом Еврокомиссия подчеркивает, что в результате запланированного закрытия АЭС без приведения в действие новых мощностей проблемы с обеспечением спроса на уровне ЕС могут возникнуть начиная с 2015 г., а в отдельных странах (Чехии, Венгрии, Польше, Словакии и Прибалтике) – даже раньше (8, с. 43).

Подводя итог анализа механизмов борьбы с климатическими изменениями на внутреннем уровне ЕС с точки зрения перспектив для стран «Новой» Европы, можно сделать два ключевых вывода.

Во-первых, исходя из нынешнего уровня производства ВИЭ в «Новой» Европе[7], сокращение выбросов CO_2 на 20% к 2020 г. в рамках всего Евросоюза едва ли приведет к тому, что «Новая» Европа наравне со «Старой» создаст базу для обеспечения мирового лидерства по производству новейших энергетических технологий. Более того, вряд ли можно будет говорить о том, что «Новая» Европа уменьшит свою зависимость от импорта энергоресурсов, так как производство энергии из местного топлива (угля и лигнита), вероятно, сократится.

Во-вторых, государства «Новой» Европы по мере формирования новой энергетической политики ЕС, очевидно, должны превратиться в удобные рынки сбыта технологий, производимых в «Старой» Европе. Для последней будет особенно актуально, если в международном масштабе новая энергетическая политика не достигнет успеха.

* * *

Механизмы достижения международных целей энергетической политики ЕС представляются менее противоречивыми с точки зрения интересов стран «Новой» Европы.

Основным инструментом продвижения климатических инициатив ЕС на мировой арене должна была стать единая энергетическая дипломатия. В со-

7. За исключением ядерной энергии, перспективы развития которой в регионе можно подвергнуть сомнению, принимая во внимание противоречивый подход Еврокомиссии к данному вопросу.

общении Еврокомиссии «Энергетическая политика для Европы» впервые было выдвинуто требование ко всем странам – членам ЕС во всех внешних сношениях по энергетическим вопросам выступать единым фронтом, «налаживая эффективные партнерские отношения» (4, с. 17).

Первоначально это требование легко нашло поддержку среди большинства государств – членов ЕС и было особенно благосклонно встречено в «Новой» Европе. Это подтверждают данные доклада, подготовленного по итогам публичных слушаний, предшествовавших принятию 2-го Стратегического энергетического обзора (12, с. 1–3).

Такая солидарность может быть легко объяснима не столько стремлением обеспечить гегемонию Европейского союза в борьбе с климатическими изменениями, сколько необходимостью обеспечения «безопасности поставок» и доступности цен на энергоресурсы внутри ЕС. При достаточно небольшом уровне потребления энергии каждым из государств – членов ЕС, особенно по сравнению с такими странами, как США и Китай (6), только Евросоюз в составе 27 государств, выступающий «единым голосом» может иметь какие-либо рычаги влияния на поставщиков энергии на мировой рынок.

Экономические и политические риски, связанные с вопросами обеспечения безопасности поставок, становятся особенно очевидными, если принять во внимание, что Международное энергетическое агентство (МЭА) предсказало в недалеком будущем резкое усиление глобальной конкуренции за ресурсы, подсчитав, что к 2030 г. мировой спрос на нефть возрастет на 41% (18, с. 4).

При этом принципиальная поддержка усилий по обеспечению единства дипломатических действий со стороны «Новой» Европы легко объяснима, так как страны Центральной и Восточной Европы, с одной стороны, продолжают испытывать страх перед «имперскими замыслами России» (3) (в том числе и как «великой энергетической державы»), с другой – обладают значительно меньшим политическим весом нежели государства «Старой» Европы, чтобы обеспечить себе выгодные условия при заключении торговых договоров в области энергетики. Кроме того, уровень потребления энергии в «Новой» Европе значительно ниже, чем у их западных партнеров по Европейскому союзу (в соотношении 15% к 85%) (6), что лишает эти страны привилегированного статуса стратегического торгового партнера.

Однако, несмотря на отмеченное выше совпадение устремлений ЕС с национальными интересами стран – членов ЕС, развитие ситуации на мировом рынке энергоресурсов оказывает на энергетические политики европейских государств двоякое влияние, что создает ряд труднопреодолимых препятствий на пути создания единой энергетической дипломатии Европейского союза, а значит – реализации основных целей новой энергетической политики ЕС.

Как известно, энергетическая политика любой страны в тот или иной период определяется конъюнктурой мирового энергетического рынка, важнейшим индикатором которой на протяжении XX в. и вплоть до настоящего времени, является цена на нефть. Так, падение цен на нефть после нефтяных шоков 1970-х годов способствовало тому, что вектор энергетической политики стран – членов ЕС сдвинулся от обеспечения безопасности поставок в сторону поощрения частной инициативы и рыночных механизмов развития (9, с. 4). Поэтому, когда резкое изменение ситуации на мировом энергетическом рынке, произошедшее в 2000-х годах, главным образом, после 2006 г. (16, с. 113), вернуло в повестку дня государств – членов ЕС вопросы, связанные с безопасностью поставок, – процесс консолидации энергетических политик стран – членов ЕС значительно осложнился. Отсутствие консенсуса внутри ЕС наглядно проявляется в обсуждении государствами – членами Евросоюза проблем строительства газопроводов Набукко, Северного и Южного потоков.

Таким образом, несмотря на положительные отзывы Еврокомиссии об успехах единой энергетической дипломатии Евросоюза, между странами – членами ЕС с точки зрения их сношений с третьими странами по вопросам энергетики в настоящее время существует больше противоречий, чем когда-либо. В то же время эти разногласия вполне могут быть преодолены ради общих целей новой энергетической политики.

* * *

В заключение еще раз подчеркнем основные сложности включения государств «Новой» Европы в реализацию новой энергетической политики ЕС. Во-первых, многие энергетические инициативы ЕС не могут быть реализованы в этих государствах по причинам экономического и финансового характера. Во-вторых, и это более важно, сами ориентиры энергетической политики ЕС выработаны исходя из интересов стран «Старой» Европы и во многом не соответствуют той ситуации (например, в области угольной энергетики), которая в настоящее время сложилась в Центральной и Восточной Европе. В-третьих, Европейская комиссия на пути к поставленным целям проявляет непоследовательность, что особенно заметно на примере атомной энергетики (заявляя о необходимости наращивания производства из ВИЭ, еврокомиссары в то же время настаивают на закрытии АЭС в «Новой» Европе).

Тем не менее, на наш взгляд, было бы ошибочно вслед за рядом зарубежных и отечественных исследователей, утверждающих, что присоединение стран «Новой» Европы лишь усугубило трудности ЕС в энергетической сфере. В действительности при проведении взвешенной политики страны «Новой» Европы могут даже катализировать процессы, которые должны привести к реализации целей энергетической политики ЕС в ее внешнеполи-

тическом измерении. С учетом того, что «ЕС стремится к тому, чтобы построить вокруг себя сеть стран, действующих на основании общих правил или принципов, вытекающих из энергетической политики ЕС» (4, с. 18), участие в энергетических инициативах стран «Новой» Европы придает энергетической дипломатии больший вес. Оно предоставляет Европейскому союзу больше возможностей для маневра при планировании вариантов доставки энергоресурсов в ЕС благодаря выгодному геополитическому расположению стран «Новой» Европы – на транзитных путях с Востока на Запад. Кроме того, низкие показатели по выбросам CO_2 могут через перераспределение квот в рамках ЕС улучшить общие показатели и тем самым способствовать продвижению его энергетических инициатив Евросоюза на мировой арене.

Кроме того, с нашей точки зрения, немаловажным является тот факт, что разработка общих стратегий для столь «разнокалиберного» набора стран и возможность иметь «испытательный полигон» для энергетических инициатив, должны сделать энергетическую политику ЕС более обоснованной, гибкой и взвешенной.

Еще более важную роль «Новая» Европа в перспективе будет играть в качестве рынка сбыта для высокотехнологических продуктов, связанных с возобновляемыми источниками энергии и экологически чистым производством энергии в государствах «Старой» Европы. Особенно ее значение возрастет в том случае, если международные инициативы Еврокомиссии не удастся реализовать из-за отпора со стороны других международных акторов.

Литература

1. Белокурова Г.В. Энергетическая политика: определение и теоретическое обоснование // OPEC.RU (http://old-opec.hse.ru/).

2. Малькова Т., Черч К. Противодействие изменению климата: от разделенности Европы к общности целей. – ANPED (Северный альянс за устойчивое развитие). – Москва, март, 2008. – 28 с.

3. Эксперт: Центральноевропейских политиков панически пугает нечуткость США к их страхам // ИА REGNUM. – 2009. – 20 июля (www.regnum.ru/news/1188048.html)

4. An energy policy for Europe. Communication from the Commission to the European Council and the European Parliament**.** – COM (2007). – Brussels, Jan., 2007. – 27 p.

5. Costa, H.S.P. Solar power in the European context: Conversion efficiency and the issue of carbon // Journal of contemporary European research. – 2009. – Vol. 5. – N 1. – P. 114–133.

6. Energy database. Eurostat. – 2008. – December (http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/-portal/energy/data/databasehttp)

7. Energy policy for Europe (EPE). European Council Action Plan (2007–2009). – Presidency Conclusions. – Annex I. – Brussels, March, 2007. – 26 p.

8. Europe's current and future energy position: Demand – resources – investments. An EU Energy Security and Solidarity Action Plan. Second strategic energy review: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. – COM (2008) – Volume I. – Brussels, Nov., 2008. – 68 p.

9. Lawson, N. Speech on energy policy. – Energy Paper. – N 51. – 1982. – London: HMSO. – 8 p.

10. Limiting global climate change to 2 Celsius – the way ahead for 2020 and beyond. Communication from the European Commission. – COM (2007). – Brussels, 2007. – 19 p.

11. Renewable energy targets for Europe: 20% by 2020/ European Renewable Energy Council. – Brussels, Nov., 2008. – 24 p.

12. Report on public consultation prior to the 2nd Strategic Energy Review. Energy and Transport DG, Unit C.1. – Brussels, Oct., 2008. – 3 p.

13. Schmidt-Felzmann, A. Editorial: The European Union's external energy policy // Journal of contemporary European research. – 2008. – Vol. 4. – N 2. – P. 67–70.

14. Stavros D. Climate change (debate)/ European Parliament Debates// Official journal edition.– 2007. – Brussels, 31 Jan.

15. Supporting early demonstration of sustainable power: Generation from fossil fuels/ European Commission Communication. – COM (2008). – Brussels, Jan., 2008. – 11 p.

16. The new global puzzle: What world for the EU in 2025?/ Directed by. Gnesotto and G. Grevi, EU Institute for Security Studies. – Paris, 2006. – 254 p.

17. World energy outlook 2006 / Energy Information Administration (EIA). – Paris, 2006. – 16 p.

П.В. Гуничев, Э.К. Хижный

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА И СКРЫТАЯ ЗАНЯТОСТЬ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ (1995–2005 гг.)

Гуничев Павел Вадимович – аспирант Московской финансово-юридической академии.

Хижный Эльмир Кириллович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

«Открытие» теневой экономики в промышленно-развитых странах и характеристика этого феномена

Теневая экономика (ТЭ)[1] как главный сегмент неформальной экономики (НЭ)[2] в промышленно развитых странах получила широкое распространение за истекшие 30 лет после ее «открытия» в конце 70-х годов XX в. Она сегодня играет важную роль как в жизни людей, так и в хозяйственном комплексе. Достаточно сказать, что численность занятых в ТЭ в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭРС) оценивается в 48 млн человек, 30 млн из которых живут в странах Западной Европы. Сегодня формальная экономика (ФЭ) и ТЭ составляют двуединое товарное хозяйство любой цивилизованной страны независимо от общественного строя и уровня развития. Объем продукции и услуг ТЭ развитых стран оценивался в 2003 г. в 16,3% против 38,7% в развивающихся странах и 40,1% – в странах с переходной экономикой (31, с. 1).

Широкое распространение ТЭ в развитых странах объясняется прежде всего благожелательным отношением к ней со стороны населения, которое

1. Под ТЭ некриминального характера мы понимаем рыночное производство товаров и услуг, не запрещенное законом, но которое: а) не зарегистрировано в государственных органах и потому подсудно; б) зарегистрировано, но укрывающее часть выручки с целью занижения выплат налогов в бюджет и при обнаружении подвергается штрафным санкциям.

2. В НЭ, помимо ТЭ входят домашнее хозяйство, индивидуальная трудовая деятельность без лицензий, соседская взаимопомощь, работа по принципу «делай сам».

систематически прибегает к ее услугам в целях повышения своего уровня жизни или чтобы не оказаться за чертой бедности.

Об актуальности проблем ТЭ свидетельствует высказывание Международной организации труда (МОТ) о ее роли в качестве огромной губки «обладающей почти неограниченной возможностью поглощать тех, кто в то или иное время оказался вне современного сектора» (1, с. 8). Именно благодаря этим свойствам неформальная и теневая экономики получили ярлык феноменов конца XX в.

Степень изученности ТЭ явно недостаточна, что приводит к огромной путанице и неразберихе прежде всего из-за отсутствия ее понятийного аппарата. Продолжаются дискуссии по поводу причин «появления» и генезиса ТЭ, перспектив развития, состыковки с формальной экономикой и т.д. Подобная сумятица еще в большей мере присуща нашим отечественным исследователям, занимающимся изучением ТЭ в развитых странах. Да и таких обследований в нашей стране немного, например труды Ю. Латова, Т. Кузнецовой и С. Хавиной, М. Николаевой и А. Шевякова, Л. Тимофеевой, Л. Турусовой. Особого упоминания заслуживают труды Ю. Латова о комплексном изучении неформальной экономики как в развивающихся и развитых странах (9; 20).

По оценке отечественных экспертов, «трудно найти другой такой пример, когда бы масштабы экономического явления и степень его изученности были бы столь разнопорядковыми» (20, с. 28).

Изучение ТЭ, как массового явления, началось с развивающихся стран в 1970-е годы XX в. Считается, что первооткрывателем этого феномена был английский социолог Кейтон Харт, изучавший скрытую занятость в странах Африки (28).

Первооткрывателем ТЭ в развитых странах стал американский экономист П. Гутман, заявивший в 1977 г. о наличии ТЭ в США в статье «Скрытая экономика» (27).

Но наиболее важная роль в детальном изучении ТЭ принадлежит МОТ. В докладе «Дилемма неформального сектора» в 1991 г. на 78-й сессии МКТ признавалось что этот феномен остается относительно неизученным даже после 20 лет его исследования (1, с. 1). В 2002 г. на 90-й сессии МКТ в докладе «Достойный труд и неформальная экономика» отмечалось, что «Неформальная экономика стала гораздо серьезнее по масштабам и более сложной по структуре. В противовес прогнозам прошлых лет неформальная экономика быстро расширяется во всех частях света, включая промышленно развитые страны, поэтому к ней нельзя относится как к временному или остаточному явлению» (2, с. 3).

Эти высказывания МОТ вызваны новыми тенденциями в развитии мировой экономики: глобализации и массового использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Несмотря на отсутствие в научной литературе единой классификации структуры неформальной экономики в развитых странах, сегодня можно выделить три основные, но далеко не одинаковые по значению элемента (сегмента).

Долгое время (столетиями) в НЭ доминировало домашнее хозяйство (садоводство, огородничество, пошив одежды, обуви и тому подобная деятельность), т.е. экономика по самообеспечению без применения наемного труда и практически без использования товарно-денежных отношений, с частичными бартерными сделками в отношении излишков произведенной продукции.

Длительное время (до XX в.) ТЭ стояла на втором месте и характеризовалась прежде всего наемным трудом и другими рыночными факторами, функционирующими вне правового поля.

Завершают структуру НЭ альтернативные виды занятости в форме индивидуальной трудовой деятельности по дому (сиделки, няни, домработницы и т.д.) и работа на дому (репетиторы, врачи, тренеры, юристы, бухгалтеры, архитекторы, художники и т.д.) работающие или подрабатывающие без лицензий.

Сегодня роль домашней экономики в развитых странах снижается по мере повышения уровня жизни населения, особенно в странах Западной Европы, где активно функционирует государственная система социальной защиты граждан с учетом успехов формальной экономики. Если в 50–60-е годы XX в. на нее приходилось 40–50% НЭ, то сейчас – не более 10–15% (12, с. 36; 25, с. 37). Индивидуальная трудовая деятельность типа «делай сам», в форме соседской взаимопомощи, самоуправляемых кооперативов, весьма живуча в странах Южной Европы. Ее удельный вес – около 10% объема НЭ.

С 1990-х годов произошел бурный рост ТЭ как по охвату различных отраслей хозяйства, так и по численности занятых в ней работников и по объему выпускаемой продукции и оказываемых услуг.

На первых порах ТЭ выступала в качестве альтернативы формальной экономики, но затем она стала оказывать на нее не столько деструктивное влияние, сколько выступать в качестве локомотива развития реальной экономики посредством конкуренции с ней на внутренних рынках и сотрудничества с ней. При этом каждая из них занимает свою нишу и попадает под «крышу» транснациональных корпораций (ТНК) и крупных национальных фирм.

В настоящее время используется большой набор терминов, определяющих понятие ТЭ: подпольная, скрытая – в англоязычных странах, тайная, подводная – в итальянской литературе, сумеречная, теневая – в немецкой, серая, незаконная, второго сорта – во французской литературе. Такое разнообразие определений свидетельствует о сложности рассматриваемого явления.

Отсутствие апробированного понятийного аппарата в области НЭ привели к большой путанице среди исследователей ТЭ. Разные специалисты вкладывают неодинаковый экономический и социальный смысл в эти понятия. Мало того, ТЭ разнородна даже в отношении однотипных госу-

дарств, находящихся практически на одинаковом уровне развития, скажем среди стран ЕС или ОЭСР.

Прежде всего современная ТЭ разбивается на две основополагающие группы: некриминальную (легальную, разрешенную законом) и криминальную (запрещенную) деятельность. Ко второй группе неучтенной экономической деятельности относятся контрабанда, торговля краденным, наркотиками, вооружением, рэкет, проституция и т.д. Остальные виды деятельности считаются разрешенными, исходя из постулата, что не запрещено – то разрешено (см. табл.).

Таблица

КРИТЕРИИ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Типы трудовой деятельности	*Денежные сделки*		*Неденежные сделки*	
Нелегальная (неразрешенная, т.е. криминальная)	Торговля ворованным товаром, производство и продажа наркотиков, проституция, азартные игры, контрабанда, мошенничество		Бартер в форме наркотиков, краденными вещами, контрабандным товаром. Производство и выращивание наркотиков для собственного потребления, краденные вещи для собственного пользования	
Легальная (разрешенная) деятельность (т.е. некриминальная)	Невыплата налогов в нарушение законодательства. Утаивание доходов от самозанятости, зарплаты и дополнительных выплат налогов от труда в легальном бизнесе	Снижение суммы налогов вследствие несовершенства законов	Невыплата налогов в нарушение законодательства. Сокрытое получение оплаты в форме бартера, т.е выпущенной продукции	Снижение роста налогов вследствие несовершенства законов. Все делать своими силами или с помощью соседей

Источник: 32, с. 6.

Таким образом, ТЭ некриминального характера состоит из большого набора работников, начиная с предпринимателей и банкиров и заканчивая мелкими уличными торговцами, работниками низшего звена производства (надомниками), служащими сферы услуг.

Важной особенностью ТЭ в странах Западной Европы является то, что в отличие от развивающихся стран и стран с переходной экономикой, для которых ТЭ характеризуется полным сокрытием доходов, здесь теневой бизнес в основном использует частичное уклонение от налогов. Это достигается за счет лазеек и упущений в законах, вызванных сложностью налоговых систем и подзаконных актов, порожденных большим числом оговорок в отношении

льгот, скидок, кредитов. Таким образом, создается база для уклонения от налогов порой на законных основаниях. Большую роль играет политика глобализации, проявляемая в отмене валютного контроля и других барьеров для свободного передвижения капиталов, рабочей силы и использование оффшорных зон. В свою очередь, развитие информационных технологий увеличивает объем электронных сделок и соответственно масштабов ТЭ. За последние 15 лет в 2 раза возросло число «свободных экономических зон», а их инвестиционные фонды выросли в 5 раз и составили на конец XX в. 200 млрд долл. Эти «налоговые оазисы» характеризуются непропорционально высокой долей банков и финансового сектора, низким или отсутствием налогообложения некоторых типов доходов, отсутствием прозрачности и скрытостью информации о совершенных сделках, что ведет к росту ТЭ.

При характеристике ТЭ важно учитывать три критерия: 1) характер выпускаемой продукции и выполняемых услуг; 2) масштабы укрытия налогов и социальных взносов в госбюджет (в полном или частичном объеме); 3) формы оплаты труда.

Первый критерий выявляет легальность или криминальность бизнеса. Такая группировка осуществляется в соответствии с рекомендациями ООН (1995) по учету ТЭ для более точного определения размера ВВП.

Второй критерий характеризуется не полным, а лишь частичным сокрытием ТЭ. В качестве средства платежа в ТЭ доминируют наличные расчеты в форме «выплат в конверте» или бартера.

Для оказания методической и нормативной помощи государствам МОТ за период 1947–2006 гг. разработала и приняла десять Конвенций[3] и пять рекомендаций[4], посвященных различным аспектам НЭ и ТЭ, в том числе и для ряда конкретных стран. В целях разграничения занятых формальной и неформальной экономиками МОТ рекомендовала странам использовать следующие термины: «наемный» работник (работница) для первого сегмента и «трудящийся» для НЭ и ТЭ.

Теневой экономике присущи три важные черты, характерные для большинства ее видов. Во-первых, систематическая и непрерывная связь с формальной экономикой. Во-вторых, особенности занятых в ней лиц. В-третьих, особое отношение государства к неурегулированному сегменту экономического комплекса.

Как показывают многочисленные исследования, в развитых странах ТЭ является естественной спутницей формальной экономики, и каждая заполняет свою нишу. Они «сосуществуют» и конкурируют между собой. В разви-

3. Конвенции № 81, 88,129, 138, 141, 142, 143, 150, 169, 177.
4. Рекомендации № 169, 189, 190, 193 и 195.

вающихся же странах, да и во многих странах с переходной экономикой, оба сегмента функционируют практически автономно друг от друга.

Заслуживают внимание расчеты австрийского исследователя Ф. Шнайдера и его немецкого коллеги Ф. Клингмана относительно влияния ТЭ на ФЭ. При приросте ТЭ на 1% в год ВВП реальной экономики (т.е. ФЭ) развитых стран повышается соответственно на 0,8%, в странах с переходной экономикой – на 1,0%, а в развивающихся странах понижается на 0,6% (33, с. 2).

Что касается особых характеристик занятых в ТЭ, то это либо наемные работники ФЭ, подрабатывающие в подполье, либо контингент трудящихся из группы риска.

Отношение центральных властей к ТЭ в большинстве стран можно охарактеризовать как нейтральное. Формально осуждая этого сегмент экономики, они осознают, что ее развитие в значительной мере снижает социальное напряжение. Поэтому не принимают решительных мер по ее сокращению или ликвидации.

В настоящее время многие специалисты и политики разделяют мнение о том, что ТЭ оказывает позитивное воздействие на ФЭ и улучшает материальное положение населения. Основной аргумент в подтверждение этого тезиса – отсутствие забастовок, несмотря на то, что в последние 30 лет там сохранялся высокий уровень безработицы (8–10%). Благодаря ТЭ многие безработные имеют возможность подрабатывать. По данным за 2002 г., доля безработных, получающих государственные пособия и подрабатывающих в ТЭ, составляла 17–25%. В Дании этот показатель оценивался в 22,5%, в Испании – в 12–30 (в зависимости от провинции) и в Нидерландах – 22%.

Действительно, ТЭ «поглощает» практически всех, кто желает подработать[5].

Основные этапы функционирования теневой экономики и сферы деятельности, охваченные ею

Теневая экономика в развитых странах прошла, по нашему мнению, два крупных этапа своего развития: в 1970-е и в 1980-е годы, третий этап начался примерно с середины 1990-х годов и продолжается сейчас.

Развитие ТЭ во многом связано с миграцией населения. Вначале она носила сугубо экономический характер. За период 1950–1975 гг. численность рабочих мигрантов возросла в Нидерландах и ФРГ в 5–7 раз, в Великобритании и Швеции – в 3 раза, во Франции – в 2 раза. Однако их доля в составе населения оценивалась в 1975 г. довольно низко: от 2,9% в Нидерландах до 6–8% в других перечисленных странах. За тот же период численность иммигрантов, вклю-

5. Это привело к тому, что в статистических отчетах стран Запада исчезла категория «разочарованных лиц», т.е. людей отказывающихся от поиска рабочих мест из-за нереальности их найти.

чая членов их семей, во всех странах Западной Европы увеличилась с 5 млн до 10 млн человек, из которых 6 млн. человек были трудящимися (20, с. 218).

Полная трудовая нагрузка рабочей силы в эти годы при высоких темпах роста ВВП в странах Западной Европы не содействовала большой активности ТЭ. Ее масштабы оценивались в пределах 1–2% совокупной рабочей силы этих стран (от 0,8 млн человек – во Франции до 2,2 млн человек – в Италии) (26, с. 13).

Второй этап функционирования ТЭ в рассматриваемых странах характеризуется скачкообразным развитием, а в ряде из них и институционным оформлением этого феномена. После экономического кризиса 1973–1975-х годов, приведшего к массовой безработице, эти страны перешли к преимущественно интенсивному типу хозяйствования, чему в немалой степени способствовала научно-техническая революция.

Рынок труда в эти годы формировался в условиях замедления (вдвое) ежегодных темпов роста ВВП, циклических и структурных кризисов, резкого обострения дисбаланса спроса и предложения рабочей силы. Уровень безработицы в 1980-е годы оценивался двузначной величиной. Для выхода из создавшегося положения правительства стран Западной Европы взяли на вооружение политику диверсификации производства и дерегулирования рынка труда. Они стали использовать меры как по искусственному увеличению спроса на рабочую силу, так и комплекс мер по сокращению ее предложения на рынке труда. В области спроса на рабочую силу акцент был перенесен с пассивных акций правительств на рынке труда (выплата пособий по безработице, оплата преждевременного ухода на пенсию пожилых и т.д.) на активные меры (создание рабочих мест в госсекторе, расширение масштабов общественных работ, профучеба безработных и т.д.). Мало того, стало использоваться новое направление в регулировании рынка труда: перераспределение совокупного объема рабочего времени в стране между максимальным числом людей, желающих трудоустроиться, за счет снижения индивидуального рабочего времени лиц занятых в реальной экономике. В этой связи были увеличены продолжительность ежегодных отпусков, сокращена рабочая неделя, снижены нормы разрешенного сверхурочного времени и т.д. (4, с. 81–91). Одновременно стали усиленно распространяться нестандартные формы занятости (частичная занятость, временная работа, самозанятость, деление рабочего места), которые стали широко использоваться в ТЭ. Но все же главное внимание правительств стран ЕС уделялось проблемам регулирования предложения рабочей силы на рынке труда. В этом плане начали претворяться в жизнь четыре комплекса мер: 1) сокращение притока молодежи в сферу занятости за счет увеличения сроков ее обучения в школе и программ профессиональной подготовки на два-три года (с 16 до 19 лет); 2) расширение практики предоставления образовательного отпуска сроком до одного года через каждые семь лет трудового стажа; 3) поощрение досрочного на

три-пять лет выхода на пенсию пожилых трудящихся и 4) запрет на въезд иммигрантов и поощрение их выезда на родину с использованием материального стимулирования (3, с. 16).

Современный этап функционирования ТЭ в развитых странах проходит в условиях третьей промышленной революции – с разработкой и использованием информационно-коммуникационной технологии, на базе которой формируется «информационное общество» и «постиндустриальная экономика». Сейчас большая часть ВВП создается отраслями сферы услуг и она выделяется своей услугоемкостью: 70–80% добавленной стоимости в ВВП создается именно в сфере услуг. Немалый вклад в эти достижения вносит ИКТ. Она играет существенную роль в кодификации знаний, что содействует преобразованию ее в «информацию», которую можно превратить в создание новых материальных благ и сказывается на повышении производительности труда. Рынок ИКТ (компьютеры и их компоненты, средства программного обеспечения и сфера услуг в этой области) развивается высокими темпами, порядка 8–12% в год. Две трети мирового выпуска продукции ИКТ приходится на страны «большой семерки». Они же выпускают около 80% радиопродукции, офисного оборудования, телефонных и радарных устройств (21, с. 124).

В начале третьего тысячелетия темпы развития ИКТ снизились из-за дефицита нужных кадров. Например, в Германии число вакансий оценивалось в 2003 г. в 700 тыс., а в целом по ЕС-15 – в 3,8 млн (10, с. 18). За период 1998–2001 гг. страны ЕС-15 по этой причине недополучили продукции на сумму в 106 млрд евро (8, с. 109). Нехватку кадров развитые страны пытаются решить за счет импорта специалистов из других стран, в том числе и из России. В 2000 г. импорт «мозгов» в США исчислялся в 600 тыс. человек, в Германии – в 200 тыс., в Великобритании – в 50 тыс. человек (6, с. 44).

Существенным изменениям за истекшие 30 лет подверглась отраслевая структура экономики развитых стран, охваченная ТЭ. В 1970-е годы основной сферой ТЭ были сельское хозяйство, строительство и легкая промышленность, укомплектованные работниками низкой квалификации, рекрутируемыми из рабочих семей и иммигрантов. В 1975 г. 70% приработков в ФРГ осуществлялось в сельском хозяйстве, 24 – в сфере услуг, и лишь 5% – в промышленности. Схожая картина наблюдалась в Италии и совершенно иная – в Великобритании: 86% приработков было связано со сферой услуг, 9 – с промышленностью и только 5% – с сельским хозяйством (26, с. 46).

О состоянии рынка труда в ТЭ в настоящее время свидетельствуют выборочные данные МОТ на конец XX в. (2, с. 32). Десятая часть работающих в Австрии на тот период была вовлечена в ТЭ, при этом 40% из них приходилось на строительство и кустарное производство, 16 – на другие торговые и промышленные предприятия с использованием ИКТ, 39 – на сферу услуг и 15% – на другие виды деятельности.

В Германии ТЭ укомплектована большей частью иммигрантами. Они заняты в строительстве, на транспорте, в разработке и использовании ИКТ, в гостиничном обслуживании и сфере общественного питания.

Главный резерв ТЭ Греции состоит из иммигрантов, а также из пенсионеров и домохозяек. Сфера их деятельности – текстильная промышленность, туризм и транспорт.

В Швеции и Великобритании основной сферой ТЭ являются отрасли, связанные с ИКТ, а также строительство, общественное питание (2, с. 32).

Таким образом, сегодня отраслевая структура занятости в ТЭ существенно отличается от той, которая была в ЕС в 1960–1970-х годах, но практически одинакова в странах – членах Европейского Сообщества.

Начиная с середины 1990-х годов, в дополнение к сфере услуг в ТЭ вовлечены трудящиеся, занятые разработкой, производством, распространением и использованием ИКТ под эгидой ТНК, число которых резко возросло. Если в середине 1970 годов в мире насчитывалось 7 тыс. ТНК, то 20 лет спустя – 44,5 тыс., а в 2000 г. – 65 тыс. В 1995 г. ТНК подчинялось 276 тыс. филиалов, а в 2002 г. – 850 тыс. Совокупная численность персонала ТНК и их филиалов вместе с субподрядчиками возросла за период 1990–2002 гг. с 24 млн до 54 млн человек. При этом 80% ТНК и около 33% дочерних предприятий размещалось в развитых странах, а остальные – в развивающихся (11, с. 25).

Масштабы теневой экономики

Масштабы использования ТЭ в развитых странах во многом различаются в зависимости от пяти основных условий ее функционирования в той или иной стране.

1. Прежде всего это зависит от уровня подоходного налога и размера социальных выплат в госбюджет. Чем они выше, тем соблазнительнее для предпринимателей прибегать к услугам ТЭ.

2. Немалую роль в деле распространения ТЭ играет степень зарегулированности процедуры оформления бизнеса в ФЭ, что содействуют уходу его в ТЭ.

3. Степень распространения ТЭ зависит от несовершенства трудового законодательства в отношении новых форм трудоустройства или видов труда. Например, слабый охват нестандартных форм занятости положениями трудового законодательства способствует притоку таких работников в ТЭ.

4. Весьма важную роль ТЭ играет в тех отраслях, где существует суровая конкуренция. Уход в теневой бизнес представляется способом выживания на внутреннем рынке, но маловероятен на международных рынках, которые контролируются и регулируются Всемирной торговой организацией (ВТО).

5. Определенное влияние на распространение подпольной экономики оказывает психологическая, поведенческая культура, господствующая в той или иной стране.

И, наконец, свободный доступ к ТЭ у того или иного работника зависит от решения самого работника, который взвешивает все за и против и определяет свой выбор рабочего места на рынке труда (22, с. 9–10).

Данные обследования, проведенного в 2004 г. по 28 развитым странам, свидетельствуют о различных причинах роста масштабов ТЭ. Более всего это связано с ростом налогов и социальных взносов в госбюджет (45-52%). Заметная доля приходится на степень интенсивности государственного регулирования экономики (10–15%) (31, с. 14).

Отсутствие официальной статистики по ТЭ сильно затрудняет определение ее масштабов. Западные исследователи, применяя различные методики оценки, подсчитали, что вся ТЭ составляла к началу XXI в. около 9 трлн долл., что превышает 40% сводного ВВП стран ОЭСР и больше суммы всех налогов, собранных в этих странах в 1998 г. (6 трлн долл.) (17, с. 39–40).

В настоящее время насчитывается примерно девять методов оценки размера ТЭ, при которых используются либо прямые, либо косвенные показатели.

К прямым относятся данные опросов или выборочных аудиторских проверок налоговых деклараций и установление их расхождений с действительными доходами. Оба метода дают лишь низший предел масштабов ТЭ и не позволяют выявить тенденции на перспективу. В то же время они предоставляют полную детализированную информацию о структуре занятости в ТЭ.

Косвенные методы оценки масштабов ТЭ основаны на расхождениях в макроэкономических показателях: между доходами и расходами, между официальной и реальной численностью занятых и т.д. (17, с. 41). Методика подсчета масштабов ТЭ различается в зависимости от уровня развития страны. В отношении всех стран, за исключением развитых, используется метод «физических затрат», когда сравнивается производство и потребление такого материального продукта национальной экономики, как электроэнергия, когда очень трудно скрыть реальные размеры ее потребления. Исследователи пытаются выделить превышение потребления электроэнергии по сравнению с данными ее официального производства. Этот метод дает неточную оценку ТЭ в странах Запада, поскольку они широко используют энергосберегающие технологии в отличие от развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Для ПРС более надежным считается подход, определяющий размер «спроса на деньги».

В связи с тем, что в ТЭ для оплаты труда используются в основном «живые» деньги и значительно реже – бартер, спрос на деньги в теневом секторе намного выше среднего спроса населения в развитых странах, где уже многие десятилетия наблюдается устойчивая тенденция использования безналичных расчетов. Сравнивая суммы, циркулирующие в экономике страны, с суммами необходимыми для функционирования экономики помимо оборота безналичных средств, исследователи выявляют размер ТЭ.

Весьма часто для оценки масштабов ТЭ используются аудиторские налоговые проверки, а для оценки численности занятости в ТЭ – методы опросов домашних хозяйств, оценки разницы между расходами и доходами, расхождения между официальной и фактической численностью занятых. Но такие оценки весьма дорогостоящие и для их проведения нужен хорошо подготовленный персонал. Поэтому они приемлемы лишь для некоторых западных стран.

Данные о теневом рынке труда свидетельствуют о том, что к концу XX в. его масштабы в странах ОЭСР удвоились. В последующие годы наблюдается некоторое снижение объема ТЭ в этих странах. Размер ВВП теневой экономики в них составил в 2000 г. – 16,8%, в 2002 г. – 16,7 и в 2003 г. – 16,3% (31, с. 27). Эксперты считают, что показатель ТЭ в размере более 40% ВВП реальной экономики является критическим, после чего начинается подчинение формальной экономики теневой.

Контингент лиц, участвующих в теневой экономике

Лица, вовлеченные в ТЭ в форме полной или частичной занятости, включают четыре категории работников и ряд категорий неактивной части населения (22, с. 4).

1. Самая многочисленная часть занятых в ТЭ, представлена трудящимися формальной экономики, которые помимо своей основной работы занимаются подработкой. На их долю в странах ЕС-15 приходится от 10% в Великобритании, до 20 – во Франции и до 30% – в Италии, а в среднем по странам Сообщества – около 15% рабочей силы.

2. Вторая по численности в скрытой занятости группа – трудящиеся-иммигранты. Сейчас их в Западной Европе насчитывается 28 млн человек, из которых 6 млн являются нелегалами. ТЭ – единственный источник их существования.

3. Самозанятые трудящиеся-надомники (частные преподаватели, врачи, адвокаты, переводчики) широко представлены во всех странах ЕС, однако их учет весьма затруднителен, потому что в большинстве своем они работают в ТЭ без лицензий. Особенно много их в странах Южной Европы. Такая неучтенная деятельность нередко сочетается с официальной работой по найму.

4. Четвертый участник ТЭ – безработные, которые помимо получения пособий и социальной помощи, подрабатывают в ТЭ. Выборочные обследования свидетельствуют о том, что доля таких лиц в составе безработных колеблется в пределах – 30–50%.

Что касается вовлечения в ТЭ категорий лиц из состава неактивной части населения (пенсионеры, инвалиды, студенты, школьники и особенно домохозяйки), то их численность весьма трудно определить и, как правило, их подработки носят временный, сезонный характер. Их доля в ТЭ колеблется в диапазоне 5–15%.

Наиболее устойчивым и постоянным компонентом ТЭ являются иммигранты, особенно, нелегальные, численность которых в последние десятилетия резко возросла и в перспективе будет расти и дальше в связи с процессом старения населения ЕС и уменьшением его численности.

Заключение

Теневая экономика как важнейший производительный сегмент неформальной экономики имеет исторические корни, уходящие вглубь веков. Она присуща всем странам независимо от типа общественного строя и различается по уровню развития рыночного хозяйства и существующих традиций. Как общеформационная закономерность ТЭ бессрочна и оказывает огромное влияние на социальную и политическую ситуацию каждой страны. Ей свойственна многофункциональность поскольку она таит в себе как положительный, так и негативный потенциал для страны: она может играть дестабилизирующую роль (прежде всего в форме недоплаты налогов и социальных страховок в госбюджет), и в то же время оказывать положительное влияние на ФЭ в качестве локомотива посредством конкурентной борьбы с ней.

Данный сегмент экономики содействует росту госбюджета за счет косвенных налогов населения, покупающих его продукцию. Теневая экономика поглощает безработицу и содействует росту благосостояния населения. И, наконец, ТЭ – многофакторный феномен, который чутко реагирует на конъюнктуру рынка и оперативно впитывает в себя новшества и зарождающиеся тенденции, а потому трудно предсказуем в силу этих же причин и вызывает нескончаемые дискуссии и головную боль у исследователей, государственных деятелей и предпринимателей. Их особо интересует генезис ТЭ и будущее этого феномена.

Исследования зарубежных авторов показали, что ростки объектов ТЭ появились на свет в форме отпочкования части семейной экономики, продукция которой превышала потребности самообеспечения и нуждалась в реализации излишков на стороне. Этот процесс длился столетиями (с XV в.) и существенно интенсифицировался в XVII, в период промышленной революции.

Многовековое функционирование семейного хозяйства явилось хорошим полигоном зарождения и развития предпринимательства и появления на этой основе ростков городских микропредприятий, которые в условиях рыночных отношений, непродуманного усиления государственного регулирования ФЭ и повышения налогового бремени на бизнес привели к массовому распространению ТЭ.

Сегодня, по мнению экономиста Э. Фейга, противодействие теневой экономике должно осуществляться по трем направлениям. Во-первых, по линии дальнейшего совершенствования законодательства, ужесточения и диффе-

ренциации наказания. Во-вторых, путем снижения налоговых ставок и уменьшения государственного вмешательства в экономику. И, в-третьих, посредством использования методов убеждения в целях воспитания налоговой морали. А эти методы только тогда достигнут своей цели, когда потенциальные налогоплательщики будут уверены в разумном использовании государством собранных налогов (13, с. 48).

Литература

1. Дилемма неформального сектора. Доклад ген. дир. МОТ Часть 1 на 78 сес. Межд. конф. труда. – Женева: МОТ, 1991. – III, 58 с.

2. Достойный труд и неформальная экономика. Доклад Ген. дир. МОТ на 90-ой сес. Межд. конф. Труда. – Женева: МОТ, 2002. – 167 с.

3. Европейский союз: Новый этап интеграции. Сб. / РАН ИНИОН. – М. – 1996. – 151 с.

4. Занятость и безработица в Западной Европе: эволюция политики занятости // РАН ИНИОН. – М., 2002. – 200 с. (Актуал. пробл. Европы, № 3).

5. Западная Европа перед вызовом миграции / РАН ИНИОН. – М. – 2005. – 202 с. (Актуал. проблемы Европы, № 1).

6. Кольчугина М. «Новой экономике» – новое образование // Мировая экономика и междун. отношения. – М., 2003. – № 12. – С. 42–53.

7. Кузнецова Т.Е., Хафина С.А. Неформальный сектор экономики: структура, масштабы, противоречивость функций и результатов / РАН Институт экономики, Центр политико-экономических исследований – М. 2000. – 108 с.

8. Кэмпбелл Д. Можно ли сократить информационный разрыв // Междун. обзор труда. – М.: НИИ труда, 2002 (ILR, Том 140. – № 1–2, 2001). – С. 95–120.

9. Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика. Учебное пособие для вузов. Моск. университет МВД России. – М.: Норма, 2006. – 335 с.

10. Макарян А.С. Глобальная экономика и человеческий капитал // Труд за рубежом – М.: НИИ труда, 2003. – № 3. – С. 3–20.

11. Макарян А.С. Социально-экономическое значение деятельности крупнейших транснациональных и национальных корпораций // Ibid. – 2004, № 1. – С. 24–41.

12. Неформальная экономика и гибкий рынок труда: Теория и практика в ФРГ. Науч.-аналит. обзор // АН СССР ИНИОН. – М., 1987. – 68 с.

13. Николаева М.И., Шевяков А.Ю. Теневая экономика: методы анализа и оценки (Обзор работ западных экономистов) АН СССР. Центральный экономико-математический институт – М., 1987. – 57 с.

14. Сото Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. – М., 1995. – С. 61–90.

15. Социальные источники экономического развития // Мировая экономика и междун. отношения. – М. – 2005. – 130 с.

16. Соэтэ Л. ИКТ, знания, труд и занятость: Задачи для Европы // Междунар. обзор труда – М.: НИИ труда, 2002 (ILR, том 140, № 1–2, 2001). – С. 38–61.

17. Степанова М.П. Теневая экономическая деятельность в современном мире // Труд за рубежом – М.: НИИ труда, 2002. – № 2. – С. 36–56.

18. Стокер П. Работа иностранцев: Обзор международной миграции рабочей силы. – М.: Академик, 1996. – XI. – 331 с.

19. Теневая экономика (Бунич П.Ч., Гуров А.И., Корягина Т.И. и др.) – М.: Экономика, 1991. – 159 с.

20. Теневая экономика: экономический и социальный аспекты пробл. Тем. сб. Экономические и социальные проблемы России. – М.: РАН. ИНИОН, 1999. – № 4. – 167 с.

21. Aouma Y., Castells H. An empirical assessment of the informal society: Employment and occupational structures of G-7 countries? 1920–2000 // Intern. labour rev. – Geneva, 2002. – Vol. 141. – № 1–2. – P. 123–160.

22. Communication of the Commission on undeclared work. – Brussels, 1998. – 34 p.

23. Dangler J. Hidden in the home: The role of waged homework in the modern world economy – Albany: State university of New York Press, 1994. – XIII. – 225 p.

24. Feige E.L., Feige E. How big is irregular economy? // Challenge – N.Y., 1979. – Vol. 6. – № 22. – P. 5–13.

25. Ghose A., Majid N., Ernst Ch. The global employment challenge – Geneva: ILO, 2008. – 289 p.

26. Grazia P. Clandestine employment: The situation in the industrialized market economy countries. – Geneva: ILO, 1984. – VII. – 118 p.

27. Gutmann P. The subterranean economy // Financial analysis journal. – N.Y., 1977. – Vol. 33. – № 22. – P. 24–27.

28. Hart K. Informal urban income opportunities and urban employment in Ghana // Journal of modern African studies. – L., 1973. – Vol. 11. – № 1. – P. 61–90.

29. Informal employment and promoting the transition to a salaried economy // OECD employment outlook. – P.: OECD, 2004. – Chapter 5. – P. 225–289.

30. Leonard M. Coping strategies in developed and developing societies: The working of the informal economy // Journal of intern. development – Y. Wiley a Sons. – Ete, 2000. – P. 1069–1085.

31. Schnaider F. Shadow economies and corruption all over the world: What do we really know. – Bonn (Germany): IZA, 2006. – 65 p.

32. Schnaider F., Enste D. Shadow economies around the world: Size, causes and consequenses. – Working paper № 196. – Munich: CES info, 1999. – 71 p.

33. Schnaider F., Klinglmair R. Shadow economies around the world: What do we know? – Bonn (Germany): IZA, 2004. – 57 p.

М.Н. Арбатская

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ДЕВИЗАХ

Арбатская Марина Николаевна – доктор географических наук, профессор Иркутского государственного технического университета (ИрГТУ).

Осознанным источником поведения / возможностей поведения в политике выступает политический интерес, который возникает, осмысливается и осуществляется в целях изменения и преобразования условий удовлетворения политических потребностей и выступает как средство достижения политической цели. Национальная доктрина афористично в девизе выражает наиболее общие представления о национальных целях и интересах государства, которые определяют (задают) «миссию страны» на значительном временном интервале. После развала СССР и, соответственно, краха выражающейся в девизе официальной доктрины «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» современное российское государство (и общество) живет в условиях отсутствия сформулированной национальной доктрины.

В принципе, все же можно констатировать, что российское экспертное сообщество находится на втором этапе движения к российской национальной доктрине – ее осмыслении. Для продвижения по этому пути необходимо:

I. Ознакомиться с формулами выражения в национальных девизах интересов (намерений и мотивов) 175 стран (см. табл. ниже) и разобраться в проблеме, сделать определенные выводы.

II. На основе полученных выводов сформулировать для обсуждения проект национального девиза, который органично встраивается в российский общекультурный контекст и соответствует представлениям и потребностям максимально возможного числа людей во всех слоях общества, поскольку носителем и одновременно объектом национальной доктрины являются народы России с вековым укладом общественной и духовной жизни.

Таблица

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕВИЗЫ – ФОРМУЛЫ ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕЙ

Страна	*Национальный девиз, формула национальной идеи*
Австрия	Австрия погибнет последней. При Габсбургах: Австрии предначертано править миром
Алжир	Революция людей и для людей
Ангилья	Сила духа и выносливость
Ангола	Единство обеспечивает силу
Андорра	Общая сила – сильней. Мужество – единственная удача
Антигуа и Барбуда	Мы достигнем цели, если каждый приложит усилия
Аргентина	В союзе и свободе
Армения	Помним прошлое, сильны в будущем. Страна святых камней. Девиз Союза армян России: Народ армянский! Спасение твое – в твоем единении!
Аруба	Счастливый остров
Багамы	Вперед и выше, идя вместе
Барбадос	Гордость и трудолюбие
Белиз	Процветаю в тени
Беларусь	Жыве Беларусь!
Бельгия	Единство дает силу
Бенин	Братство, Справедливость, Труд
Бермуды	Куда кривая выведет
Болгария	В союзе – сила
Боливия	Сила в единении
Ботствана	Пусть пройдет дождь
Бразилия	Порядок и прогресс
Бруней	Бруней, обитель мира
Буркина-Фасо	Единство, Прогресс, Правосудие
Бурунди	Единство, Работа, Прогресс
Бутан	Одна нация, один народ
Вануату	Позвольте нам твердо верить в Бога
Великобритания	Бог и мое право
Виргинские острова (Брит.)	Будь бдительным
Виргинские острова (США)	Объединенные в гордости и надежде
Восточное Самоа	Самоа, позвольте Богу быть первым
Восточный Тимор	Честь, Родина и Народ
Вьетнам	Независимость, Свобода, Счастье
Габон	Единство, Труд, Правосудие
Гавайи	Жизнь земли бесконечна в своей добродетели
Гаити	В единстве сила
Гайана	Один народ, одна нация, одна судьба
Гамбия	Прогресс, Мир, Процветание
Гана	Свобода и справедливость
Гватемала	Страна Вечной Весны
Гвинея	Работа, Справедливость, Солидарность

Продолжение таблицы

Гвинея-Бисау	Единство, Борьба, Прогресс
Германия	Единство и Право и Свобода. Период фашизма: ***Один народ***. ***Один*** рейх. ***Один фюрер. Deutschland ůber alles и Gott mit uns!***
Гибралтар	Не побежден врагами
Гондурас	Свобода, Независимость и Суверенитет
Гренада	Земля, народ, свет
Греция	Свобода или смерть
Грузия	Сила в единстве. «От Никопсы до Дербента» – времен царицы Тамар
Гуам	Где начинается американский день
Дания	Помощь бога, любовь народа, величие Дании
ДР Конго	Правосудие – Мир – Работа
Доминика	После Бога есть Земля
Доминиканская Республика	Бог, Родина, Свобода
Европейский союз	Единство в многообразии
Замбия	Одна Замбия, один народ
Западная Сахара	Свобода, Демократия, Единство
Зимбабве	Единство, Свобода, Работа
Индия	Только правда восторжествует!
Индонезия	Единство в разнообразии
Израиль	Земля обетованная. Идеология сионизма
Иордания	Бог, Родина, Король
Ирак	Аллах Акбар!
Иран	Независимость, свобода, Исламская республика
Испания	Все дальше. Великая свобода без предела. Они не пройдут (у испанских республиканцев в период Гражданской войны). Девиз франкистской Испании: ***Превыше всего*** – ***Испания***, и ***превыше Испании*** – Бог
Италия	Формула младоитальянцев: Бог и народ – Новая Италия – неофициально. Период фашизма: верить, подчиняться, сражаться
Кабо-Верде	Единство, Работа, Прогресс
Каймановы острова	Он основал это в морях
Камбоджа	Нация, Религия, Король
Камерун	Мир, Работа, Отчизна
Канада	От моря до моря
Кения	Работать вместе
Китай	Социализм с китайской спецификой
Кирибати	Здоровье, мир и процветание
Колумбия	Свобода и порядок
Коморские Острова	Единство, Справедливость, Развитие
Конго	Единство, Работа, Прогресс
КНДР	Процветающая и великая страна. Идеология «чучхе» – опора на собственные силы
Коста-Рика	Чистая жизнь!
Кот-д'Ивуар	Единство, Дисциплина, Пролетариат
Куба	Отечество и Свобода (другая вариация Родина или Смерть)
Кувейт	Для Кувейта
Лаос	Мир, независимость, демократия, единство и процветание

Продолжение таблицы

Латвия	За Отечество и Свободу
Лесото	Мир, Дождь, Процветание
Либерия	Любовь к свободе привела нас сюда
Ливан	Мы все! Для нашей Нации, для нашего Символа и Славы
Ливия	Свобода, социализм, единство
Литва	Цвети единство
Люксембург	Мы хотим оставаться теми, кто мы есть
Маврикий	Звезда и ключ Индийского океана
Мавритания	Честь, Братство, Справедливость
Македония	Свобода или смерть
Мадагаскар	Отечество, Свобода, Прогресс
Малави	Единство и Свобода
Малайзия	Единство – это сила
Мали	Один народ, одна цель, одна вера
Мальта	Доблестью и постоянством
Марокко	Бог, Отечество, Король
Мексика	Эффективное избирательное право, а не переизбрание
Микронезия	Мир, Единство, Свобода
Монако	С Божьей помощью
Монголия	Даяар Монгол
Монтсеррат	Мы достигнем цели, если каждый приложит усилия
Мэн	Куда его ни бросят, устоит
Намибия	Единство, Свобода, Правосудие
Науру	Сначала Промысел Божий
Непал	Родина дороже небесного царства
Нигер	Братство, работа, прогресс
Нигерия	Мир и Единство, Сила и Прогресс
Нидерланды	Борюсь и Выплываю. Я сдерживаю! (боевой клич принца Вильгельма Оранского)
Антильские острова (Нид.)	Объединенные свободой
Никарагуа	Для всеобщей выгоды
Норвегия	Все для Норвегии
Пакистан	Вера, Единство, Дисциплина
Палау	Конец радуги
Панама	Для выгоды мира
Папуа – Новая Гвинея	Единство в Разнообразии
Парагвай	Мир и правосудие
Перу	Устойчивый и счастливый союз
Польша	Бог, Честь, Отчизна. Неофициальный: Еще Польша не погибла. В Речи Посполитой: Если Бог с нами, то кто против нас. В XVIII в.: За Веру, Закон и Короля
Пуэрто-Рико	Иоанн – имя его
Российская империя	Православие. Самодержавие. Народность. С нами Бог. За Веру, Царя и Отечество
Российская Федерация	*«Закон. Справедливость. Процветание. Свободная Россия – надежда мира» – вариант, предлагаемый автором*
Руанда	Свобода, Сотрудничество, Прогресс

Продолжение таблицы

Сальвадор	Бог, Единство, Свобода
Самоа	Самоа основано на Боге
Сан-Марино	Свобода
Саудовская Аравия	Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет – пророк его
Свазиленд	Мы – крепость
Святой Елены остров	Преданность и непоколебимость
Сенегал	Один народ, одна цель, одна вера
Сейшельские Острова	Конец – делу венец
Сент-Винсент и Гренадины	Мир и справедливость
Сен-Киттс и Невис	Страна превыше всего
Сент-Люсия	Отчизна, Народ, Процветание
Сербия	Только единство спасет Сербию
Сингапур	Вперед, Сингапур!
Словакия	Правда победит
США	На Бога уповаем. Новый порядок на века
Соломоновы Острова	Руководить значит Служить
СССР	Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Судан	Победа за нами
Суринам	Справедливость, Мир, Вера
Тайвань	Три народных принципа: национализм, народовластие и народное благосостояние.
Сьерра-Леоне	Единство, Свобода, Справедливость
Танзания	Свобода и единство
Того	Работа, Свобода, Родина
Тонга	Бог и Тонга – мое наследие
Тринидад и Тобаго	Вместе стремимся – вместе добьемся
Тристан-да-Кунья	Наша вера – наша сила
Тувалу	Тувалу для Всемогущего
Тунис	Порядок, Свобода и Правосудие
Теркс и Кайкос	Один народ, одна нация, одна судьба
Турция	Мир дома, миру – мир!
Уганда	За Господа и свою страну
Украина	Свобода, согласие, добро
Узбекистан	Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Уругвай	Свобода или смерть!
Фарерские острова	Вы – моя самая прекрасная земля
Фиджи	Бойся Бога и почитай Королеву
Филиппины	Для Любви к Богу, Людям, Природе и Стране
Фолклендские острова	Желаем права (правды)!
Франция	Свобода, Равенство, Братство
Французская Полинезия	Один раз в жизни Вы можете себе это позволить! (неофициальный)
ЦАР	Единство, Достоинство, Труд
Чад	Единство – работа – прогресс
Чехия	Истина торжествует!
Чили	По праву или силе. Девиз революции: Объединенный народ никогда не будет побежден

Продолжение таблицы

Швейцария	Один за всех – все за одного
Швеция	Для Швеции – в ногу со временем
Эквадор	***Мир и благополучие, слава и триумф.*** Эквадор был, есть и будет страной на Амазонке
Экваториальная Гвинея	Единство, Мир, Правосудие
Эритрея	Никогда не станем на колени
Южная Африка	Разные люди объединяются
Южная Джорджия и Южные Сандвичевы острова	Дайте льву охранять его собственную землю
Южная Корея	Все для блага народа!
Ямайка	Все как один
Япония	Страна восходящего Солнца. Одна нация – одно сердце.

I

Краткие выводы из анализа имеющихся в нашем распоряжении информационных и аналитических материалов можно свести к следующему.

1. Почти все девизы (см. табл.) объединяет позитивная перформативность; форма политического режима в девизах не отражается (матрица современной цивилизации – демократия – упоминается только в девизе Лаоса).

2. Национальные формулы не содержат возвеличивающих коэффициентов в виде прилагательных «великий», «процветающий» и т.п. Исключения для настоящего времени – «великий и процветающий» чучхе, «Германия над всеми» и «Судьба Австрии – править миром» – в прошлом этих стран.

3. Часть формулировок декларативны; они противоречат или не соответствуют долгосрочно существующим в государстве политическим и экономическим условиям (Гватемала и др.).

4. Присутствие идеала в девизе не зависит от его интерпретации и воплощения на практике.

Практически повсеместные трудности на пути обретения государственности нашли отражение в частоте употребления понятия «единство» (единение), которое встречается примерно в 50 девизах, зачастую органично сочетаясь с «силой».

Страны, поставившие на герб слова о единстве, как правило, в недалекой ретроспективе прошли через гражданские войны и другие разрушительные социальные катаклизмы. В основном это развивающиеся страны, несостоявшиеся государства третьего мира, как очень большие федеративные образования (Индонезия, Нигерия), так и крошечные островные государства. Исключение составляют: Германия, Швейцария (с мушкетерским девизом), балансирующая на грани развала Бельгия и надгосударственное образование, созданное развитыми странами – Европейский союз.

На втором месте по количеству употребления стоят формулировки с упоминанием роли Бога (28) или роли вероисповедания (8) в жизни людей. К группе стран с теологическими девизами наряду с некоторыми мусульманскими странами относятся в основном протестантские государства, включая такие столпы демократии, как Великобритания и «нация с душой Церкви» – США.

Первопроходцами создания национальных доктрин современного типа являются США. Поскольку «как рассудок, так и человеческий опыт не позволяют надеяться на то, что нравственность нации может поддерживаться в отсутствие религиозных принципов», национальным сверхдевизом США стало выражение «God, bless America!», которое периодически конкретизируется различными доктринами, фактически являющимися уточнениями кальвинистской доктрины предопределения (manifest destiny).

Национальные доктрины США и их внешнеполитическая часть – доктрина национальной безопасности – это интеллектуальный продукт, совокупность взаимосвязанных идей в области управления реальными и прогнозируемыми тенденциями для защиты постоянных интересов общества. Носители доктрины распределены по всей вертикали, а точнее, пирамиде американской власти: на вершине политическое руководство страны; средний уровень составляют различные общественные организации и частные (неправительственные) фонды, которых в США неисчислимое множество; на нижнем уровне располагается основное количество носителей доктрины – обычные граждане. Множественность носителей (субъектов) дополняется их собственными взглядами на интересы страны. Структура доктринального видения национальных интересов США такова: а) фундаментальные интересы, неизменные на протяжении истории страны; б) собственно доктрина или миссия страны на данном этапе и в понимании конкретного президента (доктрины, как правило, известны по именам президентов); в) конкретные цели, разрабатываемые различными субъектами пирамиды второго уровня.

В качестве примера, ставшего классическим, можно назвать широко известную доктрину Монро «Америка для американцев», которая примерно на два столетия стала внешнеполитической константой[1]. В 60-е годы XX в. ха-

1. История появления доктрины Монро, как ее описывают историки Эрнест Лависс и Альфред Рамбо, такова. Державы Священного союза (Австрия, Пруссия, Франция и Россия) собирались оказать Испании помощь в деле усмирения возмутившихся американских колоний. Президент США Монро в своем годичном послании конгрессу 2 декабря 1823 г. сделал по этому поводу заявления, получившие впоследствии известность под названием доктрины Монро: «Во время переговоров с Россией мое правительство установило принцип, с которым связаны права и интересы Соединенных Штатов: американские континенты ввиду свободного и независимого положения, которого они добились и которое они сохранили, не должны впредь считаться территорией, подлежащей колонизации каких бы то ни было европейских государств. ...Искренние и дружественные отношения, су-

ризматичный Д.Ф. Кеннеди поставил перед страной амбициозную программу «новых рубежей», внешнеполитическая часть которой выразилась в доктрине «гибкого реагирования».

Революционный идеал свободы встречается 30 раз. Из крупных западных стран Франция, в которой существует устойчивое внутреннее согласие о том, что страна является великой мировой державой[2], сохранила девиз своей революции 1789 г. «Свобода. Равенство. Братство».

Отдельные определения островных государств содержат скорее торжественное эмоционально-географическое описание особенностей территории: «конец радуги», «страна восходящего солнца», «где начинается американский день» или – ее геополитического положения: «ключ и звезда Индийского океана»; к этой же группе относится и девиз Канады «от моря до моря». Один из прошлых девизов Эквадора «Эквадор был, есть и будет страной на Амазонке» имеет ярко выраженную подоплеку территориального конфликта с Перу[3].

II

Ценностная доктрина современной России в первую очередь должна быть нацелена на внутреннее потребление и должна нести не только мобилизующий, но и воспитательный потенциал. Но не должно забывать и о «послании» во внешний мир, используя девиз как код нового, более мягкого и привлекательного российского проекта. Учитывая географическое положение и

ществующие между Соединенными Штатами и этими державами (Священного союза), вынуждают нас заявить, что всякую попытку с их стороны, имеющую целью распространить действующую в них политическую систему на какую бы то ни было часть этого полушария, мы будем рассматривать как угрозу для нашего мира и безопасности. Мы до сих пор не вмешивались и не станем вмешиваться в дела нынешних колоний или зависимых владений какой бы то ни было европейской державы. Но что касается тех правительств, которые провозгласили и сохранили свою независимость, то мы не можем иначе рассматривать всякое вмешательство какой-нибудь европейской державы, имеющее целью добиться их подчинения или повлиять на их судьбу, как проявление враждебных намерений по отношению к Соединенным Штатам».

2. Согласно формулировке Ш. де Голля, «Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах». Идея нации была возведена им в категорию абсолютных ценностей.

3. Предметом давнего конфликта между Перу и Эквадором был потенциально богатый нефтью район площадью свыше 200 тыс. км^2, расположенный между реками Путумайо и Амазонка. Конфликт происходил из колониального прошлого, когда земли делились без учета демографических и иных реалий. В результате месячной войны 1941 г. между Перу и Эквадором территория, на которую обе страны претендовали с 20-х годов XIX в., в 1942 г. решением Межамериканского арбитража была объявлена принадлежащей Перу. В октябре 1998 г. Эквадор отказался от территориальных претензий в обмен на свободу судоходства по Амазонке и ее притокам, а Перу безвозмездно передала Эквадору в собственность анклав площадью 1 км^2 на своей территории под названием «Тивинтса» для размещения эквадорского мемориального военного поста, где похоронены 14 эквадорских солдат.

размер территории России, ее исторический путь, интересы государства и общества на современном этапе, не следует использовать в новой российской доктрине предшествующие девизы и географические эпитеты: ценностные приоритеты, как и ранее, – главное требование к девизу.

Нельзя не процитировать блестящие формулировки о содержании национальной идеи патриарха Московского и всея Руси Кирилла, которые прозвучали в беседе, тогда еще митрополита Смоленского и Калининградского, председателя отдела внешних церковных связей Московского патриархата с корреспондентом «Времени новостей» в Калининградской области, состоявшейся в ноябре 2006 г. Излагаем их в виде тезисов, с которыми выражаем безусловное согласие.

1. В основе устроения общественного бытия должны лежать определенные базисные принципы, которые никто не смел бы пытаться демонтировать или расшатывать. Формулирование этих фундаментальных принципов российской жизни должно осуществляться в том числе в условиях широкого общественного диалога и при активном участии церкви.

2. Национальная идея не может ограничиваться формулированием неких пусть даже фундаментальных истин, она должна иметь непосредственный выход в практическую сферу, призвана быть движущей силой при совершении людьми определенных деяний.

3. Идея способна вдохновлять на благое и самоотверженное служение только в том случае, если она отражает коллективный исторический опыт большинства людей и реально способствует улучшению условий их духовной и материальной жизни. Если мы достигнем национального согласия по этому вопросу, то, например, очередные выборы перестанут восприниматься у нас как форс-мажорное обстоятельство сродни стихийному бедствию, как событие эпохального масштаба, от исхода которого зависит самое существование страны и народа. Приход к власти любой политической силы ни в коем случае не должен сопровождаться такими рисками.

Представляется также уместным привести компетентное мнение специалистов отдела политического анализа и национальной безопасности Информационно-аналитического управления Совета Федерации. Анализ, опубликованный в тематическом выпуске вестника СФ № 5(117) за 2000 г. гласит, что со времен Ленина–Сталина и доктрины «экспорта революции» в России отсутствует доктринальное мышление как форма государственного управления и развития. Аналитики Совета Федерации под отсутствием доктринального мышления в первую очередь подразумевали его высший, организующий уровень и сферу национальной безопасности. Однако без преувеличения этот вывод можно распространить на другие области российской общественной жизни (еще и потому, что вопросы национальной безопасности фактически пронизывают все сферы общественных отношений). Кроме того, в сравнении

с США ситуация в нашей стране дополнительно осложняется значительно большей слабостью (количественной и качественной) среднего и нижнего уровней пирамиды субъектов национальной доктрины.

* * *

«Публичная история» предлагаемой нами иерархии ценностных категорий известна, многогранна и выстрадана обществом. Наряду с перечисленными свойствами они имеют для каждого человека глубоко личностный характер. Представляется, что специалисты в соответствующих отраслях знания при необходимости могут изложить философское и историческое обоснование уместности каждой категории.

Девиз как элемент структуры доктрины, из которой видна иерархия национальных ценностей и интересов России должны делать упор на превращение действующей у нас модели социального управления «граждане и общество для государства», характерной для автократических режимов, в модель «государство для граждан и общества», присущую развитым демократическим странам.

Первое. Исторически сложилось, что самый большой дефицит в России – соблюдение законности. Пренебрежение законами в форме взяточничества, административного ресурса, телефонного права охватывает различные сферы жизнедеятельности, но особенно ярко проявляется в той области, которая призвана управлять другими и распространять свое влияние везде и всюду – в политике и управлении государством. Следовательно, в основе намерений и интересов долгосрочного поступательного движения страны должно быть положено искоренение этого исторического дефицита, соблюдение законности во всех сферах, но особенно при осуществлении государственной власти, и ***закон*** как нравственная (философская) категория должен стать платформой такого движения.

Второе. Правовые акты и их соблюдение в массовых практиках должны соотноситься с другой суперважной для русских (российских) людей нравственной категорией – ***справедливостью***, имеющей длительную и драматическую общественно-научную историю.

Третье. Закон («что дышло, куда повернул, туда и вышло») и справедливость («бог не в силе, а в правде») – несамодостаточны. Необычный амбивалентный дуэт (кроме всего прочего – мужского и женского рода) должен стать базой для достижения достойной цели – ***процветания*** страны и всех ее жителей, которое соединяет в себе высокое качество жизни (моральное и материальное), патриотизм, уважение традиций, безопасность (в официально принятой триаде субъектов государство / общество / личность) и т.д.

Четвертое. Ни в коем случае не следует забывать об обретенной ценности – ***свободе***. Свободная, независимая и процветающая страна вполне может

служить зримой ***надеждой*** на изоморфизм территориального развития других стран. *Свободная Россия* – это указание на отправную точку и вектор политического движения. Свободная Россия как *надежда мира* не директивно (что очень важно) указывает мирное направление национальной геополитической динамики, в отличие от «провальных» доктрин экспорта революции (коммунизма) и демократии (цель, которую все народы непременно и желательно быстро должны достигнуть)[4].

Тезис «Россия как *надежда мира»* логично и уместно вписывается в незаурядную роль российского общества и его государства в мировой истории, особенно XX века.

4. Мы ссылаемся на обе внешнеполитические доктрины, хотя к экспорту либерального варианта демократии Россия не имеет отношения, дабы показать кардинальное отличие предлагаемой модели от предыдущих, прямолинейных и жестких вариантов межгосударственных отношений, которые повсеместно и довольно быстро (вторая модель даже быстрее первой) показали свою несостоятельность.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.Г. Кедров

СТАЛИНИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Кедров Николай Геннадиевич – аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН.

Сегодня в историографии советского крестьянства 1930-х годов, несмотря на ряд предпринятых в последние годы попыток коренного изменения историографического поля, доминирующим остается подход направлений на осмысление истории российского села посредством изучения отношений в системе государство – крестьянство. Наибольшие споры в рамках этой проблематики вызывает вопрос о характере, движущих силах и последствиях коллективизации. Дискуссии по этому поводу продолжаются вплоть до сегодняшнего дня. В частности, содержащие противоположные оценки коллективизации доклады известных российских историков аграрников Э.М. Щагина и Н.Л. Рогалиной не так давно были включены в программу XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (19; 24). Эти же вопросы активно обсуждаются на страницах российских научных журналов. Тем не менее, несмотря на продолжение дискуссий, историографическое пространство вопроса о взаимоотношениях советского государства с крестьянством сегодня определяют концепции, более десятилетия назад изложенные в трудах известного российского историка-аграрника В.П. Данилова и американской исследовательницы Ш. Фицпатрик. В.П. Данилов, доказывая «антисоциальность сталинизма», писал о том, что советское крестьянство стало объектом и как следствие жертвой многоаспектного, насильственного по формам своего осуществления государственного вмешательства. Цели последнего лежали вне мира деревни и задавались амбициями И.В. Сталина и условиями внутриполитической борьбы в рядах ВКП (б) (10). Ш. Фицпатрик, напротив, подчеркивала наличие раздиравших деревню социальных, культурных и возрастных противоречий. Трагические страницы жизни российского села 1930-х годов, по ее мнению, были обусловлены скорее этим внут-

ренним конфликтом, в котором государственная власть стремилась принять на себя роль внешнего арбитра (22). Таким образом, к сегодняшнему дню в историографии российского крестьянства 1930-х годов сложились два противоположных подхода, один из которых акцентирует исследовательское внимание на государстве, другой на общественных группах как на факторах развития советской деревни. Эти подходы во многом задают общий круг обсуждаемых историками вопросов.

Вместе с тем в современных дискуссиях о характере взаимоотношений государства и крестьянства в 1930-е годы не всегда учитывается последующее движение историографии. В этом отношении важным для нашей работы представляется отметить две тенденции такого движения. В отечественной историографии в последние годы все чаще поднимается вопрос об эволюции социальной природы жителей российского села в период колхозной деревни. В частности, можно отметить исследования новосибирского историка В.А. Ильиных, в которых было рассмотрено влияние налогово-податного пресса на трансформацию социальных и демографических характеристик различных групп сибирского крестьянства (13; 14). Интересен предпринятый М.Н. Глумной на материалах деревни Европейского Севера России анализ колхозов как специфического социального института. По справедливому мнению иссследовательницы, массовое появление последних на рубеже 1920–1930-х годов в жизни деревни вело к возникновению новых социальных статусов и ролей. Адаптация крестьянства к этой новой социальной реальности вела к изменениям в социальной структуре и критериях внутренней дифференциации сельского социума (6; 8). В работах М.А. Безнина и Т.М. Димони была рассмотрена логика социально-экономических процессов в колхозно-совхозной деревне. Социально-политические факторы развития аграрной подсистемы российского общества в их системе взглядов уходят на второй план. Историки доказывают, что российская деревня в период 1930–1980-х годов стала ареной масштабных процессов капитализации (первоначального накопления, в исходной марксисткой коннотации этого понятия) и раскрестьянивания (3; 4). В целом исследователи отмечают распадение основных норм крестьянской повседневности и институтов общественной организации жителей села в 1930-е годы, изменение типа социальной стратификации, появление внутри сельского социума новых социальных общностей и субобщностей с характерными для них чертами сознания. В обобщающем виде эти сюжеты можно обозначить как тему выхода крестьянина из крестьянского состояния, утраты им прежних сословных по своей природе характеристик.

Другая тенденция присутствовала, главным образом, в зарубежной историографии. В центре внимания зарубежных историков осталась проблематика советского политического режима, отталкивающаяся от ревизионистско–тоталитаристских дискуссий второй половины 1980-х годов. Однако вслед за

работами С. Коткина, которому удалось на уровне глубочайшего синтеза, применить достижения и того и другого направлений, она приобрела иное звучание (26; 15). Центральным местом в исследованиях многих зарубежных историков стала тема взаимодействия человека и режима в Советском Союзе посредством языка и других коммуникативных практик. Возможно, это покажется парадоксальным, но современные зарубежные исследователи, не без оснований доказывают, что «маленький человек» сотрудничал с властью, даже находясь на скамье подсудимых. В целом во главу угла такого рода исследований было поставлено явление, которое российский историк С.В. Яров очень точно определил как конформизм (25). При всех очевидных отличиях в аналитическом инструментарии, спектре тематики конкретных сюжетов, терминологической системе этих различных историографических тенденций у них есть точки соприкосновения. Так, исследователи социальной стратификации, исследуя изменение социальных статусов и ролей в колхозной деревне, так или иначе были вынуждены обратиться к анализу представлений самих сельских жителей о своем месте в структуре сельского социума и общественной жизни деревни. С другой стороны, в работах историков школы «советской субъективности» идентификация индивида с советским политическим режимом и его отдельными проявлениями, выступает чуть ли не одним из основных факторов, обусловивших устойчивость сталинского политического строя. В конечном итоге оба подхода позволяют увидеть новые социокультурные грани взаимоотношений советского политического режима с крестьянством (основной категорией населения в Советском Союзе 1930-х годов). И это дает надежду на обновление отмеченной выше традиционной парадигмы дискуссий в российском крестьяноведении. В контекст этих научных проблем очень логично укладывается осуществленный нами на материалах деревни Русского Севера анализ политического сознания российского крестьянства.

Хорошо известно то колоссальное значение, которое американский историк М. Левин придавал крестьянской культуре в эволюции российского общества. Огромные массы крестьян, покинувшие деревню в ходе коллективизации и после ее завершения, наводнили советские города. Они принесли с собой упрощенное понимание общественной жизни, что способствовало стиранию моральных норм и этических границ в повседневном поведении людей, росту насилия и преступности. В этих условиях формирование сильной центральной власти было естественным поскольку, с одной стороны, оно, дисциплинируя общественную жизнь, отвечало внутренним потребностям развития общества, с другой – жестко складывающаяся политическая и социальная иерархия в целом соответствовала примитивным представлениям крестьянской массы об организации власти. Рурализация общественной жизни – как назвал это явление М. Левин – в итоге, по

мнению исследователя, стала одной из причин, предопределивших формирование сталинского политического режима в России (27).

Рассматривая советский общественно-политический строй, правда, стоит учитывать обратную сторону этого процесса – советская власть также влияла на эволюцию социокультурного облика крестьянства. В частности, немецкий исследователь Й. Баберовски в стремлении политической элиты СССР к культурной гегемонии в стране видел одну из основных предпосылок коллективизации (1, с. 57–64)[1]. Само крестьянство по своей природе было последним, выжившим в огне революции и Гражданской войны сословием Российской империи. Его интеграция в социокультурное пространство власти и социальную модель советского общества объективно были не менее сложными задачами, чем использование ресурсов деревни для форсированной индустриализации страны. Этим целям во многом служили усилия советской политической пропаганды, которая в 1930-е годы играла важнейшую роль в политической коммуникации власти и крестьянства. Значение пропаганды в замкнутом медийном пространстве деревни сложно переоценить. Прежде всего, она сообщала крестьянину доступную для его понимания информацию о событиях, происходящих в стране и мире. В этом отношении роль пропаганды на протяжении 1930-х годов возрастала, поскольку под воздействием репрессивной политики сокращалось число носителей альтернативных версий, рассматриваемых в агитматериалах событий. К концу десятилетия исключение в этом отношении составлял, пожалуй, лишь загнанный в подполье околоцерковный микромир, где порой проскальзывали религиозно-эсхатологические образы политической и социальной действительности. Пропаганда также предоставляла жителю села возможные стратегии поведения в незнакомой, непривычной для него ситуации. Этот аспект особенно важен, если учесть масштабность и необратимость перемен, происходящих в жизни села в 1930-е годы. Чувство неуверенности в завтрашнем дне и неустойчивости жизненных планов на рубеже 1920–1930-х годов было весьма распространено среди жителей северной деревни[2]. Пропаганда же подсказывала человеку

1. В частности, немецкий ученый писал: «Нигде бессилие коммунистической власти не проявлялось так ярко как в деревне». Это обстоятельство в конечном итоге «побудило большевиков прибегнуть к языку террора(1, с. 57–64).

2. Это чувство неуверенности отразилось в крестьянских письмах и дневниках. В частности, материалы перлюстрации в 1930 г. зафиксировали следующие характерные для крестьян Севера суждения: «У нас жизнь идет неспокойная, у зажиточных все отбирают, народ весь ревет, жизнь невеселая»; «В настоящий момент все не в спокое, ничто не интересует, только и жди, что вы кулаки»; «жизнь такая неопределенная, кругом нас везде стали коллективы. У нас в деревне стали щупать кулаков, а нас потащать в колхоз» (Государственный архив Архангельской области (ГААО). Отдел документов социально-политической истории (Отдел ДСПИ). Ф. 290. Оп. 1. Д. 378. Л. 58-62 (Сводка ОГПУ по выпискам из документов 1930 г.)). Такую же мысль можно обнаружить в дневнике пижемского

возможный путь бегства от неизвестности. Еще одно важное значение пропаганды заключалось в том, что, формируя яркие образы тех или иных социальных общностей, будь то «кулаки» или «сталинские ударники», в сознании людей, пропаганда тем самым конструировала социальную реальность села, становилась фактором общественной эволюции. Наконец, политическая пропаганда давала «в руки» крестьянину грозное оружие для решения своих повседневных проблем, сведения «личных счетов» и борьбы за свое существование в непростой перенасыщенной злобой и конфликтами жизни деревни 1930-х годов (22, с. 61–292). В конечном итоге пропаганда предоставляла индивиду определенный «символ веры», оставляя человеку возможность в определенных границах формировать отношение к последнему.

Тем самым власть ставила крестьянина в ситуацию сложного жизненного выбора. Этот выбор не был одномоментным, крестьянину приходилось осуществлять его практически ежедневно. Сталинское государство, в свою очередь, словно подталкивая индивида по ступенькам этой невидимой, состоящей из череды повседневных решений лестницы, способствовало тому, чтобы крестьянин дал приемлемый для власти ответ. Представляется возможным отметить несколько граней такового индивидуального выбора. Во-первых, крестьянин был волен принимать или отвергать информацию, предлагаемую пропагандой. Однако последнее служило индикатором явной нелояльности советской общественно-политической системе. В таком случае человек рисковал стать жертвой карательной политики государства, быть насильственно удаленным из мира деревни, поставить под угрозу свою жизнь и благополучие своих близких. Другая грань выбора заключалась в том, что выбирать из идей, звучавших в агитационных материалах. В этом отношении крестьянство Русского Севера продемонстрировало изрядную избирательность. Так, на рубеже 1920–1930-х годов из двух составляющих пропагандистского концепта коллективизации: хозяйственной (разъяснение коллективизации как качественного скачка в развитии хозяйства) и классовой (репрезентация коллективизации, как непримиримой классовой битвы с кулачеством), большей поддержкой пользовалась «классовая» составляющая, поскольку она позволяла крестьянам бороться за свою жизнь и благосостояние среди хаоса будней «великого перелома». Порою единственным средством избежать раскулачивания было обвинение своих оппонентов в деревне в «связи с кулачеством» или искривлении политики партии («уклоны», «загибы», «перегибы» в терминологии того времени). И крестьяне активно пользовались этой возможностью. В середине 1930-х годов востребованы оказались идеи

крестьянина Ивана Глотова. Запись в нем от 20 (7) июня 1930 года гласит: «К вечеру положение жизни обострилось: пришла весть, что опять вводят в кулаки, выселение неизбежно. Вся энергия к работе пропала, и жизнь уже стала не радостной» (1, с. 223–224).

ударничества, в силу того, что они служили средством социальной мобильности крестьянства. Репрессивная пропаганда также находила свою аудиторию среди жителей села, поскольку могла выступать в качестве инструмента регулирования внутренних конфликтов в деревне. Разумеется, крестьянин прежде всего поддерживал те пропагандистские концепты, которые в той или иной степени соответствовали его потребностям. Все дело в том, что власть создавала условия, подкреплявшие пропагандистские лозунги и соответствующие этим потребностям индивида, тем самым мотивируя выбор крестьянина. Тому нужно было лишь принять ожидаемое решение. Наконец, еще одна грань выбора заключалась в том, как использовать полученную информацию. Крестьянин мог инвертировать ее, пересказав как похабный анекдот своему собрату по деревне, тем самым подвергаясь риску отмеченному выше. Мог пассивно поднимать руку на каком-нибудь деревенском собрании, тем самым демонстрируя свою формальную лояльность власти. Мог он и проявить активность, например, приняв обязательства в соцсоревновании или написав «письмо во власть» о «вредительстве» в своем колхозе. Выбор как поступать оставался за индивидом, но вообще-то власть поощряла активность индивида, направленную на соучастие в инспирированных самой же акциях. Таким образом, шаг за шагом создавались условия для участия крестьянина в деятельности власти. Характер политической коммуникации в 1930-е годы в целом служил подобного рода интеграции индивида и власти.

Здесь уместно задуматься над вопросом о том, как подобная коммуникация меняла личность самого крестьянина? Соучастие в деятельности государства не происходило для индивида бесследно. Становясь частью сообщества колхозников, трудясь в сфере общественного производства, принимая участие в стахановском движении, поддерживая различные акции государства (выборы в советы, соцсоревнование, репрессии), крестьянин начинал по-иному осознавать свое место в обществе. В силу этого постепенно распадались нормы крестьянской идентичности. К началу 1930-х годов жители села в понятие крестьянство вкладывали широкий набор признаков, важнейшими среди которых были: проживание в сельской местности (крестьяне противопоставляли себя горожанам), труд на земле (иногда само слово «крестьянство» означало для жителей села не социальный слой, а род занятий), претензия на хозяйственную самостоятельность (крестьянский двор считался основой благополучия семьи). Эти признаки составляли норму крестьянской идентичности. В 1930-е годы в силу объективных причин переставал быть ценностью сам по себе сельский образ жизни. Обесценивалось значение труда в сельскохозяйственном производстве. В литературе отмечалась распространенность еще в 1920-е годы среди крестьянской молодежи мнения о бесперспективности жизни в деревне (2, с. 163–166). Коллективизация значительно усилила эти настроения и в 1930-е годы в северной деревне они распространились практически повсеместно (12, с. 106–108). Лучшим доказательством

этого может служить массовое бегство крестьян в города, резко возросшие в 1930-е годы темпы урбанизации. Подлинной обузой для крестьянина становилось его стремление к свободе хозяйствования. Единоличники порою, чуть ли не до последней возможности цеплявшиеся за эту установку крестьянской идентичности, становились объектами жесткого налогового и полурепрессивного давления со стороны государства. В.А. Ильиных в одной из своих недавних публикаций убедительно показал, что такое стремление крестьян-единоличников к сохранению их прежнего статуса независимых хозяев вело к утрате ими других экономических и демографических характеристик крестьянского состояния (13). После коллективизации, в материальном отношении значительно нивелировавшей достаток крестьянских хозяйств, теряла значение в сознании селян и прежняя модель внутренней дифференциации жителей деревни, в своей основе исходящая из крестьянских представлений о бедности и богатстве. Дефиниции «бедняк» или «кулак» становились политическими ярлыками, не имеющими в представлениях сельских жителей реального соотношения с какими-либо социальными общностями[3].

Взамен уходящим в прошлое социальным группам приходили новые (сталинские ударники, администрация колхозов), с характерными для них признаками профессиональной идентичности. Многочисленные письма сталинских ударников в органы власти позволяют увидеть ряд таких характеристик, соответствовавших, по их собственному мнению, званию «сталинского ударника» (передовика производства): высокая интенсивность трудовых усилий в общественном производстве, политическая активность, стремление к участию в управлении колхозом, стремление к повышению своего уровня профессиональных знаний, критичность в отношении колхозной администрации, забота об общественной собственности колхоза[4]. В среде представите-

3. В частности, термин «кулак» в 1930-е годы одинаково успешно применялся жителями северной деревни, как в отношении сельских маргиналов. (См., например: ГААО. Отдел ДСПИ. Оп. 2. Д. 289а. Л. 82–83 об. (Письмо членов Двиницкой парторганизации в Севкрайком ВКП(б). 14 июня 1935 г.), так и в отношении представителей колхозной верхушки (там же. Д. 1171. Л. 2–3 (Письмо В.П. Шабакова И.В. Сталину. 12 декабря 1935 г.)).

4. См. следующие документы: ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1534. Л. 27–27 об. (Письмо Г.Д. Волова в Северный краевой комитет ВКП((б). 25 мая 1933 г.); Л. 222–222 об. (Письмо А.В. Мокшева в Северный краевой комитет ВКП((б). Б/д); Оп. 2. Д. 221. Л. 43–45 об. (Письмо К. Шевдиной в Северный краевой комитет ВКП((б). 24 ноября 1934 г.); Д. 729. Л. 28–30 (Письмо М.Т. Разгуловой В.И. Иванову. 6 февраля 1935 г.); Д. 731. Л. 141–142 (Письмо К.П. Шевдиной в редакцию газеты «Правда Севера». 10 июня 1935 г.); Д. 732. Л. 198–199 (Письмо А.И. Задориной Д.А. Конторину. 2 ноября 1935 г.); Д. 1179. Л. 6 (Письмо А.И. Резухиной В.И. Иванову. 16 августа 1936 г.); ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 417. Л. 5 об – 6 (Письмо У.К. Шумковой в Северный краевой исполнительный комитет. 24 декабря 1936 г.). Обширный комплекс писем сталинских ударников в краевой комитет ВКП((б) за 1934–1935 гг. сохранился в отделе документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (ГААО Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 2. Д. 219–221, 729–732).

лей «колхозной верхушки» исследователи также обнаруживают новые черты сознания: чувство связи с подведомственным им хозяйством, претензия на особый статус, связанный с отрывом от постоянного физического труда, деловые навыки (5, с. 48–52; 7, с. 133–147). Постепенно все более значимым для носителей этих идентичностей становились связь с определенным местом в общественном производстве коллективных хозяйств, профессиональные знания (владение техникой, знание агрикультуры, управленческой стратегии), рабочие отношения внутри трудового коллектива. Разумеется, эти процессы в 1930-е годы были далеки от своего завершения, тем не менее взаимодействие с властью в корне изменяло социальную природу сельского жителя.

Вместе с тем мы не можем обнаружить столь динамичных изменений в сфере политических ценностей крестьянства. В большинстве своем жители деревень Русского Севера продолжали оценивать власть исходя из категорий справедливости, законности, порядка в своей основе имеющие нормы крестьянской идентичности. Это дает повод усомниться в одном из выводов В.П. Данилова, полагавшего, что политическая сфера крестьянского сознания наиболее подвержена изменениям (11, с. 37). Этой мысли, как нам представляется, противоречит сам уклад крестьянской жизни. Удаленность от центров политической борьбы, низкий уровень образования, патриархальность общественно-политической жизни в деревне (так, еще в 1920-е годы крестьянская поземельная община продолжала сохранять роль системообразующего института в жизни села) делали крестьянина субъектом, слабо заинтересованным в своем участии в политической жизни страны. В 1930-е годы этот индифферентизм крестьянской массы только углубился. Исключением из этого правила были не столь многочисленные сельские активисты и представители отмеченных выше новых общностей в среде крестьянства. В период коллективизации крестьянин в значительно большей степени был заинтересован в том, чтобы не попасть в число «кулаков», чем разбираться в том, прав ли И. В. Сталин или его оппоненты в споре о путях развития сельского хозяйства. Впоследствии, став колхозником, он стремился сохранить этот статус, нежели пытаться выявить достоверную информацию об эволюции советской политической системы. Крестьянину по большому счету была безразлична судьба бывших «вождей», оказавшихся в конце 1930-х годов на скамье подсудимых (даже если нотки жалости по отношению к ним порою и проскакивали в политическом дискурсе северного крестьянства), гораздо важнее для него было самому неожиданным для себя образом не стать «кулаком», «вредителем» или «врагом народа». Крестьянин действовал исходя из своих конкретных интересов, которые на тот момент были связаны со сферой социальных представлений в гораздо большей степени, чем с политикой. Собственно говоря, такого результата посредством различного рода коммуникативных механизмов от крестьянина добивалось и сталинское государство. Этим оно

решало одновременно две задачи: во-первых, катализируя процессы социальной эволюции крестьянства, оно подчеркивало прогрессивность и социальную ориентированность советского общественно-политического строя; во-вторых, камуфлировало отсутствие политических свобод и реальное бесправие крестьянства, ставшего в 1930-е годы жертвой ускоренной индустриализации и милитаризации государства. Разумеется, все социальные дефиниции в Советском Союзе 1930-х годов имели свой политический подтекст, но само по себе это обстоятельство не девальвирует незначительность эволюции крестьянина как политика. Процессы трансформации социальной части спектра основ крестьянского сознания развивались значительно динамичнее.

Подтверждает это и рудиментарность политических представлений крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. В свое время один из участников дискуссии по книгам Т. Шанина «Революция как момент истины» и Д. Филда «Повстанцы во имя царя» на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» высказал мысль о том, что для русского крестьянства были характерны две модели отношений с властью. В том случае если власть оценивалась крестьянами как слабая – крестьяне бунтовали, если же жители села считали власть сильной – то предпочитали повиноваться (21). Крестьяне в большинстве своем не предполагали другой модели участия в функционировании власти. Рассмотренные нами материалы 1930-х годов подтверждают жизненность этой парадигмы крестьянского мышления. Соотношение двух моделей репрезентации власти: критической и конформистской, показывают явное преобладание в 1930-е годы, второй стратегии. Вспышка социального протеста, всколыхнувшая крестьянство на рубеже 1920–1930-х годов, обусловленная грандиозным по своим масштабам и насильственным по формам осуществления государственным вмешательством в жизнь деревни в период сплошной коллективизации, сменилась стагнацией активных форм протеста, апатией крестьянства в отношении политической жизни страны. При помощи различных форм коммуникации власти удалось направить общественную жизнь села в нужное русло. Этому служили, многочисленные кампании, требовавшие от крестьян формального участия, ритуализированные советские праздники, «письма во власть». Последние в историографии, как правило, считались формой социального протеста крестьянства. Однако проведенный анализ содержащихся в них формул обращения, описания институтов власти, механизма критики присущего «письмам во власть» свидетельствует скорее об обратном. Элементы протеста в таких письмах растворялись в стратегии более масштабного конформистского акта, принимали по отношению к нему строго соподчиненные цели. Этому крестьян учила и многовековая практика петиционного движения, столь же древняя, как и само российское крестьянство. Собственно социальный протест в 1930-е годы был вытеснен из сферы общественной в сферу частной жизни

крестьянства. Преимущественно в узком кругу своих близких крестьяне ругали власть, рассказывали о вождях политические анекдоты, пели матерные частушки, публично предпочитая славословить партию и правительство. Этому их учили как сама жизнь, так и исторический опыт взаимодействия с государством. Победа советской политической элиты в деревне заключалась не только в умном использовании технологий социальной интеграции, но и в исторически заложенной готовности самого крестьянства принять эту власть.

Этому способствовали крестьянские представления, конституирующие в образе центральной власти всесильность и функциональную нерасчлененность, персонифицированный характер и надсословность. Идей «наивного монархизма» здесь нет. Крестьяне вполне осознавали, что государственная политика осуществляется «сверху», а политические лидеры несут ответственность за все ее возможные зигзаги. Характерными были следующие суждения крестьян: «у власти сидят одни головотяпы, отчего нет продовольствия», «с таким руководством как у нас не стало ничего и чем дальше, тем больше идем к разрухе», «Сталин в вопросах сельского хозяйства ведет неправильную политику, организовал колхозы. Если бы их не было, крестьяне жили бы намного лучше»[5]. Крестьяне одного из районов Северного края и вовсе придумали образную метафору, весьма точно передававшую их отношение к существующей власти: «Советская власть помойная яма, никак не нагрузишь, только дай да подай, а от них не фигу не получишь»[6]. Тем не менее если государственная власть соответствовала каноническому образу крестьянских представлений и была способна с помощью манипулятивных и репрессивных мер поддерживать этот образ, т.е. по своей сути демонстрировала «маленькому человеку» свою силу, то, с их точки зрения, такой власти следовало повиноваться. Отчасти поэтому социальный протест крестьянства в 1930-е годы в большинстве своем носил формы, дозволенные самой властью. В умах сталинских крестьян продолжал существовать унаследованный из имперской эпохи стереотип подданного. Собственно ничего иного и не следовало ожидать, поскольку, как показывают наши материалы, процесс социальной трансформации крестьянства, несмотря на все очевидные сдвиги в 1930-е годы еще был далек от своего завершения. В силу этих особенностей своего восприятия власти крестьяне почти не представляли своих возможностей участия в деятельности власти. Слабая заинтересованность в политиче-

5. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1195 Л. 104. (Внеочередное донесение ОГПУ. 8 июня 1932 г.); ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 16. Л. 38–61. (Оперативно-информационная сводка о более выдающихся преступлениях, зарегистрированных по Северному краю за декабрь 1929 г. 4 февраля 1930 г.).

6. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 158. Л. 33 (Дополнение к сводке о хлебозаготовках на период с 15 ноября 1929 г.)

ской жизни вела к незнанию ими структурной организации и реального механизма системы власти в СССР. Видимо в силу этой причины для описания институтов центральной власти в Советском Союзе крестьяне Русского Севера иногда использовали перенос представлений о низших звеньях в цепочке государственного управления на более высшие.

Наибольшему динамизму в северной деревне 1930-х годов были подвержены представления о низовом соваппарате и деревенских коммунистах, поскольку они были непосредственно связаны с изменениями в структуре сельского социума. В частности, крестьяне постоянно жаловались на грубость, самоуправство, административные методы работы представителей сельского звена аппарата власти. Отсылки к мнению деревенского сообщества, нередко звучавшие в таких жалобах, дают возможность увидеть нарушение status quo, существовавшего в годы нэпа, когда деятельность сельсоветов во многих вопросах зависела от воли крестьянской общины (9, с. 128–129; 16, с. 115–118; 20, с. 110–117). Интересно, что те же качества руководства со стороны более высоких, заезжих чиновников в 1930-е годы крестьянами зачастую воспринимались как данность[7]. Все это может служить дополнительным аргументом подтверждающим неравномерность эволюции основ крестьянского общественного сознания, где социальные представления в своем развитии явно опережали политические.

Абстрагируясь от логики субъективных переживаний индивида, которому волею судеб довелось жить в эпоху 1930-х годов, можно сказать, что взаимодействие государства и сельского населения в определенной степени было выгодно обеим сторонам. Сталинское государство, волей или неволей интегрируя крестьянина в свой социальный проект, способствовало обновлению социальной структуры села, вытеснению из крестьянской повседневности и сознания элементов архаики, становилось «лифтом» социальной мобильности крестьян. Крестьянство с его простыми во многом рудиментарными политическими представлениями посредством различного рода коммуникативных практик включалось в деятельность государства, служило своего рода рабочим материалом для социальной инженерии режима, тем самым становясь многочисленной и не особенно притязательной в политическом отношении социальной опорой сталинизма. Последнее особенно важно,

7. В одной из докладных записок описан забавный случай деятельности деревенского «ревизора», когда в деревню прибыл никому не известный человек, от имени власти он проводил собрания, создавал колхозы, применял к крестьянам административные меры воздействия, не назвав при этом даже своей фамилии. На просьбу местных жителей представиться новоявленный Хлестаков, грозно отвечал: «Суши сухари». И надо сказать, крестьяне его слушались. (ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 389. Л. 27–27 об. (Краткие сведения о работе в районе комплектования 8-й батареи 10 артполка. 9 февраля 1930 г.)).

если учесть массовый приток в 1930-е годы крестьян в города и общее окрестьянивание советского общества.

Сказанное позволяет сделать несколько общих выводов. Известно, что политический режим есть сочетание трех необходимых элементов: государства, общества и индивида. Их соотношением в политической жизни страны определяется характер режима. Сталинизм в этом отношении являл собой связь государства и общества. Связующим звеном в этой системе отношений являлся индивид. И государство, и общество с его помощью осуществляли собственные объективные задачи. Сталинское государство посредством интеграции индивида в структуру своей деятельности добивалось общественной поддержки своих целей. Общество при помощи изменений в идентичности субъекта под воздействием государственной политики и пропаганды обновляло свою социальную структуру. Закономерен вопрос: насколько этот механизм взаимодействия соответствовал потребностям самого индивида? Нет сомнения в том, что посредством политической коммуникации «маленький человек» решал свои сиюминутные насущные задачи. Однако насколько сталинский режим способствовал развитию личности? Существует мнение, что сталинский режим благодаря практикам индивидуализации сыграл исключительную роль в формировании таковой (23, с. 287–290). Эта мысль нам представляется весьма спорной. Конформистский акт, который лежал в основе механизма политической коммуникации в эпоху Сталина, предполагал скорее не индивидуализацию а соотнесение себя с какой-либо общностью, обращение к общим местам политического дискурса, участие в постепенно ритуализирующихся практиках, т.е. по своей сути в каждом конкретном случае предполагал отказ от своей индивидуальности, растворение в коллективе. Испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет две возможные модели внутреннего отношения человека к обществу назвал самоуглублением и самоотчуждением. Он писал: «Позволяя окружающему повелевать мной, я перестаю быть самим собой и предаюсь самоотчуждению. Человек самоотчужденный существует вне себя, лишается своей подлинности, живет мнимой жизнью» (18, с. 299). Сталинский режим ставил индивида в ситуацию сурового жизненного выбора. Тем самым он лишал человека свободы. Ибо выбор в онтологическом смысле этого понятия – это отсутствие свободы.

В конечном итоге возникшая в 1930-е годы система отношений сталинского государства с основной массой населения страны придавала известную стабильность советскому политическому режиму. Испытание войной подтвердило это хрупкое единство государства и общества. Однако это своеобразное равновесие не могло продолжаться сколько-нибудь долго. Оно уже изначально таило в себе изрядную долю будущих противоречий. Активное воздействие сталинского государства на крестьянство вело к необратимым последствиям: массовому оттоку сельских жителей в города и изменению

социальной природы жителей села. Вслед за социальным перерождением должны были измениться и политические представления сельского жителя, исчезнуть те унаследованные из имперской эпохи и сословные по своей природе формы сознания крестьянина, которые предоставляли сталинскому государству известную «свободу действий» в стране. Другими словами, используя технологии социальной инженерии, сталинский режим сам же планомерно аннигилировал свою собственную социальную опору. Возникающие на селе, на месте «сталинских крестьян» новые социальные общности, организованные по социальному признаку несли в своем корпоративном сознании уже иные чаяния и интересы, чем так верно и безотказно послужившее сталинизму крестьянство.

Литература

1. Баберовски Й. Красный террор. История сталинизма. – М., 2007. – 278 с.

2. Балашов Е. М. Школа в российском обществе. 1917–1927 гг. Становление «нового человека». – СПб., 2003. – 236 с.

3. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. – Вологда, 2003. – 36 с.

4. Безнин М. А., Димони Т. М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. – Вологда, 2005. – 130 с.

5. Безнин М.А., Димони Т.М. Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). – Вологда, 2008. – 56 с.

6. Глумная М. Н. К вопросу об институциональном подходе при изучении колхозов // Актуальные проблемы Аграрной истории Восточной Европы: Историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2008. – С. 127–129.

7. Глумная М.Н. К вопросу об организационной культуре колхозов Европейского Севера России в 1930-е годы // Стратегия и механизм управления: опыт и перспективы. Материалы научно-практической конференции. – Вологда, 2008. – С. 133–147.

8. Глумная М.Н. К характеристике колхозного социума 1930-х годов (на материалах Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». – Токио, 2005. – С. 265–285.

9. Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. – Вологда, 1976. – С. 118–130.

10. Данилов В. П. Сталинизм и крестьянство // Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков. – Смоленск, 1999. – С. 153–168.

11. Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) Материалы международ. конференции. – М., 1996. – С. 22–39.

12. Изюмова Л. В. Колхозный социум 1930–1960-х гг.: социальная трансформация, идентификация, престиж // Известия Уральского гос. университета. – 2008. – № 59. – С. 103–118.

13. Ильиных В. А. Единоличники Западной Сибири: социальные изменения, стратификация // Отечественная история. – 2006. – № 6. – С. 95–105.

14. Ильиных В. А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. – Новосибирск, 2004. – 165 с.

15. Коткин С. Государство – это мы? Мемуары, архивы и кремленологи // Смена парадигм: современная русистика. (Нестор 2007. №11). – СПб., 2007. – С. 97–116.

16. Кудюкина М.М. Органы управления в деревне: сельсовет и сход. 1926-1929 гг. // Историческое значение НЭПа. – М., 1990. – С. 109–128.

17. На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова. 1915–1931 годы. – М., 1997.

18. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М., 2000. – С. 233–403.

19. Рогалина Н. Л. Коллективизация сельского хозяйства: итоги и перспективы изучения // Актуальные проблемы Аграрной истории Восточной Европы: Историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2008. – С. 126–127.

20. Саблин В.А. Земельное общество и сельский совет на Европейском Севере России: характер взаимоотношений // Крестьянство и власть на Европейском Севере России. Материалы научной конференции. – Вологда, 2003. – С. 110–117.

21. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. – 1996. – № 4. – С. 129–153.

22. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е годы: деревня. – М., 2001. – 421 с.

23. Хархордин О.В. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. – СПб., М., 2002. – 511 с.

24. Щагин Э. М. Проблема альтернатив деревенской «революции сверху» в постсоветской историографии // Актуальные проблемы Аграрной истории Восточной Европы: Историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2008. – С. 106 -108.

25. Яров С. В. Конформизм в Советской России. Петроград 1917–1920-х годов. – СПб, 2006. – 570 с.

26. Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. – Berkley, 1995. – 639 p.

27. Lewin M. The social Background of Stalinism // Lewin M. The making of the Soviet system. Essays in the social history of interwar Russia. – Methuem, 1985. – P. 258–285.

Е.Ю. Зубкова

НА «ЗАДВОРКАХ» СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ. ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СОЦИАЛЬНЫМ АНОМАЛИЯМ И ДЕВИАНТНЫМ ГРУППАМ НАСЕЛЕНИЯ. 1945 – СЕРЕДИНА 1960-х годов

Зубкова Елена Юрьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Социальные маргиналы – нищие, бездомные, бродяги, безнадзорные подростки – «головная боль» для любого общества. Знакома с этой проблемой и современная Россия, в которой обитатели социального «дна» стали почти привычной чертой городского пейзажа. Сегодняшняя ситуация неизбежно вызывает в памяти исторические аналогии, актуализирует интерес к прошлому опыту решения этой проблемы, в том числе и к опыту советскому.

Состав представителей социальной периферии в Советском Союзе был довольно пестрым и подвижным. Однако среди советских маргиналов можно выделить традиционных обитателей социального «дна» («классических» маргиналов), которые присутствуют в любом обществе, независимо от характера политического режима. Представители этих групп находились на «окраине» советского общества, образуя так называемое социальное «дно»: нищие, проститутки, наркоманы, бездомные, преступники и освобожденные уголовники.

В официальных советских документах обозначение этих групп часто скрывалось за обобщенными определениями, например: «лица, ведущие антиобщественный, паразитический образ жизни», «лица без определенных занятий», «лица, уклоняющиеся от общественно полезного труда» (позднее – «тунеядцы»). Граждане, отнесенные к категории «антиобщественных» элементов или «паразитов», становились объектом особой государственной политики, которая нашла свое отражение в целом ряде законодательных актов и управленческих решений.

Рецепты лечения социальных «болезней» столь же стары и хорошо известны, как и они сами. Политика по отношению к социальным аномалиям и

их носителям обычно строится на основе использования двух стратегий: первая предполагает изоляцию девиантов, исключение их из социума, вторая разрабатывает меры по социальной адаптации людей с отклоняющимся поведением. В странах, где социальный порядок рассматривается как сфера государственной и гражданской ответственности, приоритет отдается мерам профилактики социальных девиаций. На этом принципе строится социальная политика. В Советском Союзе развитию социальной профилактики общественных аномалий мешали идеологические конструкции, которые отрицали возможность существования при советском строе причин для социальных девиаций. Поэтому борьба с ними носила по преимуществу личностно-ориентированный характер, т.е. боролись не с причинами отклоняющегося поведения, а с людьми. Этот общий порядок закреплялся в юридической норме и социальной практике.

Государственную политику по отношению к социальным маргиналам в послевоенный период – с 1945 и до конца 1960-х годов – можно условно разделить на два периода: 1) 1945 – начало 1953 г. и 2) 1953–1960-е годы.

Особенности *первого периода* (1945 – начало 1953 г.) связаны с влиянием войны на советское общество. Вторая мировая война – величайшая социальная катастрофа – привела к усилению процессов маргинализации в советском социуме. Бездомность миллионов людей, массовое сиротство, рост криминальной активности – все эти явления были непосредственным следствием войны. Социальная ситуация осложнялась развитием интенсивных миграционных потоков – с запада на восток и с востока на запад. Опыт и практики войны, исчерпавшие физический и духовный ресурс людей, 27 млн погибших, террор 1930-х годов и прочие потрясения – голод, репрессии и чистки, которые продолжались и после войны – все эти явления создавали такую социальную ситуацию, которая продуцировала маргинальность и маргиналов. Ухудшение криминогенной ситуации, рост преступности в стране тоже имеют «военный след». Известно, что маргиналы – горючий материал для любых общественных беспорядков, поэтому процессы маргинализации населения, помимо роста криминала, представляют серьезную угрозу социальной стабильности вообще.

Однако никакого социального взрыва в послевоенные годы не произошло. Спаянный военной победой консенсус между властью и обществом, общая усталость от экстремальности и тяга к «нормальной» жизни – эти и другие причины, очень разные по своей природе, сыграли роль стабилизирующего фактора. В числе причин, обеспечивающих социальную стабильность, не на последнем месте стояли меры, направленные на усиление репрессивной политики, среди них и ужесточение уголовного законодательства. Кроме того, у государства в руках был такой инструмент контроля за поведением граждан, как паспортная система и связанная с ней прописка. Периодически проводились

кампании по «соблюдению паспортного режима», под прикрытием которых осуществлялись «зачистки» городов от разного рода асоциальных элементов.

После войны вновь пришлось вернуться к проблемам, о решении которых официально было объявлено еще в конце 1930-х годов – беспризорности детей и нищенству. Оба явления за годы войны и после ее окончания приобрели массовый характер. Беспризорники и нищие стали такой же приметой времени, как в 1920-е годы.

Точных данных о количестве *беспризорных и безнадзорных детей* в послевоенные годы, по-видимому, не существует – прежде всего из-за несовершенства методики учета: в статистические сводки включались только задержанные беспризорники, прошедшие через органы милиции и детские учреждения; кроме того, один и тот же ребенок мог задерживаться по нескольку раз. Вместе с тем доступные статистические данные позволяют составить представление о масштабах этого явления. Только в течение четырех лет – с 1943 по 1946 г. через детские приемники-распределители прошли более 1 млн человек (1 021 850 человек) – из них 471 тыс. человек – это дети-сироты[1].

15 июня 1943 г. было принято постановление СНК СССР «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». Постановлением предусматривалось существенно расширить сеть детских колоний, в том числе колоний для содержания малолетних преступников. В центральном и местных аппаратах НКВД создавались отделы по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью. Увеличивалась сеть детских приемников-распределителей. Всего на начало 1947 г. в стране было 336 приемников-распределителей для беспризорных и безнадзорных детей.

Новый всплеск детской беспризорности пришелся на 1946 г. – в связи с неурожаем и голодом. Сводки сообщали о детях, брошенных (и подброшенных) родителями или ушедших из семьи самовольно, просящих милостыню, бродящих в поисках съестного, промышляющих воровством. Их снимали с поездов, подбирали с улиц. «Голодное» происхождение детской беспризорности и нищенства очевидно: если в первой половине 1946 г. через приемники-распределители МВД прошло 128 507 человек, то во второй половине этого же года – 190 639 человек Пик пришелся на июль-сентябрь 1946 г. – вместе с возникновением продовольственного кризиса (тогда было задержано 103 923 человек)[2].

Вместе с голодом пришла и другая проблема: многие детские дома и предприятия под разными предлогами отказывались принимать детей и трудоустраивать подростков. Однако даже пребывание в детском доме не всегда служило гарантией если не сытого, то хотя бы сносного существования: слу-

1. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 168. Л. 69.

2. Там же. Л. 70.

чалось, что и воспитанники детских домов тоже вынуждены были заниматься нищенством, «собирать кусочки».

Беспризорность детей и подростков влекла за собой и другую проблему – рост преступности среди несовершеннолетних. Беспризорные несовершеннолетние, совершившие незначительные преступления (без судимости) направлялись в трудовые воспитательные колонии МВД, осужденные к лишению свободы – в трудовые колонии с особым режимом содержания. Всего в 1947 г. в стране насчитывалось 58 детских трудовых воспитательных колоний и 60 трудовых колоний, в которых содержались соответственно 19 тыс. и 30 тыс. человек (это значит, что контингент колоний для малолетних преступников был более многочисленным)[3].

Проблему детской беспризорности и преступности после войны пытались решить не только методом принудительной изоляции в колониях разного профиля. Скорее – это был крайний случай. Главной тенденцией послевоенных лет стала политика по организации социальной опеки и трудоустройства беспризорных и безнадзорных детей, привлечение к решению проблемы школы и родителей. Из числа детей и подростков, прошедших через детские приемники-распределители в 1943–1946 гг., примерно четверть (250 тыс. человек) была возвращена родителям, 381 тыс. человек – направлены в детские дома, 318 тыс. (старше 14 лет) – трудоустроены на предприятиях, в колхозах или направлены на учебу в ФЗО, 72 тыс. человек (примерно 7% от общего числа задержанных) отправлены в колонии[4].

Вместе с тем, несмотря на репрессивные и воспитательные меры, преступность среди несовершеннолетних оставалась серьезной проблемой на протяжении всех 50-х годов. Статистика борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью медленно, но улучшалась: если в 1952 г. всего по СССР были задержаны 39, 5 тыс. беспризорных и 327 тыс. безнадзорных детей и подростков, то в 1955 г. эти показатели составили соответственно 19, 5 тыс. и 289 тыс. человек. Что касается данных о преступности среди «устроенных» подростков, т.е. находящихся под опекой школы, комсомола, семьи и проч., то они продолжали оставаться очень тревожными. Так, в 1949 г. из общего числа привлеченных к уголовной ответственности несовершеннолетних учащиеся школ до 16-летнего возраста составляли 28%, а в 1950 г. – 36% [5]. Таким образом, проблема преступности среди несовершеннолетних в числе прочих досталась преемникам Сталина.

3. Там же. Л. 71-72.
4. Там же. Л. 69.
5. ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 165. Л. 269.

По «наследству» из послевоенного времени пришла в 1950-е и проблема *нищенства*[6]. Точного учета людей, занимающихся попрошайничеством в 1940 – первой половине 1950-х годов, не было, статистические сведения фиксировали только количество задержанных за нищенство органами милиции, поэтому в сводки включались лица, имеющие по два и более приводов. В 1954 г. была предпринята попытка подсчитать, наконец, реальное количество людей, занимающихся попрошайничеством постоянно и по случаю. Таковых в целом по СССР оказалось около 25 тыс. человек – 20 тыс. проходили по учету в территориальных органах милиции и 5 тыс. – это нищие, промышляющие в поездах и на станциях. По уточненным данным, на конец 1954 г. количество нищенствующих было определено в 21 790 человек, из них 11 982 человек – в РСФСР[7]. Попрошайничество было по преимуществу городским явлением – примерно 90% всех учтенных нищих занимались своим промыслом в городах. Правда, этот показатель не вполне отражает реальное положение дел, поскольку в сельской местности учет был поставлен хуже, чем в городах.

Как и беспризорность, рост попрошайничества в годы войны и после ее окончания был следствием общего обнищания населения и дезорганизации социального порядка. Среди нищенствующих встречались как профессионалы, сделавшие этот способ существования своего рода бизнесом, так и случайные нищие, т.е. люди, впавшие во временную нужду. Число последних особенно увеличилось в 1946 г. в связи с голодом[8].

Профессиональные нищие составляли примерно десятую часть от всех, кто занимался попрошайничеством. В отношении профессионального нищенства можно говорить о возрождении в послевоенные годы традиций дореволюционного времени[9]. Милицейские сводки, как и в конце XIX в. материалы полиции, фиксировали наличие деревень, все население которых

6. Подробнее о нищенстве в послевоенные годы см.: Зубкова Е.Ю. С протянутой рукой. Нищие и нищенство в послевоенном СССР // Charies du monde russe. 2008. № 49/2-3.

7. Там же. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 256. Л. 59.

8. О нищенстве в связи с голодом 1946 г. см. также: Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947: происхождение и последствия. М., 1996.

9. О практиках нищенства в Российской империи см.: Левенстим А.А. Профессиональное нищенство. Его причины и формы (СПб., 1900) // Нищенство. Ретроспектива проблемы. СПб., 2004. С. 18–92. Максимов С.В. Бродячая Русь Христа-ради // Максимов С.В. Собрание сочинений в 20 томах. Т. 5. СПб., 1908; Прыжов. Нищие на Руси. 1862; Свирский А.И. Мир нищих и пропойц // Свирский А.И. Погибшие люди: Очерки. В 3 томах. Т. 3. СПб., 1898. Среди современных исследований этой проблемы следует отметить публикации Хубертуса Яна: Jahn, H. F. Bettler in St.Petersburg: Gedanken zur kulturellen Konstruktion sozialer Realität // Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Selbstverwaltung, Assoziierung und Geselligkeit in den Städten des ausgehenden Zarenreiches, ed. Guido Hausmann. Göttingen, 2002.– S. 433–446. Jahn H. Das St. Petersburger Bettlerkomitee, 1837–1917 // Althammer B. (Hrsg.) Bettler in der europäischen Stadt der Moderne. Frankfurt am Main [u.a.], 2007.

занимается попрошайничеством, – своего рода «нищенских гнезд» (А. Левенстим). На устойчивость традиции указывает и тот факт, что профессиональное нищенство географически концентрировалось в тех же регионах, что и до революции. В этом смысле была особо отмечена Калужская область (бывшая Калужская губерния)[10]. Даже в 1954 г., уже после того как были приняты довольно жесткие законы против нищенства, крестьяне в пяти колхозах Калужской области продолжали занимались этим ремеслом, хотя числились колхозниками; только в одном колхозе имени Кутузова профессиональных нищих насчитывалось 326 человек[11]. Калужская область по развитию нищенского промысла лидировала среди всех сельских населенных пунктов РСФСР: в 1954 г. там было учтено 1583 человека, занимающихся попрошайничеством, за ней с существенным «отрывом» шла Московская область (574 человек). Самыми притягательными для нищих оставались большие города: в 1954 г. в Москве было учтено 692 человека, в Ленинграде – 452. Профессиональный нищенский промысел, как и до революции, был довольно прибыльным делом.

Вместе с тем не профессиональные нищие определяли «лицо» этого явления в послевоенные годы. После войны среди просящих милостыню отчетливо выделялись покалеченные на войне люди, бывшие фронтовики, в народе им даже дали особые имена, маркирующие характер увечья: «костыли», «обрубки», «тачки», «печенные»[12]. До начала 1950-х годов их можно было встретить в поездах, на вокзалах и рынках, потом увечные фронтовики и прочие нищие стали исчезать из городов. Однако и спустя десять лет после окончания войны инвалиды-фронтовики составляли еще весомую долю нищенствующих: даже по официальным, неполным данным, в 1954 г. их было учтено по СССР 2545 человек (т.е. около 12% от всех учтенных нищих), из них большинство – 2323 имели пенсии и другие пособия, и в то же время 1783 занимались нищенством постоянно и только 762 человека – от случая к

10. На распространение профессионального нищенства в деревнях Калужской губернии указывал известный российский юрист Август Левенстим. См.: Левенстим А.А. Указ. соч. С. 57.

11. ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 3288. Л. 166. Профессиональное нищенство в Калужской области сохранялось еще довольно долго. Так, в декабре 1958 г. прокурор области И. Садовников торопил Москву с принятием нового закона против нищенства, мотивируя свою просьбу следующим образом: «В ряде колхозов… Калужской области большая группа формально числящихся колхозников… из года в год занимаются профессиональным нищенством, тем самым дезорганизуют колхозную дисциплину, срывают все хозяйственные работы в колхозах, позорят советское государство, однако при отсутствии действенного закона … все предупредительные и воспитательные меры не оказывают на них никакого влияния» (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 6416. Л. 79).

12. «Костыли» – без одной или двух ног; «обрубки» – с ампутированными руками, «тачки» – без обеих ног на тележке, служившей способом передвижения; «печенные» – с ожогами (как правило, танкисты). Терминология заимствована у Эдуарда Кочергина: Кочергин Э. Ангелова кукла. СПб., 2007. – С. 142.

случаю. Подобная статистика, несомненно, свидетельствовала об изъянах советской системы социального обеспечения: в данном случае нищенская в буквальном смысле слова пенсия толкала людей к нищенству, как и неустроенность в учреждениях социального призрения (домах инвалидов)[13].

Таким образом, распространение нищенства среди инвалидов войны и вообще само это явление в послевоенные годы говорили и о другом – об известном возрождении культуры нищенства вследствие экономических и социальных потрясений, которые принесла с собой война. Масштабы распространения нищенства в послевоенные годы, конечно, не достигали показателей Российской империи (когда нищенствовала почти треть миллиона человек)[14] и почти втрое уступали показателям первых лет советской власти: так, перепись 1923 г. учла 35 тыс. нищенствующих в РСФСР, а по данным учета 1954 г. их было 12 тыс. человек[15]. Вместе с тем вывод об исчезновении в СССР этой формы социальных девиаций был далек от действительности.

До 1951 г. власть через органы охраны правопорядка и социальной опеки пыталась бороться с нищенством, в общем, традиционными способами – как с помощью административных мер, ограничивающих передвижение нищих и их промысел в городах (в рамках мероприятий по поддержанию паспортного режима), так и в результате развития системы социального обеспечения и социального призрения. Однако эти меры не имели большого эффекта. Между тем нищенство наносило серьезный удар по престижу страны и особенно пропагандируемому образу советского государства. Если в первое время после окончания войны наличие нищенства можно было объяснить в русле популярной тогда идеологемы «временных трудностей», то чем дальше, тем больше эта неприглядная сторона действительности портила «фасад» советской жизни. Наличие большого количества нищих вызывало вопросы и недоумение у советских граждан, не говоря уже о редких иностранных гостях. Тогда ставка была сделана на решение проблемы нищенства методами государственного принуждения.

---

13. Подробнее о системе пенсионного обеспечения и социального призрения инвалидов войны см.: Fieseler B. Arme Sieger. Die Invaliden des Großen Vaterländischen Krieges // Osteuropa 55 (4–6) 2005: Themenheft: Kluften der Erinnerung. Deutschland und Rußland 60 Jahre nach dem Ende des Zweiten Weltkriegs. S. 207–217; Физелер Б. «Нищие победители»: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе // Неприкосновенный запас 40/41 (2–3), 2005. – С. 290–297.

14. По данным специальной Комиссии Министерства внутренних дел, в 1877 г. общее число просящих подаяния в 71 губерниях, областях, градоначальствах и городах составило 293 445 человек (Левенстим А.А. Указ. соч. С. 19).

15. Бордюгов Г.А. Социальный паразитизм или социальные аномалии? (Из истории борьбы с алкоголизмам, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20–30-е годы) // История СССР. 1989. № 1. С. 61; ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 256. Л. 59.

В 1951 г. была проведена первая после войны масштабная операция по изъятию нищих из городов. Первоначально операция по ликвидации нищенства задумывалась как столичное мероприятие и планировалась прежде всего в Москве. Адресность акции сама по себе говорит о том, что власти были озабочены не столько положением людей, вынужденных просить подаяние или занимающихся этим по меркантильным соображениям, сколько стремились «облагородить» облик главного города страны – витрину Советского Союза.

Разработка решения по этому вопросу была поручена Н.С. Хрущёву, как руководителю Москвы. 19 июля 1953 г. было принято Постановление Совета Министров СССР № 2590-1264с «О мероприятиях по ликвидации нищенства в Москве и Московской области и усилению борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами». Постановление носило секретный характер. В нем определялся ряд мер, направленных на ликвидацию и предупреждение нищенства. Лица, занимающиеся попрошайничеством, разделялись на две категории – нетрудоспособные и трудоспособные (полностью или частично). Нетрудоспособные граждане передавались на попечение органов социального обеспечения и родственников.

Лица из числа нищенствующих, сохранившие трудоспособность, подлежали устройству на работу на предприятия и в колхозы. Нищенство работоспособных граждан теперь преследовалось по закону: органам милиции и органам охраны МГБ СССР на железнодорожном и водном транспорте предоставлялось право выселять таких нищих, а также тех, кто занимался бродяжничеством, по постановлению Особого совещания при МГБ СССР в отдаленные районы Советского Союза сроком на пять лет с обязательным привлечением к трудовой деятельности по месту поселения. Эта мера касалась мужчин в возрасте от 18 до 55 лет и женщин от 18 до 50 лет.

Спустя несколько дней появился нормативный акт, распространивший меры по борьбе с нищенством на всю территорию Советского Союза: 23 июля 1951 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами». Указ, как и постановление, являлся секретным. Он также касался двух категорий населения – нищих и бродяг, которые и подпадали под определение «антиобщественные, паразитические элементы». Однако в отличие от постановления указ носил исключительно репрессивный характер и касался только тех, кто занимался нищенством и бродяжничеством, будучи трудоспособным. Штрафные санкции, предусмотренные указом были аналогичны тем, что предписывались постановлением от 19 июля 1951 г.

По данным МВД СССР, за первые полгода применения Указа от 23 июля 1951 г. были задержаны почти 107 766 человек, в 1952 г. – 156 817, в 1953 – 182 342 человека. Подавляющее большинство нищих (70%) были инвалидами, преимущественно инвалидами войны. Так называемые «профессионалы»

среди нищих составляли около 10%, еще 20% пришлось на долю тех, кто испытывал «временную нужду». На самом деле, эти данные, как признавались сами работники милиции, очень приблизительно отражали картину нищенства. Многие нищие задерживались несколько раз: среди них были даже своего рода «рекордсмены», побывавшие в милиции до 30 раз.

Министерство внутренних дел СССР, которое занималось «отловом» нищих инвалидов, предложило свой план мероприятий по борьбе с нищенством. Он состоял из восьми пунктов, главный смысл которых заключался в усилении принудительного характера государственных мер по отношению к нищим и инвалидам. Например, высказывались предложения в целях «предотвращения самовольных уходов» преобразовать инвалидные дома в дома закрытого типа – с «особым режимом» содержания. Что означает «особый режим», объяснять не приходилось: фактически речь шла о полной изоляции этой категории граждан и создании системы их содержания, аналогичной тюремной. Только последний восьмой пункт плана МВД содержал предложения о расширении мер социальной опеки инвалидов, в частности об увеличении размера пенсий.

Помимо мероприятий по удалению из городов нищих и бродяг, предусмотренных указом от 23 июля 1951 г., чистка городов от разного рода асоциальных и просто нежелательных элементов продолжала осуществляться в рамках соблюдения паспортного режима. Всех, кто не имел права проживать в режимных городах или не имел постоянного места жительства, удаляли из больших городов, особенно Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик. Граница режимной зоны от Москвы и Ленинграда проходила по 100-му километру, в других городах – по 50-му километру.

Таким образом, в начале 1950 г. в государственной политике по отношению к социальным маргиналам возобладала тенденция к их изоляции, фактически исключению из социума. Меры социальной опеки и поддержки начинают играть подчиненный характер и являются явно недостаточными, чтобы бороться против социальных аномалий и поддержать группы риска. Усиление репрессивной политики в отношении пограничных слоев общества имело двоякий эффект: с одной стороны, с ее помощью удалось удержать под контролем криминальную ситуацию и добиться снижения криминальной активности. С другой – в результате этих мер фактически создавалась социальная база, которая вскоре начнет воспроизводить асоциальное поведение в массовых масштабах. Подобный сценарий развития событий начал реализовываться после смерти Сталина.

1953 год открыл *новый этап* в истории взаимоотношений маргиналов и государства. У него было несколько отличительных особенностей. В это время происходят знаковые перемены в самом качестве и направленности государственной политики в отношении окраинных групп советского социума.

Смысл этих перемен определял переход от политики изоляции к стремлению инкорпорировать социальный андеграунд в «основное» общество. Само общество, «общественность» начинает играть в этом процессе все более значительную роль, беря на себя функции по поддержанию социального порядка, которые раньше были свойственны лишь государственным структурам. Другая, но связанная с первой, особенность данного этапа состоит в интенсивном развитии правовой базы – разработке норм и обусловленных ими практик по преодолению социальных аномалий. В отличие от предыдущих лет этот процесс становится гласным и проходит в дискуссиях как среди экспертов, так и широкой публики. Социальные аномалии, как и в середине 1920-х годов, снова привлекают к себе самое пристальное внимание. Вектор поисков путей их преодоления во многом определяет общая атмосфера «оттепели».

Однако либерализация политики в отношении носителей социальных девиаций наталкивалась на достаточно сильное сопротивление сторонников репрессивно-изолирующей линии. Позиция «ястребов» объяснялась не только влиянием прежних стандартов и моделей социальных отношений. Сама жизнь бросала вызовы, ставившие под вопрос уместность либерального курса, по крайней мере в таких сферах, как борьба с уголовным криминалом и хулиганством. После смутных времен революции и Гражданской войны маргиналы и деклассированные элементы снова вышли из тени на авансцену политических событий. В середине 1950-х – начале 1960-х годов вспыхнули социальные беспорядки, в том числе и массового характера в различных городах и регионах страны. Маргиналы – люмпены, хулиганы, уголовники – играли в беспорядках весьма активную роль – как «поджигатели» и активные участники[16]. В этом криминальном вызове тоже заключается особенность хрущёвского времени.

Впервые «криминал» заявил о себе почти сразу после смерти Сталина – весной 1953 г., когда в связи с проведением *мартовской амнистии* оказавшиеся на свободе уголовники устроили настоящий криминальный террор. Беспорядки начались уже в пути следования эшелонов с амнистированными. С мест шли тревожные сигналы: «Амурский обком сообщил, что амнистированными, следующими эшелоном № 701, произведено ограбление буфетов и перонных лавок на 6 железнодорожных станциях. Оперативные группы, сопровождавшие эшелоны, будучи запуганными, во многих случаях бездействуют. На станции Михайло-Чесноковская 20 мая большая группа амнистированных разогнала милицию и в течение двух с половиной часов держала станцию в своих руках»[17]. Однако больше обкомов были обеспокоены разгу-

16. Подробнее о роли маргиналов в общественных беспорядках см.: Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежневе: 1953 – начало 1980-х гг. – Новосибирск, 1999.

17. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 402. Л. 89.

лом амнистированных уголовников простые граждане. Они обращались с жалобами в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, лично к советским руководителям. Писем-обращений было так много, что МВД СССР вынуждено было организовать специальную проверку и расследовать случаи бесчинств, упомянутые в письмах.

Результаты проверки министр С.Н. Круглов через несколько месяцев докладывал К.Е. Ворошилову. Большинство фактов, о которых «сигнализировали» граждане, подтвердились. Так, в анонимном письме из Ульяновска сообщалось, что уголовники захватили райком партии и ограбили его сотрудников. «Это ограбление действительно имело место, – подтвердил С.Н. Круглов. – 19 мая 1953 г. освобожденный по амнистии Прокудин, будучи пьяным, зашел в здание райкома КПСС и в одной из комнат отобрал у четырех работников райкома, в том числе и секретаря райкома, наручные часы, оборвал телефонный провод и скрылся. Через 1,5 часа работниками милиции преступник был задержан и 20 июня 1954 г. осужден к 15 годам заключения в ИТЛ [исправительно-трудовой лагерь]»[18].

В связи с усложнением криминогенной обстановки в стране 2 июля 1953 г. Президиум ЦК КПСС одобрил проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О неприменении амнистии к лицам, осужденным за разбой, к ворам-рецидивистам и злостным хулиганам». Лица, освобожденные на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии», если они нигде не работали, отправлялись обратно в лагеря на срок, оставшийся к моменту освобождения по амнистии[19].

Уголовный разбой, устроенный частью амнистированных, имел и другую сторону – он повлиял на отношение граждан к бывшим заключенным вообще: человек, побывавшей на «зоне», независимо от характера совершенного им преступления, воспринимался как потенциальный уголовник и поэтому вызывал подозрение. Сходное отношение к амнистированным демонстрировали и представители официальных структур, а также предприятий: бывших заключенных очень неохотно принимали на работу. В июне 1953 г., спустя два месяца после проведения амнистии, в разных городах и областях не были трудоустроены от 25 до 40% амнистированных[20]. Так что «безделье» вышедших на свободу граждан нередко носило вынужденный характер и не всегда означало возврат к криминальному прошлому.

Позднее, на фоне общего роста криминальной активности в стране, а также массовых беспорядков, эксцессы, связанные с амнистией 1953 г., будут

18. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 85с. Д. 250. Л. 44.

19. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 – февраль 1956. – М., 2000. – С. 382.

20. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 402. Л. 46-47.

восприниматься как эпизод. Главной сценой *массовых беспорядков* стали малые и средние города, в том числе и города, находящиеся за так называемым 101-м километром: сработал эффект «накопителя» асоциального элемента. Летом 1961 г. беспорядки докатились и до самых границ Московской области – несколько дней города Александров и Муром фактически находились во власти хулиганов и криминального элемента[21].

Во всех случаях городских беспорядков властям в конце концов удавалось справляться с ситуацией. Происходило это во многом благодаря локализации конфликта – в том смысле, что вспышки волнений в городах, хотя и приняли значительные масштабы, но все-таки носили «точечный» характер. Сложнее было бороться с другим явлением, которое буквально расползалось по всей стране и в этой связи вызывало у властей все больше беспокойства. Речь шла о так называемых «преступлениях против общественного порядка», или просто – *хулиганстве*. Явление в середине 1950-х годов приняло настолько массовый характер, что Владимир Козлов пишет в этой связи о «хулиганизации» страны[22].

Чтобы представить себе масштабы «хулиганизации», достаточно сопоставить цифры: в 1946 г. за хулиганство были арестованы и получили различное наказание 70 тыс. человек, через десять лет – в 1956 г. – 200 тыс. Данные эти неполные, потому что большинство так называемых хулиганов вообще не привлекались ни к какой ответственности[23]. Статистика хулиганства озадачивала не только масштабами распространенности «преступлений против общественного порядка» – не менее тревожными были данные о социальном составе хулиганов. Социальное «лицо» хулиганства – антиобщественного по своему характеру явления – не было «асоциальным». Так, среди осужденных за этот вид преступлений в 1957 г. так называемые «лица без определенных занятий» составляли всего 7,8%. Основная доля привлеченных к ответственности за хулиганство пришлась на «обычных» граждан, главным образом рабочих. Кроме того, «средний» советский хулиган был молод: среди осужденных за хулиганство в 1957 г. более 40% были не старше 25 лет[24].

Последний факт вызывал особое беспокойство и партийных структур, и органов милиции. Комсомольский лидер, секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Шелепин оценивал создавшуюся ситуацию как критическую. В мае 1955 г. он обратился в ЦК КПСС с письмом, где нарисовал довольно впечатляющую картину распространения хулиганства, пьянства и прочих асоциальных явле-

21. О беспорядках в Муроме и Александрове см.: Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР. – С. 258–287.

22. Там же. С. 199.

23. Там же. С. 186.

24. Там же. С. 186–187.

ний среди молодежи. В Сталинграде органы милиции арестовали группу рабочих из 12 человек, которые за два месяца совершили 15 нападений с целью ограбления. В городе Красноуральске Свердловской области учащиеся ФЗО устраивали коллективные драки и прочие бесчинства, группа была организованна, имела соответствующие знаки отличия в виде татуировки. В ряде городов в «аморальных» поступках замечены школьники старших классов и даже пионеры. Не отличалось образцовым поведением и студенчество: в Томске, например, в течение одного учебного года были подобраны на улице 93 пьяных студента. Столичные студенты не отставали в этом смысле от своих томских собратьев[25].

Шелепин заверял, что «комсомольские организации принимают меры» (проводят беседы о «комсомольской морали», выступают в печати, организуют рейды против хулиганов), однако «все это не дает нужных результатов»[26]. Ситуация требует вмешательства ЦК КПСС, считал комсомольский секретарь и просил санкционировать издание специального «закрытого письма» по борьбе с хулиганством и «аморальными проступками» среди молодежи. Такое письмо было действительно подготовлено и направлено в комсомольские организации. Его «закрытый» характер говорит о том, что руководство страны не желало предавать проблему асоциального поведения молодежи широкой огласке.

Рост хулиганских проявлений среди молодежи во второй половине 1950-х годов не был исключительно советским феноменом. Это был своего рода «послевоенный синдром», затронувший многие страны, и предвосхитивший «бурные» 60-е годы[27]. Бунтарство молодежи имело под собой разные мотивации, и в этом смысле настроение молодежи в странах Восточной Европы было созвучно с настроениями сверстников на Западе. Последние, безусловно, пользовались несравненно большей свободой для выражения своих настроений, тогда как политические режимы восточноевропейских стран стремились максимально сузить пространство для выхода молодежного радикализма – в каких бы формах тот ни выражался. Такова была задача, однако ее решение далеко не всегда оказывалось успешным. Об этом свидетельствует и советский опыт, и опыт других стран соцлагеря по борьбе с асоциальным поведением молодежи. В ГДР, например, хулиганство и криминальная активность молодежи в конце 1950-х годов воспринималась как проблема государственного значения: с 1957 г. она выносится на пуб-

25. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 128. Л. 83–88.

26. Там же. Л. 83–84.

27. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991. М., 2004. – С. 347.

личное обсуждение, к ее решению подключается не только полиция, но и руководство страны[28].

Советский хулиган был молодым, и этот факт среди прочих имел демографическое объяснение – сама страна в то время была очень молодой: так, в Российской Федерации в конце 1950-х годов люди в возрасте до 30 лет составляли 55% населения[29]. В асоциальном поведении молодежи, с одной стороны, выплеснулся дух бунтарства, непослушания, свойственный молодому возрасту вообще. С другой стороны, «дети войны» – как иногда называют это поколение – испытали на себе влияние криминального мира, «воровской романтики». Как вспоминал о своих детских увлечениях музыкант Алексей Козлов, «образ “урки” [вора, уголовника] вызывал не только страх, но и особое чувство уважения. В дворовой жизни среди мальчишек среднего возраста считался модным этакий симбиоз урки и приблатненного матросика»[30]. В моду среди подростков вошли татуировки и «блатные» песни – своеобразный гибрид тюремного фольклора и городского романса. Стремление подражать этому, как казалось, независимому, свободному миру взрослых тоже стимулировало асоциальное поведение подростков.

Как реагировала власть на криминальную ситуацию в стране? Ни массовые беспорядки, ни распространение хулиганства на первых порах не привели к усилению репрессивной практики. Напротив, предпринимались шаги по либерализации уголовного законодательства, реформированию паспортного режима, досрочному освобождению ряда категорий заключенных и т.д.

Первым в этом ряду стояла *либерализация паспортного режима*. 21 мая 1953 г. по инициативе Л.П. Берия было принято Постановление Совета Министров СССР № 1305-515сс «Об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей». В тот момент в Советском Союзе паспортные ограничения были распространены на 340 городов, местностей, железнодорожных узлов, а также на пограничную зону вдоль всей границы шириной от 15 до 200 км. С 1943 по 1953 г. паспортные ограничения по судимости получили 3 млн 900 тыс. человек (из них только за один 1952 г. – 275 тыс. человек). В течение 1948–1952 гг. по все городам страны были выявлены 5 млн 591 тыс. человек, нарушающих паспортный режим, из них были привлечены к уголовной ответственности за нарушения паспортного режима 127 тыс. человек и оштрафованы в административном порядке 4365 тыс. человек.

---

[28]. Lindenberger T. Volkspolizei. Herrschaftspraxis und öffentliche Ordnung im SED-Staat 1952–1968. Weimar, Wien, 2003. – S. 412–447.

[29]. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 гг. – М. 2001. – С. 366.

[30]. Козлов А. «Козел на саксе» – и так всю жизнь... М., 1998. – С. 56.

При наличии ограничений, подчеркивалось в постановлении от 21 мая 1953 г., «Граждане, отбывшие наказание в местах заключения или ссылки и *искупившие тем самым свою вину перед обществом*, *продолжают испытывать лишения*» (выделено мной. – *Е.З.).* Было признано, что «существующая вдоль границы режимная зона не имеет практического значения для охраны границы», «режим и паспортные ограничения, введенные в этих районах, *тормозят их экономическое развитие*».

Постановлением значительно сокращался список городов и местностей, в которых сохранялся режим паспортных ограничений. В эту категорию вошли: Москва и 24 пригородных района, Ленинград и пять пригородных районов, Владивосток, Севастополь и Кронштадт. Перечень преступлений, влекущих за собой паспортные ограничения, был сокращен с 28 до 6[31].

Существенно изменялся порядок преследования тех, кого относили к категории «лиц, не занимающихся общественно-полезным трудом», т.е. социальных маргиналов в том числе. Ранее граждане, не занимающиеся общественно-полезным трудом свыше трех месяцев, кроме инвалидов, пенсионеров и иждивенцев, подлежали выселению из 262 режимных городов и местностей – без указания срока, на который они удаляются. Постановлением от 21 мая 1953 г. порядок удаления (без указания срока) был сохранен, но перечень местностей, откуда подлежали удалению указанные граждане, сократился. В него вошли Москва, столицы союзных республик, краевые и областные центры.

После ареста Берия и ухудшения криминальной ситуации в стране в связи с амнистией было решено внести коррективы в порядок паспортных ограничений, установленных постановлением от 21 мая 1953 г. Эти изменения закреплялись в Постановлении Совета Министров СССР от 21 октября 1953 г. «О сокращении количества режимных городов и местностей и перечня паспортных ограничений». Изменения не коснулись перечня преступлений, влекущих за собой паспортные ограничения. Однако список режимных местностей был вновь расширен, хотя, несмотря на сильное давление из регионов и городов, требовавших восстановления прежнего статуса, он был гораздо меньшим, чем до мая 1953 г.[32]

---

31. Было признано необходимым сохранить «в порядке исключения паспортные ограничения в отношении лиц, имеющих судимость за особо опасные преступления», по статьям УК РСФСР (и соответствующим статьям УК союзных республик): контрреволюционные преступления (ст. 58 и ст. 193-24); бандитизм (ст. 59–3); хулиганство (ст. 74. ч. 2) при наличии двух судимостей за это преступление; умышленное убийство (ст. 136); кража, совершенная воровской шайкой или повторно (ст. 1. ч. 2. Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан»); разбой (ст. 2. того же указа).

32. Постановлением от 21 октября 1953 г. вносились следующие изменения в список режимных городов и местностей:

В отношении лиц, не занимающихся общественно-полезным трудом свыше трех месяцев, было установлено, что они подлежат удалению на срок до лвух лет; им предоставлялось право на прописку в любом другом городе на общих основаниях; в перечень городов, откуда подлежали удалению эти лица, дополнительно были включены города Севастополь, Кронштадт и Балтийск.

Отношение к людям, осужденным за различные преступления – реальные и мнимые – менялось в ходе начавшегося процесса реабилитации. Он коснулся не только политических заключенных, но и «сидельцев» как таковых. На XX съезда КПСС в выступлении Н.С. Хрущёва прозвучала мысль о необходимости подключения общественности к делу борьбы с преступностью и «перевоспитания» преступников. 24 марта 1956 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления». За первые пять месяцев действия этого указа были освобождены из мест заключения 76 187 человек, из них 39 393 отбывали наказания по политическим статьям, а остальные 36 794 человек были осуждены за должностные, хозяйственные и иные преступления. 9363 человек вышли на свободу под поручительство родственников и общественных организаций[33].

Тон кампании по «перевоспитанию» людей, совершивших преступления, задавал главный человек в стране – Никита Хрущёв. Министр внутренних дел Н.П. Дудоров на одном из совещаний 1956 г. вспоминал о своем недавнем разговоре с Хрущёвым. Высказывая свое недовольство по поводу отношения к отбывающим свой срок осужденным со стороны администрации лагерей и колоний, Хрущёв наставлял своего собеседника: «У нас, естественно, нет капиталистов, и они не находятся в местах заключения. У нас *в местах заключения находятся наши советские люди*, которые по тем или иным причинам совершили преступление, их осудили и правильно сделали, но мы должны принять все необходимые меры, чтобы вернуть к трудовой жизни этих людей (выделено мной. – *Е.З.*)»[34]. Так Хрущёв со свойственной ему легкостью превратил идею «преступник – тоже человек», неоднократно звучав-

1) перечень режимных районов вокруг Ленинграда увеличивался с 5 до 16;

2) был введен особый паспортный режим в столицах 15 союзных республик, в городах Архангельске, Балтийске, Батуми, Горьком, Куйбышеве, Мурманске, Молотове, Молотовске, Новосибирске, Одессе, Ростове-на-Дону, Сталинграде, Сталино, Свердловске, Харькове и Челябинске;

3) восстанавливалась запретно-пограничная зона вдоль границы СССР с сокращением этой зоны в Калининградской и Закарпатской областях до пределов пограничных районов-округов, а в Бурят-Монгольской АССР, Хабаровском и Приморском краях, Иркутской, Читинской и Амурской областях – до пределов пограничных сельских советов.

33. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 481. Л. 217–218.

34. Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 4011. Л. 519.

шую в 1920-е годы и основательно подзабытую потом, в другую формулу: «преступник – *советский* человек». К «советскому человеку» полагалось и иное отношение. Пример решил показать снова Хрущёв: выступая на очередном, третьем съезде писателей, он поделился своими впечатлениями о встрече с вором-рецидивистом, которому он помог найти работу и устроиться в жизни. Этот случай имел большой резонанс.

В 1958 г. были приняты «Основы уголовного законодательства», предусматривающие гуманизацию этой сферы. В результате уже в 1959 г. учтенная преступность сокращается на 30,2%[35]. Однако уже в 1960 и 1961 гг. показатели преступности снова «поползли» вверх[36]. В июне 1961 г. проблема роста преступности – впервые в практике функционирования партийных структур – выносится на обсуждение пленума ЦК КПСС. Для этого было два повода – новая партийная программа, в которой в контексте достижения главной цели – построения коммунизма – ставилась задача искоренения преступности.

Второй повод был скорее ситуативным, однако он имел гораздо более серьезные последствия для изменения уголовного законодательства. В мае 1961 г. в Москве прошел суд по так называемому «делу валютчиков», обвиняемые получили по максимуму – 15 лет лишения свободы. Однако Хрущёв посчитал приговор слишком мягким, и на заседании Президиума ЦК 17 июня 1961 г., т.е. накануне пленума ЦК, поставил вопрос о необходимости ужесточения уголовного законодательства. Хрущёв, не так давно рассуждавший о том, что «преступник – это советский человек», теперь говорил другие вещи. В борьбе с преступностью, рассуждал Хрущёв, «все перевели на мораль, это неправильно» и упрекал юристов и правоохранительные органы в излишнем либерализме[37]. Речь шла не только о преступлениях по валютным делам – досталось тогда всем, в том числе и хулиганам. В конце Хрущёв подытожил: «Законодательство надо пересмотреть <…>. Мы должны создать условия честным людям, чтобы они спокойно жили и работали и не брали верх хулиганы. <…> *Я за варварские законы*» (выделено мной. – *Е.З.*)[38].

Казалось бы, после столь недвусмысленных указаний со стороны главного человека страны логично было ожидать именно «варварских законов», т.е. нового усиления репрессивной политики государства по отношению как к представителям преступного мира, так и к социальным девиантам вообще.

35. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. – М., 1999. – С. 63.

36. Виктор Лунеев считает, что этот рост был связан не столько с действительным увеличением числа преступлений, сколько с принятием новых республиканских кодексов, сопровождавшимся «адаптационным синдромом» – отсутствием следственно-судебной практики по новому законодательству, неосведомленностью граждан и т.д. (там же, с. 63)

37. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. – С. 525.

38. Там же. С. 527.

Однако столь однозначного поворота не произошло. Ужесточение законодательства коснулось тогда только отдельных видов преступлений[39]. Что же касается государственной политики по борьбе с преступностью в целом и асоциальностью как базой преступности, то ее приоритеты были заданы не «делом валютчиков», а новой программой партии.

Ключевым понятием новой линии в борьбе с социальными девиациями, своего рода паролем стало слово *«перевоспитание»*. Говоря о перевоспитании Хрущёв, в сущности, не придумал ничего нового: и ГУЛАГ, основу которого составляли так называемые «*исправительно*-трудовые лагеря», и «великие стройки коммунизма» – все это советская идеология представляла как программу «перевоспитания», «перековки» граждан. Новшество хрущёвских времен состояло в том, что смещался фокус «воспитательной работы»: отныне ею должны были заниматься не карательные органы, не суды и прочие государственные структуры, а «общественность». Идея «общественного перевоспитания» нашла свою реализацию в конкретных практиках: товарищеских судах, системе коллективной ответственности (когда «нарушителя» брал на поруки коллектив), привлечении в трудовые коллективы так называемых «трудных» подростков и т.д.[40]

Таким образом, в течение второй половины 1950-х – начале 1960-х годов произошел поворот от преимущественно дискриминационной и репрессивной политики по отношению к социальным маргиналам к политике по их адаптации – «возвращения» в общество, инкорпорации в социум. Другое дело, что провозглашенные цели не всегда соответствовали жизненным реалиям. Программа «общественного перевоспитания» в общем провалилась, как и многие другие программы. Она стала напоминать существующую еще в крестьянских общинах практику круговой поруки, когда сам нарушитель (объект воспитания) ни за что не отвечал, поскольку ответственность за его поведение возлагалась на коллектив. Либеральное отношение к хулиганам, алкоголикам и прочим лицам с асоциальным образом жизни имело свою оборотную сторону, например падение производственной дисциплины. Руководитель предприятия часто просто не мог уволить пьяницу, лодыря или хулигана, потому что обязан был его «перевоспитывать».

Взаимоотношения между «общественностью» и нарушителями общественного порядка, превращающиеся часто в обычное попустительство и мало

39. В июле 1961 г. была введена смертная казнь по делам о «спекуляциях валютой».

40. Подробнее о деятельности товарищеских судов см.: Gorlizki Y. Delegalization in Russia: Soviet Comrades' Courts in Retrospect // The American Journal of Comparative Law. 1998. 48. № 3. – P. 403–425; Жидкова Е. Практики разрешения семейных конфликтов в 1950–60-е годы: обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. – М., 2008.

способствующие искоренению социальных «болезней», становились темой для сатиры – карикатур, стихов, кинофильмов. Михаил Ножкин, например, в одном пародийном стихотворении так описывал положение алкоголиков[41]:

Алкоголикам давно все у нас разрешено: можно драться и ругаться, и на улицах валяться, на милицию плевать, людям жизни не давать. И общественность у нас помогает в трудный час: алкоголиков под ручки и на эти: на поручки.

Политика по вовлечению «общественности» в борьбу с социальными аномалиями нашла отражение в нормативных документах, в практиках разработки законодательства, направленного против «антиобщественных элементов», «паразитов». Логика, казалось бы, была проста: бороться с анти*общественными* (явлениями, элементами, образом жизни) должна именно *общественность*. Другое дело, что эта идея оказалась еще одной утопией хрущёвского десятилетия.

Программа адаптации и «перевоспитания» асоциальных элементов – и в отношении отдельных групп, и в целом – среди прочих столкнулась с проблемой «сопротивления материала»: маргиналы не спешили возвращаться в социум, а социум был не готов принять людей с «обочины». Государственная политика 1950–1960-х годов по отношению к социальным маргиналам имела еще одну характерную особенность: ее либерализм касался далеко не всех. Так называемое «воспитание» не было вовсе свободным от принуждения, от репрессии как «воспитательного» метода. Масштаб применения репрессий и их характер изменились по сравнению со сталинскими временами, однако этот прошлый опыт оставил свой след и в юридической норме, и в реальной практике.

41. Ножкин М. Дело было вечером // http://koskin.narod.ru/index/mn.html

СООБЩЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

А.Г. Донгаров

СССР И СТРАНЫ ПРИБАЛТИКИ (АВГУСТ 1939 – АВГУСТ 1940 г.)

Донгаров Александр Герасимович – историк, дипломат.

Впервые материал под таким названием был опубликован без малого 20 лет назад в журнале «Вопросы истории», № 1 за 1991 г. Его авторы А.Г. Донгаров и Г.Н. Пескова, тогда сотрудники Историко-дипломатического управления МИД СССР, видели свою задачу во введении в научный оборот многих десятков рассекреченных материалов из архива министерства для того чтобы побудить исследователей и официальных лиц задуматься о возможности новой интерпретации событий тех лет, базирующейся на достоверной платформе исторических документов.

Сейчас приходится с сожалением констатировать, что по большому счету этого не произошло. Можно отметить лишь добротное и честное исследование Е.Ю. Зубковой об отношениях прибалтийских государств и СССР в 1940–1953 гг. (4). В целом же данная тема остается сегодня в большей мере ареной идеологических боев без правил, чем пищей для серьезных исторических изысканий.

Зададимся рядом вопросов, в отношении которых в нашей исторической науке нет, как представляется, особой ясности.

Вопрос 1. Когда, в какой момент прибалтийские страны прошли «точку невозврата» в своем дрейфе от независимости к ее утере? Пожалуй, это центральный вопрос, от ответа на который зависит видение всей ситуации в целом.

Для многих историков, сформировавшихся в позднесоветскую эпоху этой точкой был пакт Молотова – Риббентропа. Автор и сам так думал 20 лет назад. Сегодня у нас больше документов и материалов для переосмысливания международной ситуации в Восточной Европе накануне и в начальный период Второй мировой войны.

Независимое существование прибалтийских государств в межвоенный период строилось на уникальном балансе сил великих держав в этом регионе:

СССР не хотел уступать его Германии, Германия – СССР, а Великобритания и Франция, сами не претендовавшие на него, стремились подорвать влияние обеих стран. В ситуации взаимных сдержек и противовесов стихийно сложилось нечто вроде системы коллективной безопасности, когда любая попытка Германии или СССР установить свою гегемонию в регионе сразу же наталкивалась на противодействие не только прямого соперника, но и двух других великих держав. Пока основные усилия Германии и Советского Союза были направлены на внутреннюю работу по восстановлению своих военно-промышленного потенциалов и консолидации власти, этого общего понимания ситуации было достаточно для поддержания стабильности в регионе.

Однако система стала разрушаться начиная с весны 1938 г., когда со всей очевидностью обнаружилась тенденция к самоустранению англо-французской коалиции от участия в восточноевропейских делах. Сначала Великобритания и Франция спокойно наблюдали, как «Третий рейх» поглотил независимое австрийское государство (март 1938 г.), затем, отказавшись от своих союзнических обязательств перед Чехословакией, отдали ее в Мюнхене на растерзание Германии. Эта политика laissez faire в отношении Берлина продолжалась и после Мюнхена в режиме текущей дипломатической работы и на своем излете увенчалась молчаливым согласием коалиции на полное растворение чешского государства в германской империи (15 марта 1939 г.) и на отторжение от Литвы города Мемеля с областью (Клайпедского края) 22 марта 1939 г.

Безучастность, с которой в Лондоне и Париже отнеслись к акту германского насилия над Литвой, означал их выход из числа гарантов де-факто прибалтийской независимости. В результате от системы безопасности, обеспечивавшей незыблемость регионального статус-кво в течение почти всех 1930-х годов, остался только один элемент – советско-германское соперничество. Однако если раньше, в иной международной обстановке и под англо-французским приглядом, оно носило сугубо латентный характер, то теперь дело обстояло иначе. Оставшись один на один, Москва и Берлин втягивались в открытую борьбу за «прибалтийское наследство» русской революции 1917 г. и германского поражения в Первой мировой войне.

При всей многовариантности советско-германского соперничества (превалирование одной из сторон, соглашение о зонах влияния в региональном или общеевропейском контексте) любой возможный его итог оказывался катастрофическим для самостоятельного существования прибалтийских государств. Иными словами, в конкретных условиях 1939–1940 гг. сохранение прибалтийскими странами своей независимости практически стало невозможным.

Таким образом, упомянутая выше «точка невозврата» была пройдена Балтией отнюдь не в момент подписания в Москве 23 августа 1939 г. пакта Молотова–Риббентропа, а одиннадцатью месяцами ранее, в конце сентября

1938 г., в Мюнхене. Именно там и тогда была предрешена судьба стран региона; то же, что случилось с ними позже, было делом времени и результатом приведения Берлином и Москвой своих действий в соответствие с меняющейся международной конъюнктурой.

Значение этого вывода состоит не в том, чтобы избавить советскую дипломатию от ее доли ответственности за то, что случилось с государствами Балтии. Просто «мюнхенский ракурс» позволяет точнее разглядеть смысл событий осени 1938 – осени 1939 г., о чем речь пойдет ниже.

Вопрос 2. В чем заключалось значение нот наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова правительствам Эстонии и Латвии от 28 марта 1939 г.? Поскольку в нашей исторической литературе об этих нотах если и упоминают, то редко и походя, имеет смысл детальнее рассмотреть суть дела.

Кульминация успехов Берлина на восточно-европейском дипломатическом фронте пришлась на третью неделю марта 1939 г., когда в течение всего семи дней к Германии были присоединены остатки чешского государства и Клайпедский край Литвы. События продемонстрировали не только мощь германского натиска, но и безуспешность всех предшествовавших попыток Советского Союза организовать ему отпор. Для Москвы складывалась крайне невыгодная ситуация, которая сама по себе могла стать приглашением Берлину рискнуть расширить свой плацдарм в Прибалтике, например, за счет оставшейся территории Литвы. Об этом литовцы сами жаловались в Москве, ссылаясь на соответствующие угрожающие заявления, которые Риббентроп делал в ходе переговоров с министром иностранных дел Литвы Ю. Урбшисом в дни мемельского кризиса (2, с. 13).

Чтобы переломить этот опасный ход событий, советское правительство решилось на самый отчаянный внешнеполитический шаг по своей западной границе со времени войны с Польшей 1920 г. 28 марта 1939 г. М.М. Литвинов вручил эстонскому посланнику в Москве А. Рею ноту, в которой говорилось, что Советский Союз не потерпит «политического, экономического или иного господства третьего государства» в Эстонии; что установление такого господства, добровольное или под внешним воздействием, означало бы разрушение фундамента, на котором строилось советское признание независимости Эстонии; что для СССР невозможно оставаться «безучастным зрителем попыток открытого или замаскированного уничтожения» третьим государством самостоятельности и независимости Эстонии и что он готов «на деле доказать, в случае надобности, его заинтересованность в целостном сохранении Эстонской Республикой ее самостоятельного государственного существования и политической и экономической независимости». Устно Литвинов пояснил Рею, что в результате последних событий в Восточной Европе военная опасность приближается к границам СССР и советское правительство вынуждено предусмотрительно предпринимать шаги по обеспечению своей безо-

пасности. В тот же день аналогичное заявление было сделано латвийскому посланнику в Москве Ф. Коциньшу (1, с. 341).

Стремясь усилить впечатление от ноты, в начале апреля Красная Армия провела крупномасштабные учения в непосредственной близости от советско-эстонской границы с выходом на нее и имитацией ее последующего перехода.

Правительству Литвы соответствующая нота не направлялась, так как в то время у СССР не было общей границы с этим государством (их разделяли восточнопольские или западнобелорусские земли).

Правительства Эстонии и Латвии отклонили советскую ноту, расценив ее как стремление к установлению протектората над ними и, в конфиденциальных беседах, даже как угрозу превентивной оккупации (5, с. 18–19, 21). Тем как будто все и закончилось.

Дело, однако, в том, что у этой ноты был еще один, хоть и неназванный, но, пожалуй, главный адресат – имперское правительство Германии. Именно ему предназначались энергичные предупреждения о том, что СССР не потерпит никакого дальнейшего проникновения «третьего государства» в Прибалтику, именно для него демонстрировалась советская военная мощь.

Отныне Берлин должен был учитывать тот факт, что его дальнейшая экспансия в регионе может привести к тотальному военно-политическому противостоянию с СССР. Весной 1939 г. Германия была не готова к подобному повороту событий и поэтому сочла за благо прислушаться к предупреждениям из Москвы. Тем более, что Берлин уже взял тактический курс на сближение с Советским Союзом. В итоге, совершенно неожиданно после мартовского триумфа Германия начинает политически охладевать к Прибалтике вплоть до того, что в июне по собственной инициативе заключает договоры о ненападении с Эстонией и Латвией, абсолютно бесполезные для нее, но призванные продемонстрировать Москве добрую волю и готовность Берлина учитывать интересы безопасности СССР в Балтийском регионе.

Но и этим не исчерпывается значение ноты от 28 марта. Надо иметь в виду, что «копии» ее ушли в Лондон и Париж с посланием о том, что, предлагая гарантии безопасности Эстонии и Латвии, СССР подтверждает свою приверженность идее создания системы коллективной безопасности, в том числе на региональном уровне. Это предложение стало возможным, потому что двумя неделями ранее от советских полпредов в Великобритании и Франции в Москву начали поступать сообщения, что в тамошних правительственных, политических и общественных кругах преобладающим стало мнение о провале политики умиротворения агрессора (1, с. 172–173).

Нота Литвинова стала пробным шаром. Из Лондона и Парижа в Москву стали поступать уточняющие запросы о готовности СССР участвовать в новой попытке создания системы коллективного отпора агрессии в Восточной Европе, включая Прибалтику. 17 апреля последовало официальное советское

предложение о совместном предоставлении Великобританией, Францией и СССР гарантий безопасности прибалтийским государствам, а также Финляндии, Польше и Румынии (1, с. 386–387).

В целом не будет преувеличением сказать, что нота от 28 марта наметила сразу два главных вектора – англо-французский и германский, по которым одновременно будет двигаться советская внешняя политика в апреле-августе 1939 г., не предрешая вопроса об окончательном выборе. Лишь по формальному признаку данный документ может быть отнесен к узкой проблематике советско-прибалтийских отношений.

Вопрос 3. Насколько адекватной ситуации была внешняя политика Латвии, Литвы и Эстонии?

В значительной части исторической литературы принято изображать названные страны беспомощными жертвами, этакими щепками, которые мутные потоки предвоенной европейской политики несли к их трагическому финалу. Это серьезное упрощение, сводящее начало конца независимости прибалтийских стран все к тем же советско-германским договоренностям августа-сентября 1939 г., после которых от этих стран уже действительно ничего не зависело, кроме разве что принятия решения о вооруженной защите своего суверенитета. Тем самым, из истории вопроса по существу выбрасывается интереснейший период между Мюнхеном и пактом от 23 августа, характеризовавшийся отсутствием каких-либо устойчивых отношений между тремя европейскими центрами силы и, следовательно, оставлявший малым странам какую-то возможность дипломатического маневра и проведения собственной внешней политики. Концепция «жертв» снижает тогдашней прибалтийской политической элиты ответственность за ее провальную внешнюю политику и, в конечном счете, за крах национальной государственности. Можно, разумеется, до бесконечности спорить о том, под силу ли было трем небольшим государствам изменить или серьезно повлиять на ход европейских событий. Но сделали они все от них зависящее чтобы защитить свой суверенитет?

Выше уже говорилось, что своим комфортным 20-летним независимым существованием прибалтийские страны были обязаны стихийно сложившейся региональной системе коллективной безопасности с участием всех основных европейских политических игроков. Казалось бы, разрушение в сентябре 1938 г. домюнхенского порядка вещей должно было вызвать панику в прибалтийских столицах. Но нет. Прочитав огромное количество их дипломатических документов того периода, мы набрели лишь на одно упоминание Мюнхена как рубежного события в жизни малых стран Европы, и то сделанное на среднем, посланническом, уровне. Напротив, трудно было избавиться от ощущения, что в Каунасе, Риге и Таллине с облегчением восприняли открытую Мюнхеном возможность дезертировать с фронта борьбы за общеев-

ропейскую безопасность и спрятаться от пугающей реальности в понятном и уютном мирке национального эгоизма.

Практической реакцией прибалтийских стран на мюнхенское действо стало провозглашение ими нейтралитета и отказ от своих обязательств по статье 16 Устава Лиги Наций, предусматривавшей участие в коллективном отпоре агрессору (5, с. 19). Подобная реакция представляется вполне закономерной: действительно, что еще оставалось делать малым странам, если идею коллективного отпора агрессору предали ее отцы-основатели? Поскольку эта идея казалась умершей раз и навсегда, а дальнейшие перспективы европейского развития абсолютно не просчитывались, ставка на нейтралитет была естественной и, собственно говоря, не имела альтернативы.

По-человечески понятно желание прибалтийских государств не быть втянутыми в чужую для них войну. Однако как воплотить желаемое в действительное? Мемельский кризис и нота Литвинова, означавшие начало советско-германской схватки за Прибалтику, со всей очевидностью показали, что провозглашение никем не признанного нейтралитета таким средством быть не может. В самих прибалтийских столицах понимали, что ввиду крайне малых территориальных и всех иных параметров их стран в случае возникновения войны они превратятся в поле боя. О том же свидетельствовала и вся 700-летняя история их пассивного участия в русско-германо-шведских войнах.

В этих условиях литвиновское предложение о гарантиях было, на наш взгляд, спасительным для Прибалтики как манна небесная. Составленное в весьма общих выражениях, оно оставляло широкое поле для дипломатических переговоров, которые уже сами по себе укрепляли позиции прибалтийских государств, включая не участвовавшую в них Литву, vis-a-vis Берлина. Кроме того, само согласие Таллина и Риги обсуждать вопрос о гарантиях привело бы к значительному улучшению атмосферы советско-прибалтийских отношений и укреплению взаимного доверия, а значит и к смягчению позиции Москвы, возможно до вполне приемлемого уровня. В конце концов, прибалтийская дипломатия была вольна поставить в качестве непременного условия своего участия в переговорах о гарантиях привлечение к ним Великобритании и Франции и, таким образом, стать автором крупнейшей внешнеполитической инициативы, от которой она первая бы и выиграла.

Вместо всего этого последовал отказ, однозначный и полностью закрывающий тему. Были названы и причины отказа: во-первых, принятие гарантий противоречило бы нейтральному статусу этих стран и, во-вторых, в советском предложении усматривали опасность оккупации и утери суверенитета. В той мере, в которой первый из этих доводов затрагивал формальную, т. е. международно-правовую сторону вопроса, так же формально он может быть и опровергнут: советские гарантии предлагались для защиты именно нейтрального статуса этих стран и отнюдь не предусматривали за-

ключения военно-политических договоров вроде пакта о взаимопомощи. Неформальная сторона проблемы нейтралитета состояла в том, что, принимая гарантии от СССР, правительства Латвии и Эстонии вроде как отходили от принципа равноудаленности от всех великих держав и приписывали Германии агрессивные замыслы. Но ведь никаких формальных оснований обижаться» на себя прибалтийские страны «третьему государству» не давали. Зачем тогда еще нужна дипломатия, если она не способна разъяснить этому «третьему государству», что соглашение о гарантиях вовсе не направлено против него, напротив, известное своим миролюбием оно только выиграет от создаваемой в регионе обстановки мира и спокойствия. Наконец, чтобы сбалансировать ситуацию, прибалтийские страны могли предложить Германии самой принять участие в соглашении о гарантиях.

Второй аргумент представляется более мотивированным. Однако необходимо иметь в виду, что в значительной мере своим правдоподобием он обязан нашему сегодняшнему знанию о том, *что в конечном счете произошло с прибалтийскими государствами.* Если же вернуться в ситуацию *марта 1939 г.*, то правомерно усомниться в том, что находившаяся в полнейшей международной изоляции и перепуганная мощью германского натиска Москва готова была оккупировать Прибалтику – это вызвало бы серьезное обострение ее отношений не только с самой Германией, но еще и с Великобританией и Францией.

Позиция прибалтийских государств по вопросу о гарантиях не изменилась и тогда, когда в апреле к хору уговаривающих присоединились Великобритания и Франция. Подчеркнем, что это расширение круга потенциальных гарантов за счет держав, с пониманием относившихся к прибалтийским страхам и опасениям в отношении того, во что им могут обойтись советские гарантии, произошло без какого-либо участия самих прибалтийских стран. Прибалтийские столицы оставались глухи ко всем аргументам, с помощью которых западная дипломатия пыталась сдвинуть их с места. Говорилось, что достижение соглашения о гарантиях остановит германское давление на Прибалтику, снимет тем самым советские озабоченности и сделает в итоге ненужным фактическое предоставление этих гарантий. Говорилось также, что срыв переговоров будет неизбежно толкать СССР в сторону соглашения с Германией и что тогда прибалтийские страны окажутся в худшей из возможных ситуации. С нарастающим раздражением указывалось, что англо-французская дипломатия пытается отстаивать на переговорах законные требования прибалтийских государств, но что у Великобритании и Франции имеются собственные национальные интересы, главным из которых является предотвратить войну путем достижения договоренности с СССР и поэтому срывая достижение договоренности прибалтийские страны фактически действуют против них. В конце концов их практически в открытую

обвинили в срыве борьбы за европейский мир и приближении войны, первыми жертвами которой станут они сами.

Чем при всем этом в своей внешней политике руководствовались правительства стран Балтии? С позиций здравого смысла невозможно предложить в ее защиту ни одного выдерживающего критику аргумента. Остается считать, что причина заключалась в глубоко провинциальном характере тогдашней прибалтийской государственной мысли, ограниченной к тому же узкими рамками болезненно экзальтированного национализма. Подростковый эгоизм, усматривавший в любом компромиссе, без которых невозможна нормальная международная жизнь государств, тем более малых, покушение на недавно обретенную независимость, сделал эти страны абсолютно недоговороспособными не только по отношению к СССР, что еще можно было бы понять, но и между собой: Эстония не доверяла Латвии, Латвия и Эстония – Литве, Литва и Латвия – Эстонии. Безрезультатными остались все попытки договориться о координации внешнеполитической деятельности с Польшей и скандинавскими странами. В результате переговоров о гарантиях в число ненадежных друзей, чуть ли не предателей, попали даже Франция и Великобритания.

Издевательскую оценку политике прибалтийских стран дал германский посланник в Таллине Х. Фровайн. Беседуя 28 августа 1939 г. с министром иностранных дел Эстонии К. Сельтером и лживо заверяя того, что пакт о ненападении между Германией и СССР никоим образом не ущемляет интересы этих стран, а на самом деле зная, что их судьба уже решена, посланник заявил, что «навряд ли пакт мог бы быть подписан в таком (sic! – *Авт*.) виде, если бы прибалтийские государства, и в первую очередь Эстония, не придерживались бы так твердо и неуклонно нейтрального направления в своей внешней политике» (5, с. 108).

Вопрос 4. Какими скрытыми мотивами и намерениями определялась советская внешняя политика на прибалтийском направлении после подписания пакта Молотова – Риббентропа?

Прежде всего, следует понять, почему получив от Германии карт-бланш на решение дальнейшей судьбы прибалтийских государств, СССР отказался от немедленной их советизации и долгих восемь месяцев довольствовался ролью протектора на договорных условиях? Речь идет о заключенных в конце сентября – начале октября 1939 г. договорах о взаимопомощи между СССР, с одной стороны, и Эстонией, Латвией и Литвой – с другой. Договора предусматривали взаимопомощь сторон в отражении агрессии третьего государства, для чего на территориях прибалтийских стран размещались советские военные базы и воинские контингенты численностью от 20 до 25 тыс. человек. Конечно, подписи стран Балтии под этими договорами были получены в результате сильнейшего политического давления и под угрозой применения вооруженной силы (26 сентября 1939 г. нарком обороны СССР

К.Е. Ворошилов издал приказ о подготовке боевых действий против Эстонии и Латвии) (11). Однако ввод частей Красной Армии на территорию Прибалтики отнюдь не повлек за собой попыток ее советизации. Больше того, в тот период такие попытки не только не предусматривались, но пресекалась сама возможность их предпринять, о чем свидетельствуют сугубо внутренние советские документы. Процитируем некоторые из них. Вот другой приказ Ворошилова от 25 октября, отданный в связи с вступлением частей РККА в Латвию, Литву и Эстонию: «Разговоры о “советизации” прибалтийских республик в корне противоречат политике нашей партии и правительства и являются безусловно провокаторскими… Настроения и разговоры о ”советизации”, если бы они имели место среди военнослужащих, нужно в корне ликвидировать и впредь пресекать самым беспощадным образом» (12). Далее. В.М. Молотов – полпреду СССР в Литве Позднякову, 21 октября 1939 г.: «Малейшая попытка кого-либо из вас (сотрудников полпредства. – *Авт.)* вмешаться во внутренние дела Литвы повлечет строжайшую кару на виновного… Следует отбросить как провокационную и вредную болтовню о советизации Литвы» (9). Молотов – полпреду СССР в Эстонии Никитину, 23 октября 1939 г.: «Вас ветром понесло по линии настроений советизации Эстонии, что в корне противоречит нашей политике… Главное, что Вы должны помнить, это не допускать никакого вмешательства в дела Эстонии» (10). Таких документов множество.

Итак, с одной стороны, готовность к полномасштабной войне с государствами Прибалтики, если они откажутся от подписания договоров о взаимопомощи, а с другой – строжайшая политика невмешательства после их заключения. О чем это говорит? На наш взгляд, о том, что абсолютным и безусловным приоритетом советской политики в Прибалтийском регионе были мероприятия по укреплению национальной обороны, а советизаторские задачи оттеснялись на задний план, до неблизкого «лучшего будущего».

В чем же осенью 1939 г. советское правительство усматривало, как это явствует из приведенных документов, колоссальную угрозу даже отдельных советизаторских усилий на невысоком уровне для успешного решения важнейших для СССР стратегических задач?

Основной задачей СССР было удержаться на позициях того шаткого нейтралитета, которые он занял в результате срыва англо-франко-советских переговоров о коалиции, и заключения советско-германского договора о ненападении. Достичь этого было чрезвычайно сложно, так как логикой событий СССР все больше вовлекался в орбиту германской внешней политики и потому все однозначнее рассматривался Великобританией и Францией как фактический союзник Берлина – политический, военный (имелись факты советско-германского сотрудничества по этой линии) и, со стратегической точки зрения это было главным, экономический. Дело зашло так далеко, что для

предотвращения советских поставок в Германию в генеральных штабах армий союзников разрабатывались операции авиационных ударов по Бакинскому и Грозненскому районам нефтедобычи и по железнодорожной инфраструктуре в районе западной границы СССР.

В этих условиях в Москве считали крайне опасным, а потому недопустимым создание новых конфликтных ситуаций в ее отношениях с западной коалицией, чем как раз и могло стать грубое насильственное присоединение Прибалтики к Советскому Союзу. Определенно предсказать, какой окажется англо-французская реакция, не представлялось возможным, однако не исключался и силовой вариант ответа. (Что такой вариант был в высшей степени вероятен, доказывает история формирования англо-французского экспедиционного корпуса для оказания помощи правительству Финляндии в войне с СССР зимой 1940 г.)

Вооруженное столкновение с Великобританией и Францией, само по себе грозившее тяжелейшими испытаниями, на деле означало бы полный срыв советской внешнеполитической стратегии на весь период начавшейся европейской войны. Вместо относительно безопасного и многообещающего в обозримом будущем (как тогда казалось Москве) положения нейтральной державы, не без внутреннего удовлетворения наблюдающей за тем, как сбылись марксистко-ленинские прогнозы о схватке империалистических держав между собой, СССР оказывался бы вовлеченным в военные действия, причем при любом исходе войны на Западе – проигравшим: как союзник Германии в случае победы англо-французской коалиции; в случае победы Германии – как ее следующая жертва, одинокая и лишенная всех потенциальных союзников.

Укажем еще на одно обстоятельство, препятствовавшее немедленной советизации прибалтийских государств: наличие в регионе десятков тысяч этнических немцев и граждан рейха. Советизация с ее неизменными следствиями (закрытие границ, репрессии против «чуждых элементов», национализация собственности) грозила серьезно осложнить советско-германские отношения. Конечно, этот вопрос в принципиальном плане был решен в Доверительном протоколе к Договору о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. В нем, в частности, советская сторона брала на себя обязательство не препятствовать выезду этих лиц с территории прибалтийских государств, причем имущественные права переселенцев не должны были быть затронуты (3, с. 135). Однако у Москвы не имелось ни законодательства, ни аппарата, ни опыта проведения подобной «мягкой» советизации, да и политически она была крайне обременительной. Поэтому сочли за благо перепоручить проведение этой исключительно масштабной и неизбежно болезненной операции местным правительствам, тем более что сохранение их у власти до поры до времени требовали соображения стратегического порядка, о которых говорилось выше.

Вопрос 5. Почему после восьми месяцев безусловно успешного для него строительства отношений с государствами Балтии на основе договоров о взаимопомощи именно 25 мая 1940 г. СССР резко приступил к «окончательному решению прибалтийского вопроса»?

Причина, вызвавшая столь внезапную перемену в отношениях СССР с Литвой, Латвией и Эстонией, находилась за тысячи километров от столиц этих государств – во Франции, где взятием Парижа и разгромом английской экспедиционной армии завершилась весенняя кампания вермахта на западном фронте.

У этих событий, как водится, было две стороны. С одной стороны, поражение коалиции означало устранение всякой угрозы вмешательства Великобритании и Франции в действия СССР в Прибалтике, в том числе и в политику советизации. Тем не менее, по нашему мнению, ускоренная советизация Прибалтики не была следствием этой открывшейся возможности. С другой – убедительная победа Германии над союзниками в Европе означала, что она получала свободу рук в отношении СССР и может попытаться отобрать те щедрые уступки, на которые так легко шла в августе 1939 г., прежде всего касательно Прибалтики. (Действительность, как мы знаем, была еще хуже: в июле 1940 г. Гитлер отдает распоряжение о разработке плана нападения на СССР, который был утвержден в конце года.) В этих условиях Москва, как признано во всей мировой литературе, решила сыграть на опережение, и 17 июня советские войска наводняют территорию трех стран.

Характер и масштаб советской акции безошибочно указали иностранным дипломатическим наблюдателям на ее истинную цель. Германский посланник в Таллине Фровайн телеграфировал в Берлин 18 июня: «Налицо чисто силовая операция, которая, по всей видимости, должна быть срочно закончена до планируемой немецкой стороной мирной перестройки Европы, чтобы создать свершившийся статус-кво» (6, с. 568). В депеше посланника фон Котце из Риги от 21 июня говорилось: «Вступающие войска столь многочисленны, что… невозможно представить, чтобы только для подчинения Латвии необходима была такая обширная оккупация. Я думаю, что в русских мероприятиях сыграла свою роль мысль о Германии и имеющихся у нее возможностях, и что планы русских имеют оборонительный характер» (6, с. 571). Посланник Цехлин из Каунаса: «Совершенно очевидно, что столь внушительная демонстрация силы не может проводиться только с целью оккупации Литвы. С учетом всей политической обстановки становится ясно, что Советский Союз направил сюда такое огромное количество войск из недоверия к Германии с чисто оборонительными целями» (6, с. 573). На заседании британского правительства 22 июня министр иностранных дел лорд Галифакс также высказал мнение, что «насколько он может судить, концентрация советских войск в прибалтийских государствах является мероприятием оборонительного характера» (8, с. 255). Американский посланник в Литве О. Но-

рем сообщал в Госдепартамент 20 июля: «Русские заняты подготовкой к отражению надвигающегося германского нападения путем размещения войск в различных пунктах сосредоточения, проводя разведывательные полеты авиации и учения с участием солдат и техники» (7).

Полагаем доказанной мысль о том, что при планировании своих операций в регионе Прибалтики в 1939–1940 гг. СССР исходил исключительно из соображений укрепления обороноспособности страны и если и рассматривал вариант советизации, то не как цель, а как вынужденное и крайнее средство для решения этой задачи. Очень жаль, что прибалтийские страны не разглядели этого во время критически важных переговоров сначала об односторонних советских, затем о трехсторонних гарантиях их безопасности. Значительная доля вины за неуспех этих и всех других переговоров о коллективном отпоре агрессору лежит, конечно, и на СССР, который в течение 20-ти предшествующих лет открыто провозглашал экспорт революции центральной идеей своей государственной политики.

Констатировать все это представляется важным, чтобы избежать односторонних трактовок исторических проблем, которые ныне оказывают влияние на отношения между государствами и народами в Европе.

Литература

1. Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы. – Т. 1. – М., 1990. – С. 341.

2. Документы внешней политики СССР. – Т. 22. – кн. 1. – М., 1992. – 709 с.

3. Документы внешней политики СССР. – Т. 22. – кн. 2. – М., 1992. – 688 с.

4. Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. – М. , 2008. – 351 с.

5. От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. (Далее: От пакта Молотова – Риббентропа…). – Таллин, 1990.

6. Documents on German foreign policy. 1918–1945. From the Archives of the German Foreign Ministry. Ser. D. (1937–1945). – Washington 1956. – Vol. 9. – LXII. – 729 p.

7. Library of Congress, Loy Henderson papers. Box 13. O. Norem to Henderson, 20.V11, 1940.

8. Public Records Office, Cabinet 65/7, p. 255.

9. Архив внешней политики СССР, ф. 059, оп. 1, п. 299, д. 2064, л. 55.

10. Архив внешней политики СССР, р. 059, оп. 1, п. 313, у. 2155, л. 8387.

11. Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА) СССР, ф. 25888, оп. 11, д. 14, л. 6–7.

12. ЦГАСА СССР, ф. 4, оп. 15, д. 22, л. 250–257.

А.А. Сальникова

СОВЕТСКОЕ, ПОСТСОВЕТСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ТАТАРСКОМ БУКВАРЕ «АЛИФБА» (конец 1980-х – 2000-е годы)[1]

Сальникова Алла Аркадьевна – доктор исторических наук, профессор Казанского государственного университета.

Среди многочисленных и весьма разнообразных источников по истории России особая роль принадлежит школьным учебникам, в особенности учебникам для начальной школы. Эти учебники, как, может быть, ничто другое, в наиболее четком и завершенном виде воссоздают образ некой «идеальной реальности»[2] таким, каким он сформировался и отложился во «властном» сознании, таким, каким он транспонировался в образовательно-воспитательный процесс, и, соответственно, таким, каким он должен был отразиться и закрепиться в сознании юных граждан. Подобное «впечатывание» рассчитано на особую продуктивность в первые школьные годы, поскольку детское восприятие в это время еще относительно независимо, непосредственно и непроизвольно. Очевидно, что степень воздействия усиливается еще и за счет массовости такого рода изданий в силу их широчайшего тиражирования и приобщенности к ним в определенные жизненные периоды практически каждого человека. Изучение этих учебников позволяет также провести четкую грань между предложенным в них идеально-

1. Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (коллективный проект «Исследование образов семьи и ребенка в учебной литературе для начальной школы: 1987–2006», № 09-06-00950а).

2. «Любой учебный текст сам по себе, а в еще большей степени учебник как система.., – отмечают Г. Макаревич и В. Безрогов, – отражает идеал, связанный с моделью совершенной личности, сконструированной в рамках конкретной цивилизации и эпохи». (Макаревич Г., Безрогов В. Конструирование образовательного идеала в учебнике // Развитие личности. – 2005. – № 4. – С. 79). А также, добавим, идеализированную репрезентацию самой эпохи, представленную посредством ее подлинных и мнимых реалий.

утопическим образом действительности и «реальным» миром, в котором живет ребенок – «потребитель» учебного текста[3].

Все вышесказанное в полной мере может быть отнесено к учебникам для начальной школы «перестроечного» и постсоветского периода, которые призваны были сконструировать на своих страницах идеальный образ новой, постсоветской действительности. По сути дела, эта действительность и должна была начинаться для детей «с картинки в твоем букваре», т.е. представлять собой очевидный и четко выверенный идеологический конструкт, репрезентацию неоспоримой данности.

В связи с активной полемикой, развернувшейся сегодня по поводу так называемого «этнокомпонента» в федеральном образовательном стандарте, весьма своевременным представляется обращение к учебникам для начальной школы на национальных языках, функционирующим в постсоветском пространстве. Подвергшись вместе со всеми российскими учебниками существенному реформированию, направленному на избавление их от проявлений «советскости», постсоветские национальные учебники не могли не испытать на себе воздействия тех общественно-политических перемен, которые происходили в национальных регионах. Это касалось и влияния национальной образовательной политики, ориентированной на расширение функциональной нагрузки титульного языка и его сознательное государственное планирование и регулирование. Обозначенные процессы могут быть прослежены на примере татарского букваря «Алифбы» и тех изменений, которые произошли с ним на протяжении последнего 20-летия.

Принятая 30 августа 1990 г. Декларация о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики провозгласила, а последовавшая за ней Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. законодательно закрепила наличие в республике двух равноправных государственных языков – татарского и русского. Принятие законов «О государственных языках Республики Татарстан» (от 8 июля 1992 г.), «Об образовании» (от 19 октября 1993 г.), а также «Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ» (24 июля 1994 г.) призвано было наполнить конституционные установки реальным содержанием. Одним из наиболее быстрых и доступных путей решения проблемы представлялось возрастание удельной доли татарского языка в образовании, в том числе посредством расширения сети национальных и смешан-

3. О формировании коллективной и «индивидуальной» идентичности у детей в процессе обращения к учебникам для начальной школы см.: Келли К. «Папа едет в командировку»: репрезентация общественных и личных ценностей в советских букварях и книгах для чтения // Учебный текст в советской школе. – СПб., 2008. – С. 154–179.

ных школ и обучения татарскому и русскому языку в равных объемах в русских школах и классах. Однако задача эта была отнюдь не простая.

Как известно, система школьного образования у татар имела глубокие исторические корни (1,9), а обучение на родном языке рассматривалось как одна из основ нравственного воспитания подрастающего поколения. Однако в связи с попытками воплощения в СССР идеи создания новой исторической общности людей – советского народа с единым сакрализованным советским русским языком – сфера функционирования татарского языка в Татарстане к 1990-м годам резко сузилась. Особенно наглядно это наблюдалось в Казани. В 1990 г. здесь на более чем 200 русских школ приходилась лишь одна татарская; обучение татарскому языку в городских школах часто носило факультативный характер, либо он не преподавался вообще[4]. Ограниченность языковой среды (в публичных местах Казани – магазинах, общественном транспорте, учебных заведениях – нечасто можно было услышать тогда татарскую речь), объяснялась в числе прочего отсутствием четко выраженной мотивации, побуждающей к татароязычному общению, а, следовательно, к изучению языка. Всего в республике татарских школ насчитывалось чуть более 1 тыс., и это были школы преимущественно сельские. Все предметы в этих школах преподавались на татарском языке. Русский язык изучался здесь как отдельный предмет, но не был языком обучения и общения. Многие дети, приходя в татарскую школу, вообще не знали русского языка и учились говорить по-русски с помощью соответствующих изданий, состоящих из лишенного текста визуального ряда (см. 2 и последующие издания), и только потом переходили к обучению по «Родной речи». Однако к 1990 г. на родном языке обучались лишь 20% татар (12, с. 430)[5]. Процесс «возрождения языка очень сильно уступал процессу его исчезновения» (13, с. 69).

В этих условиях остро встал вопрос об учебниках татарского языка для начальной школы, особенно о татарских букварях: тысячи детей, в том числе русскоязычных, впервые переступали школьный порог и всех их нужно было учить татарскому языку. В идеале для разных типов школ и для разных катего-

4. Как вспоминала одна из опрошенных нами респонденток, учившаяся в казанской школе (1970 г. рождения), на очередной перемене в класс входил классный руководитель и возглашал: «Татары – на татарский, все остальные – на труд!» Все и старались пойти на труд – «там было легче». У автора этой статьи, обучавшейся в конце 1960-х – 1970-е годы в одной из специализированных «английских» школ Казани, татарский язык не преподавался вообще – все факультативы были заполнены английским языком.

5. Анализируя аналогичную ситуацию в Калмыкии, В.В. Баранова справедливо отмечала, что «в условиях нарушения языковой трансмиссии в семье ответственность за поддержание числа говорящих на миноритарном языке падает на двуязычное образование». Баранова В.В. Кто и как меняет язык? (Дискуссии о языковом планировании в Калмыкии) // Учебный текст в советской школе. – С. 423. См. также: Baker C. Education as a Site of Language Contact // Annual Review of Applied Linguistics. – 2003. – N 23. – P. 96.

рий учащихся нужны были разные буквари, и такие отличия, действительно, существовали. Так, с 1986 г. Татарское книжное издательство (а с 1993 г. – издательство «Магариф», т.е. «Просвещение») выпускало букварь («Алифбу») Р.Г. Валитовой и С.Г. Вагизова для первого класса четырехлетней татарской школы (в официальных документах Министерства образования и науки РТ это издание обычно именовалось «красным» по цвету обложки). Однако большинство татарстанских детей в 1990-е годы обучалось по «синей» «Алифбе» для трехлетней начальной школы, созданной теми же авторами еще в 1964 г. и выдержавшей более 30 изданий. О ней в первую очередь и пойдет речь. Нас интересовало, в частности, то, как отражалась в «синей» «Алифбе» советская, постсоветская и «национальная» реальности, как они соотносились между собой, как изменилось это соотношение на протяжении 1990-х годов и как все это «прочитывалось», в первую очередь в визуальном языке учебника. «Алифба», как и каждый букварь, представляла собой смешанный текст, но визуальное, что вполне понятно, доминировало здесь над вербальным[6]. Заслуживает внимания также и вопрос о том, когда этот учебник был изъят из учебной практики, почему это произошло и чем он был заменен.

Позднесоветская «Алифба» (18) была довольно типичным советским учебником со встроенным национальным дискурсом. Однако по степени «советизации» она была совершенно несопоставима, скажем, с известным «Букварем» В.Г. Горецкого (4). Так, только эксплицитно обозначенные символы «советскости» (портрет Ленина, изображение окрашенной в красный цвет карты СССР, Красной площади, крейсера «Аврора», буденновки, красного флага, серпа и молота, красного шара как символа политических празднеств, пионерского горна, барабана и красного галстука, красной звезды и октябрятской звездочки, советских орденов и медалей и др.) встречались в визуальном ряде букваря Горецкого не менее чем на трети страниц. Причем в ряде случаев здесь присутствовали вполне завершенные и детально прописанные советские «политические» сюжеты (игра в «конницу Буденного», посещение первоклассниками пионерского уголка, урок «СССР – страна Советов» – всего около 20 (4, изд. 9, 1989, с. 3, 23, 42, 54, 60 и др.). В «Алифбе» таких сюжетов было мало, пожалуй, можно назвать лишь сюжет «В читальном зале», где примерные татарские мальчики с октябрятскими звездочками усердно читали и рисовали что-то в своих тетрадях на фоне большой скульптуры юного Володи Ульянова, ритуальный сюжет приема в октябрята, изображение Красной площади, вероятно, символизирующей весь СССР, и такой известный плакатно-художественный символ «советскости», одинаково востребованный

6. Отдавая должное политической ангажированности учебников, нельзя не принимать во внимание и субъективность взгляда самого автора статьи, смотрящего на проблему «изнутри».

как во взрослых, так и в детских изданиях, как портрет Ленина, читающего газету «Правда» (18, 1988, с. 58, 79, 92, 93). Советские символы и атрибуты, которые подчас даже сложно было рассмотреть (например, октябрятские звездочки на груди у детей), встречались лишь на восьми страницах книги из 100. Впрочем, и от этой немногочисленной советской символики «Алифба» довольно скоро избавилась: уже в издании 1992 г. изображение ритуала приема в октябрята на форзаце сменилось убирающими комнату детьми, а на месте Красной площади и читающего Ленина появились веселые картинки с изображением новогодних празднеств. Однако красные галстуки еще продолжали рдеть на груди «букварных» детей, скульптура юного Ильича попрежнему стояла в читальном зале, а картина все с тем же портретом «взрослого» вождя продолжала висеть над классной доской (18, 1992, с. 17, 28, 44, 58, 76, 85 и др.). В изданиях середины 1990-х годов от всего этого не осталось и следа. «Колхоз» и «совхоз» в текстах заменили «деревней», «колхозник» стал «хлеборобом», из стихотворения «Букварь» двустишие о Ленине изъяли (18, 1995, с. 69, 71, 95).

Тем не менее на протяжении 1990-х годов «Алифба» оставалась вполне «советской» учебной книгой. Она проповедовала вполне «советские» (впрочем, близкие к общечеловеческим) ценности: трудолюбие, прилежание, послушание, заботливость, взаимопомощь, уважение к старшим, любовь к природе и родному краю, чистоплотность, аккуратность. Их демонстрировали как взрослые, так и детские персонажи букваря. Эти нетленные ценности никак не дополнялись новыми, продиктованными временем, «постсоветскими» нормами и образцами. Манера поведения, занятия, одежда, игрушки, мимика, жесты, позы и детей, и взрослых несли на себе печать неистребимой «советскости». В книге не было ни одного отрицательного или комического героя, и такая «правильность» превращалась в скучность.

Главными персонажами «Алифбы» 1990-х годов были, конечно же, дети, но дети, как будто заглянувшие сюда из прошлого. Мальчики, одетые в традиционную советскую школьную форму, носили пилотки и фуражки, девочки – черные и белые фартуки, которых в то время было уже трудно отыскать в магазинах республики. Вместо бывших тогда в употреблении рюкзаков дети ходили в школу с портфелями и ранцами. Они сидели за партами образца 1950-х годов, считали на счетах и вышивали крестиком на пяльцах. Вне школы они также были одеты по моде 30-летней давности: разгуливали на улице в майках (известных в советское время как «тельники»), шапках-ушанках и пальто с меховыми воротниками (тогда как почти все дети в это время уже предпочитали куртки), обувались в странные голубые ботинки и уродливые сандалии, надевали фартуки поверх платья даже дома, причем не для функциональных нужд, а для украшения. Все девочки без исключения носили косы и завязывали банты. В учебнике не было ни одного ребенка, одетого в

джинсы. Вещно-предметный мир, окружающий этих детей, давно и безнадежно устарел: бытовая техника, мебель, посуда, игрушки. Чего стоил только один телевизор, вокруг которого сгрудилась все семья (с. 78), или грузовики (с. 80)! Сверхсемиотичными оказались и изображенные в букваре взрослые: все они почти неустанно трудились (преимущественно физически), но, несмотря на это, были плохо одеты и жили в крайне аскетичной, если не сказать убогой, обстановке. Труд как дело чести (вне зависимости от степени вознаграждения за него) представлял собой, как известно, одну из базовых советских идеологем. И потому идея трудового воспитания была сформулирована и представлена в «Алифбе» четко и определенно, можно сказать, даже в ущерб некоторым другим советским базовым ценностям, в частности идее семьи как ячейки общества.

Причина такой «устарелости» учебника была отчасти понятна – к середине 1990-х годов он выдержал (правда, с изменениями) уже более 30 переизданий. Объяснима была и приверженность издателей к прежнему визуальному ряду: в 1965 г. этот букварь по оформлению занял первое место в России (художник И.Я. Язынин). Но ведь с тех пор прошло уже столько лет, и для «постперестроечного» ребенка предлагаемые (и идеализируемые) букварем образы были весьма отдаленны, почти сказочны. Этот ребенок жил уже в другом мире, и воспроизведенная на страницах учебника советская «идеальная реальность» была ему не просто далека, но и малопривлекательна: к такой жизни не хотелось стремиться, ей не хотелось подражать. В учебнике, таким образом, был нарушен один из главных для детского издания принципов – принцип узнаваемости и, соответственно, ощущения принадлежности, «близости», которая, как известно, конструируется социально (17, с. 12–27).

Поскольку «Алифба» была букварем национальным, здесь должны были реализовываться свои политики видения и оценивания мира и, прежде всего политика национальная. Возможности отхода от общесоветской педагогической парадигмы создали гораздо более комфортные, чем прежде, условия для укрепления национальной идентичности и утверждения национальной культурной специфики. Описывая нацию как культурный артефакт, Б. Андерсон рассматривал ее символы как выражение процесса создания новой идентичности (15), и национальному букварю принадлежало среди них, без всякого сомнения, одно из первых мест. Этноцентричные по определению «национальные» учебники всегда строились по принципу «Мы и Другие»[7]. Однако в

7. Этим противоположением детей не удивить, поскольку в полиэтнических регионах ребенок, как известно, очень рано усваивает стиль межэтнических отношений и столь же рано обретает собственную эмоциональную позицию по отношению к этнически «своим» и «чужим», проживающим в едином социальном пространстве (см.: 10, с. 315).

«Алифбе» советский дискурс потеснил дискурс национальный[8]. Разнообразие выступало лишь формой, сутью же оставалось единство содержания. Обозначение национального осуществлялось путем помещения на страницах учебника совершенно стереотипных образов и простейших комментирующих их слов, фраз и текстов. «Алифбу» населяли и очеловечивали татарские дети и их родители, одноклассники и учителя, друзья и соседи. Изображения этих людей были достаточно стандартизированы, а «национальные» маркеры – типичны: четко вырисованные антропологические черты лица, элементы национальной одежды (тюбетейки на головах мальчиков, платки на головах женщин, особенно пожилых), изображение национальной борьбы на празднике Сабантуй, танцоров в национальных костюмах на сцене, имена детей. Эти маркеры оставались ограниченными и практически неизменными как в советских, так и в постсоветских изданиях 1990-х годов. В целом их было немного.

Персонажи национального букваря должны были не просто демонстрировать атрибуты национальной культуры – они должны были стать носителями и трансляторами национальных традиций и ценностей, более того – некой «этнической эксклюзивности». Поскольку своей «традиционностью», как известно, отмечено именно сельское локальное социокультурное пространство, изображаемая на страницах «Алифбы» культура была культурой преимущественно сельской. Подобный подход неизбежно вел, с одной стороны, к сознательному пространственному ограничению, «фрагментации», «самопоглощенности», сокращению масштаба изображаемой на страницах учебника действительности, а, с другой – к «эстетизации» сельской жизни как идеала повседневности. Именно село олицетворяло здесь Родину. «Национальное» выражалось в «Алифбе» в значительной степени через образ жизни, занятия и поведение людей, живущих в деревне, в селе, в крайнем случае, в районном центре, но уж никак не в большом городе. «Сельские» персонажи представали в учебнике образцами «правильного» социального поведения, они наделялись такими качествами и чертами, на которые следовало равняться в нынешней и будущей жизни и которые обретали, таким образом, статус «идеальных» реалий. Дети вместе со взрослыми участвовали в сборе урожая, пасли лошадей, набирали воду в ведра на колонке, катались на санках с горы на фоне деревенского пейзажа, помогали родителям на конюшне, на пасеке, в крольчатнике, на птичьем дворе. Они ходили на экскурсию на элеватор, а на концерт – в сельский клуб. В букваре не было ни одной картинки с изображением Казани как экскурсионно-мемориальной, так и современной, не говоря уже об изображении других городов Рос-

8. Как замечала И. Сандомирская, «имперский патриотизм советской Родины» успешно подавлял в данном случае доктрину пролетарского интернационализма (11, с .75).

сии и мира. Жизнь как будто застыла, законсервировалась на страницах учебника, а время повернулось вспять.

Можно допустить, что такой подход был до какой-то степени оправдан вплоть до начала 1990-х годов, когда «Алифба» была ориентирована на сельскую татарскую школу. Но затем по этому букварю стали учиться городские дети, и подобное выстраивание нарратива неизбежно обрекало учебник на коммуникативный разрыв и трудности в понимании и транскрибировании предложенных текстов, причем как русскими, так зачастую и татарскими городскими школьниками. Городской ребенок был удивлен – ведь он редко видел на улице мальчиков в тюбетейках, а маму в домашней обстановке – в белом головном платке. Он испытывал ощущение скорее не мультикультурности, а некой инаковости. У него не было желания ни подражать героям букваря, ни оказаться среди них. Когда мы попросили оценить этот учебник одну из нынешних казанских первоклассниц, она заявила, что изображенные в нем дети – «какие-то другие, не такие, какими нормальные дети бывают»[9].

Большинство опрошенных нами молодых людей, поступивших в первый класс городских и сельских школ Татарстана в 1995–1996 гг. и ныне живущих в Казани (22 татарина, 19 русских), вспомнили эту самую «Алифбу» – свой первый учебник татарского языка, похвалили ее за красочность, но при этом заметили, что у них во многом именно благодаря «Алифбе» и учебникам татарского языка уже в ранние школьные годы сложилось устойчивое представление об «исключительной сельскости» татарской культуры[10]. Это не могло не затормозить процесс обучения татарскому языку и приобщения к нему, поскольку в представлении некоторых детей этот язык сопрягался именно с «сельскостью» и обретал мнимую «ненужность» в городских условиях[11]. Этот букварь скорее разъединял, нежели объединял, хотя целенаправленно и не ставил такой задачи.

Таким образом, претерпев определенную, но в общем-то незначительную эволюцию на протяжении 1990-х годов, к началу нового тысячелетия татарский букварь «Алифба» представлял собой причудливую смесь советского и национального, причем одно зачастую репрезентировалось за счет другого. Сам способ подачи «национального» был по большому счету традиционно советским. Вводя ребенка в пространство татарского языка, учебник давал лишь слабую возможность проникнуть в пространство татарской культуры, представленной преимущественно в виде отдельных и не всегда понятных и

9. Интервью с Полиной Ч., 2002 г. рождения // Архив автора.

10. Анкеты Р.Ш., татарина, 1989 г., О.Д., русского, 1989 г. рождения // Архив автора.

11. О трудностях с преподаванием татарского языка в школе в середине 1990-х годов и возможных путях их преодоления см., например: Әсәдуллин А., Фәтхуллова К. Сәйләшергә тел булсын // Мәгариф. – 1995. – № 6. – С. 10–11.

«прочитываемых» им символов и знаков. «Постсоветскость» в учебнике не просматривалась вообще ни как выделение этничного в структуре личностной идентификации, ни как постулирование суверенизации. Традиционализм и «сельскость» ограничивали возможности отображения постсоветской жизни, и прежде всего постсоветской повседневности, хотя именно повседневность и была «главным героем» этого учебника. «Синяя» «Алифба» отнюдь не вписывалась в ситуацию 1990-х годов, отмеченную неуклонным возрастанием роли и места Татарстана в общемировых процессах, успешного встраивания его в глобализационный контекст.

Начиная с 2003 г. ситуация с учебниками в Татарстане существенно изменилась. Произошел переход к новому поколению учебников, к созданию которых были привлечены высокопрофессиональные авторы, в том числе профессора и преподаватели Казанского университета (8). Учащиеся русскоязычных школ стали обучаться по учебнику «Татарский язык», «Алифба» же была сохранена в татарских школах и классах. Эта была все та же «красная» «Алифба» 1986 г. издания, яркая, красочная, отказавшаяся от реалистически будничного изображения действительности в пользу фольклорно-сказочного и полусказочного нарратива (что особенно очевидно проявилось в визуальной риторике), расширившая свой пространственный охват. В книгу были включены картинки и тексты о Казани и отдельных достопримечательностях города (площадь Свободы и оперный театр, памятник Г. Тукаю и рассказ о памятниках Казани, здание цирка и текст с рассказом о его посещении) (19, с. 85, 113, 115). Изображенные в букваре современные средства передвижения подразумевали потенциальную возможность поездок в комфортных условиях и на большие расстояния. «Этнокомпонент» в рассматриваемом учебнике резко усилился: в том или ином проявлении он присутствовал практически на каждой странице букваря. Многие дети и почти все женщины – как молодые, так и пожилые – были изображены в «Алифбе» в национальной одежде или с ее отдельными атрибутами (особенно в домашней обстановке). На страницах книги появилось много героев татарских сказок, и даже персонажи русских сказок (скажем, Лиса и Журавель) были одеты в татарские традиционные костюмы (19, с. 12). Так же были одеты и куклы, с которыми играли дети. Хотя в детском саду детям предлагали ставшие уже вполне «интернациональными» «борщ, щи и кашу», в гостях их угощали эчпочмаком и бэлешом (19, с. 110, 116). Большой знаковый смысл несла картинка, изображающая татарского мальчика в национальном костюме с указкой у огромной красной карты с надписью «Татарстан». Мальчика окружали его сверстники в костюмах бывших союзных республик, а ныне – независимых государств. Была среди них и русская девочка в сарафане и кокошнике. Внизу располагался текст: «Вот карта Татарстана. Татарстан – Родина. Родина – страна (край) дружбы. А они – дружные братья». Здесь Татарстан был таким,

как все, равным среди равных (19, с. 52). Правда, татарский флаг, с которым скакали юные джигиты на игрушечных лошадках в букварях1990-х годов, в 2004 г. исчез (19, с. 30, 52). В этом учебнике уже был виден размах, выход за узкие, «ограничительные» рамки, сочетавшийся с «родиноведческим» подходом, и при этом – с несвободой от идеологии.

Сегодня, в условиях исключения национально-регионального компонента из Федерального образовательного стандарта в соответствии с законом, принятым Государственной думой РФ 14 ноября 2007 г., вопрос о национальных букварях приобрел в Татарстане еще большую актуальность. 11 октября 2009 г. в Казани прошел очередной, 20-й День памяти защитников города. В митинге приняли участие около двухсот активистов татарского национального движения, а также исламистская молодежь, поднявшие среди прочих и плакат «Требуем! Запрета русского языка в образовании, как запрещен татарский». В резолюции митинга среди проблем татарского народа были обозначены и такие, как «закрытие около трех тысяч татарских школ», перевод образования в Татарстане на русский язык, принятие Федерального закона 309, отменяющего национально-региональный компонент (см., напр., 14). Хотя, как известно, незадолго до этого сам президент Татарстана Минтимер Шаймиев заявил, что, в соответствии с разрабатываемыми на федеральном уровне стандартами образования, в школах республики «есть полные возможности, если не с избытком, осваивать свой родной язык». И, действительно, на сегодняшний день, по крайней мере, в начальной школе Татарстана все остается по-старому: татарский язык, как и прежде, занимает в учебной сетке пять часов в неделю, и изучение его является обязательным как для детей-татар, так и для детей других национальностей.

В связи с этим возникают вопросы: как должны соотноситься между собой «букварный романтизм» и объективные реалии? Где граница между достоверностью и полнотой букварных знаний и вымыслом и сказочностью, без которых не может обходиться ни одно издание для маленьких детей, в том числе и учебное? Насколько «патриотичен» должен быть национальный букварь и допустимо ли выражение этого патриотического через политическое? Все эти вопросы еще ждут своего ответа, и все они еще раз свидетельствуют о важности участия независимых, неангажированных специалистов в создании татарского букваря.

Литература

1. Амирханов Р. Развитие народного образования у татар в дооктябрьский период // Мәгариф. – 1992. – № 8. – С. 36–39; № 9. – С. 40–43; № 10. – С. 35–38.

2. Асадуллин А.Ш. Учимся говорить по-русски: Учебное пособие по русскому языку для детей, обучающихся с шести лет. – Казань, 1986. – 71 с.

3. Баранова В.В. Кто и как меняет язык? (Дискуссии о языковом планировании в Калмыкии) // Учебный текст в советской школе. – СПб., 2008. – С. 417–424.

4. Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф. Букварь. – Изд. 7–11. – М., 1987–1991. – 128 с.

5. Касьянов Г.В. Национальный нарратив: Канон и его соперники (постсоветское пространство, 1990–2000-е гг.) // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. – М., 2008. – С. 195–196.

6. Келли К. «Папа едет в командировку»: Репрезентация общественных и личных ценностей в советских букварях и книгах для чтения // Учебный текст в советской школе. – СПб., 2008. – С. 154–179.

7. Макаревич Г., Безрогов В. Конструирование образовательного идеала в учебнике // Развитие личности. – 2005. – № 4. – С. 79–99.

8. Максимов Н.В. Анализ учебников и учебно-методической литературы по татарскому языку для русскоязычных учащихся образовательных учреждений с русским языком обучения // URL: http://rcpio.ru/node/60

9. Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар. (Борьба вокруг школьного вопроса. 1861–1917). – Казань, 1982.

10. Мухина В.С. Возрастная психология: Феноменология развития, детство, отрочество. – М., 1999.

11. Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. – Wien, 2001.

12. Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Галямова А.Г. История Татарстана. XX век. 1917–1995 гг.: Учебное пособие. – Казань, 1998.

13. Тагиров И.Р. Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств и положение татарского языка в Российской Федерации // Тагиров И.Р. Европейские стандарты прав человека и законодательство Республики Татарстан. – Казань, 2001. – С. 69–73.

14. Татары назвали Ивана Грозного организатором геноцида // URL: http:// www/rosbalt/ru/2009/10/12/679450.html

15. Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. – L., 1991.

16. Baker C. Education as a site of language contact // Annual review of applied linguistics. – 2003. – № 23. – P. 95–112.

17. Bauman Z. Modernity and the holocaust. – Cambridge, 1991.

18. Вәлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Әлифба. – 23-27 басма. – Казан, 1987–1991. – 103 б.

19. Вәлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Әлифба. – Казан, 2004. – 116 б.

20. Әсәдуллин А., Фәтхуллова К. Әсәдуллин А., Фәтхуллова К. Сәйләшергә тел булсын // Мәгариф. – 1995. – № 6. – С. 10–11.

А.В. Кива

КИТАЙ И РОССИЯ: РАЗНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ, РАЗНЫЕ РЕФОРМЫ

**Кива Алексей Васильевич – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.**

За последние годы не раз приходилось слышать, в том числе и от авторитетных ученых и общественных деятелей, самые разные точки зрения на китайские реформы. Одни говорят о них восторженно, другие в основном указывают на негативные стороны, третьи ошибочно считают, что их можно копировать. Однако едва ли не большинство авторов, признавая их неоспоримый успех, полагают, что нам, россиянам, чтобы реализовать китайскую модель реформ, надо стать китайцами.

Вряд ли можно назвать такой подход абсурдным – скорее он односторонний. Наверное, при анализе китайского общества можно вполне корректно использовать подход Николая Бердяева к анализу российского общества, подход в парадигме антиномии. То есть с равным успехом можно доказывать истинность, казалось бы, взаимоисключающих утверждений. Начнем с первого из них.

Китай и Россия – разные цивилизации

Действительно, это разные цивилизации и по возрасту, и по менталитету народов. Перефразируя известное выражение, скажем, что хорошо для китайца, для русского, россиянина – смерть.

Китайская цивилизация – одна из сохранившихся древних цивилизаций, в то время как российская цивилизация сравнительно молода. Причем, как утверждал Бердяев, «в русской истории, вопреки мнению славянофилов, нельзя найти органического единства… В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую,

Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую, советскую Россию» (1). На смену которой пришла постсоветская Россия[1].

Китайская же цивилизация, по сведениям китайских историков, насчитывает пять тысячелетий. Некоторые из них полагают – четыре. Но поскольку Китаем правили почти сорок династий, его не раз завоевывали монголы и маньчжуры, то в истории страны тоже было немало «разных Китаев».

В Китае письменность появилась к 2000 году до н.э. На Руси – после крещения в 988 г. Всемирно известный философ Конфуций творил почти 2500 лет назад (551–479 гг. до н.э.). Лао Цзы, основатель философии даосизма, важнейшей составляющей китайской культуры, жил в конце VI – начале V в. до н.э. Последователь Конфуция философ Мэн-Цзы (372–289 гг. до н.э.) дополнил положение своего учителя о «Небесном Мандате правителя» положением об «Изменении Небесного Мандата». То есть об отказе «Неба» на правление императору-тирану или императору-негодяю, заботящемуся больше о себе и своих близких, чем о народе. Мэн-Цзы, считающийся вторым после Конфуция философом по влиянию в китайском обществе, обосновал право народа на революцию, что нередко и случалось в Китае, когда восставшие крестьяне прогоняли нерадивого правителя. Можно было бы назвать еще много выдающихся китайских мыслителей – у нас же таковые появились в лучшем случае в Средние века.

Но, пожалуй, куда важнее следующее утверждение Бердяева: «Русский народ, – писал он, – по своей душевной структуре народ восточный. Россия – христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи» (1, с. 7). Эту мысль Бердяев будет повторять не раз. «В душе русского народа, – подчеркивал он, – происходила борьба Востока и Запада… Русский коммунизм есть коммунизм восточный. Влияние Запада в течение двух столетий не овладело русским народом. Мы увидим, что русская интеллигенция совсем не была западной по своему типу, сколько бы она ни клялась западными теориями». И назовет он Россию, находящуюся на стыке Востока и Запада, «Востоко-Западом». Или в нынешних терминах – евразийским государством.

Формирование в России двух идейных течений общественной мысли – западничества и славянофильства и возникший в результате дуализм национального самосознания – это вопрос не только и, возможно, не столько теории, сколько политической практики, а говоря шире, – исторической судьбы России. В периоды глубоких общественных кризисов западники выходят на передние

1. По мнению же В.О. Ключевского, славяне переселились с Дуная в Прикарпатье. Следовательно, история России началась с VI в. В свою очередь крупный историк и языковед академик А.А. Шахматов считал, что первой прародиной славян был бассейн Западной Двины и Нижнего Немана в Прибалтике. А это рубеж II – III вв.

рубежи противостояния и нередко побеждают. Но будучи в меньшинстве, они скоро теряют завоеванные позиции. Так произошло вскоре после Октябрьской революции 1917 г., когда большевики-интернационалисты были оттеснены от власти большевиками-великодержавниками. Подобная тенденция сохраняется и после антикоммунистической демократической революции конца 1980-х – начала 1990-х годов, вплоть до сего дня, и это не могло не сказаться на ходе реформ.

В Китае же дело обстоит совсем по-другому. Некоторые авторы считают, что Китай в прямом смысле слова вообще никто не смог завоевать, поскольку сами завоеватели раньше или позже становились «завоеванными» несравнимо более высокой китайской цивилизацией, перенимая китайский язык и культуру и подвергаясь ассимиляции. Как пишет китаист Андрей Исаев, «...история учит, что все переселенцы и завоеватели, приходившие в эту страну, рано или поздно превращались в китайцев». И далее: в сфере духовной жизни Китай ничего не заимствовал извне, «единственное, что воспринял извне Китай из мира идей, – это буддизм. Да и то учение это долгое время воспринималось как ответвление своего, китайского даосизма» (2).

Примем все это на веру и постулируем, что если мы склонны подражать едва ли не во всем Западу, то китайцы, беря максимум того, что можно взять из области научного знания, техники, технологий, менеджмента, свято оберегают свою культуру, традиции, а заимствования из других областей часто «китаизируют».

Многие аналитики указывают на еще одно чрезвычайно важное отличие россиян от китайцев. Как страна, отставшая в своем развитии, мы взяли на вооружение формулу «догоняющего развития», как и большинство других государств в сходной ситуации. Китай же, утверждают эти аналитики, никого не догоняет – он стремится восстановить свое былое могущество. (Так ли это на самом деле, мы рассмотрим чуть ниже.) Жители Китая многие века полагали, что их страна расположена в центре мира, поэтому и название ее Чжунго – «Срединное государство». Они считали себя представителями единственной на земле высокоразвитой цивилизации, остальные страны для них были варварскими. Существует точка зрения, что на протяжении большей части свой истории Китай был на деле развитым, могущественным государством, еще в начале XIX в. он производил треть мирового ВВП[2]. И вдруг к середине века страна подошла к грани национальной катастрофы.

2. Китаист Я.М. Бергер, ссылаясь на подсчет английского историка Пола Кеннеди, приводит такие данные. В 1750 г. на долю Китая приходилось 32% мирового ВВП. А на долю территорий пяти современных европейских стран – Англии, Франции, Германии, России и Италии – всего 17%. К 1830 г. ВВП Китая и «европейские пятерки» сравнялись на уровне 29%. К 1900 г. доля Китая в мировом ВВП упала до 6% // Московский комсомолец. – М., 2009. – 30 сентября.

Затянувшаяся гражданская война, «опиумные» войны, англо-французская интервенция, поддержанная США, навязанные ей «победителями» унизительные договоры. Все это во многом стало следствием высокомерной многовековой изоляции Поднебесной от остального мира и автаркии, что и привело ее к прогрессирующему отставанию от ведущих стран Запада.

Что же касается проблемы, догонять кого-то или развиваться по собственному императиву, то у обоих вариантов есть как плюсы, так и минусы. Начнем с минусов. Когда перед страной ставится задача кого-то догнать, то тем самым вольно или невольно признается ее отсталость, а практическая нереализуемость этой задачи нередко порождает в обществе разочарование, апатию, чувство национальной ущербности.

Совсем другое дело когда власти ставят перед обществом задачу не кого-то догонять и перегонять, а вернуть стране ее былое место в мире, как это практикует нынешний Китай, где проводят такую политику, которая убеждает народ в достижимости поставленной цели. Это стимулирует массовый энтузиазм и невероятное упорство в достижении цели. К этому нередко добавляется еще и потайное стремление общества реабилитировать себя за прошлые поражения и унижения. Многие американские и европейские исследователи подчеркивают: Китай развивается гораздо быстрее, чем это вытекает из теоретических расчетов. В ходе полевых исследований выяснилось, что в Китае крупнейшие объекты, как правило, строятся в 2 раза быстрее, чем в развитых странах, и в несколько раз дешевле. Например, участок Тибетской железнодорожной магистрали Голмуд–Лхаса–Цинхай протяженностью 1142 км со средней высотой над уровнем моря 4 тыс. м и многочисленными мостами и тоннелями был построен менее чем за пять лет (2001–2006) и стоил всего… 4,7 млрд долл.[3] Неправдоподобно быстро был проложен скоростной железнодорожный путь длиной около 1 тыс. км, соединивший два мегаполиса – Ухань и Гуанчжоу, по которому прошли поезда фирмы «Сименс» с максимальной скоростью 394 км в час. И уж точно оказались плохими пророками те из отечественных и зарубежных аналитиков, которые еще в начале 1990-х годов, приводя, казалось бы, убедительные доводы, предсказали неизбежный крах китайских реформ. Они и сейчас не перевелись.

Общее в истории Китая и России

Это общее вытекает отнюдь не из родственных культур (4), а из того, что каждая из этих крупных стран в разные исторические эпохи оказывала огромное влияние на окружающий мир. Россия еще недавно была крестьянской страной, а в Китае по сей день большинство населения представляет собой

3. http://www.travel.ru/news/2005/10/17/77423.html

крестьянство (соотношение сельского к городскому населению составляет примерно 800:600 млн человек). Отсюда сильное влияние на общественную жизнь традиционализма. И поскольку в обеих странах существовали тиранические режимы, то в них, особенно в Китае, нередко случались крестьянские восстания, не приводившие, однако, к ликвидации тирании.

У обеих стран были и тяжелые периоды в истории, когда они теряли национальный суверенитет. Не следует забывать и то, что Россия и Китай – соседи, которые по крайней мере в Новое и Новейшее время активно взаимодействовали, шло взаимовлияние культур. То, каким влиянием в китайском обществе пользовались русско-советская литература, музыка, театр и пр., хорошо известно. Но и в нашей стране давно известны творения крупнейших китайских философов, прежде всего Конфуция, переводились книги многих выдающихся китайских писателей, таких как, например, Лао Шэ, Лу Синь и др. Исследователи отмечали влияние Китая на русскую архитектуру и искусство (3). Не гаснет интерес к китайской культуре поддержания здоровья человека без применения медикаментозных средств, к зародившейся в Китае школе восточных единоборств.

СССР активно помогал китайским революционерам в борьбе против иноземных захватчиков и местной феодально-бюрократической верхушки, без советской помощи победа китайских революционеров была бы проблематичной[4]. Впоследствии СССР содействовал КНР в деле развития национальной экономики, техники и науки, что, полагаю, хорошо известно. Известно и то, что в советско-китайских отношениях был тяжелый период, в том числе и по вине советского руководства. Однако в чем же проявляется общее между странами?

Во-первых, только две крупные страны миры – Россия и Китай – взяли на вооружение зародившийся в Европе марксизм. И та, и другая страна по уровню развития не дотягивала до того, чтобы реализовать на практике марксистскую теорию, изначально предназначенную для наиболее развитых стран. Но это учение было в одном случае «русифицировано» а в другом – «китаизировано». Говоря по-другому, упрощено, адаптировано к местным условиям. Марксизм был использован чисто утилитарно – для решения поставленных историей задач перед той и другой страной. В России – для осуществления модернизации в кратчайшие исторические сроки и превращения страны в могучую державу, в Китае – для мобилизации широких слоев населения на борьбу с японскими оккупантами, режимом Чан Кайши, за объединение и укрепление страны, которая многие последние десятилетия страдала от распрей и междоусобиц. А затем – примерно так же, как и в СССР, для ускоренной модернизации страны.

4. Достаточно сказать, что в 1946 г. советское командование передало Народно-освободительной армии Китая огромный военный арсенал разгромленной японской Квантунской армии, включая 600 танков, 861 самолет.

Во-вторых, обе страны оказались во власти социального утопизма и гигантомании. Еще до того, как первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв инициировал принятие в 1961 г. программы построения коммунизма за 20 лет, Председатель ЦК КПК Мао Цзэдун в 1958 г. провозгласил политику «трех красных знамен»: новая генеральная линия, большой скачок, народные коммуны. Это была политика форсированного построения в стране коммунизма, как он понимался лидером КНР. Под девизом Мао Цзэдуна «десять лет упорного труда – и десять тысяч лет счастья» (а потом уже свели до «трех лет упорного труда») были намечены гигантские по масштабам и стремительные по темпам преобразования. Так, по пятилетнему плану на 1958–1962 гг. предусматривалось увеличение выпуска промышленной продукции в 6,5 раза, сельскохозяйственной – в 2,5 раза, причем среднегодовой прирост в промышленности должен был составить 45%, а в аграрном секторе – 20%. Выплавку стали предполагали увеличить в 10 раз – с 10 млн т. до 100 млн т. В сельской местности начался переход к «народным коммунам». Коммуна рассматривалась в качестве универсальной формы организации общества вначале в деревне, а потом и в городе.

Понятно, что вся эта затея провалилась, однако стоила она Китаю нескольких десятков миллионов жизней в результате массового голода, охватившего страну из-за ликвидации приусадебных участков и неурожайных лет. Не успела страна прийти в себя после «большого скачка», как началась ее «культурная революция» (1966–1976), дезорганизовавшая ее хозяйственную и общественную жизнь и унесшая (в том числе в ходе самосудов хунвейбинов) много человеческих жизней. При этом была уничтожена и немалая часть богатейшего культурного наследия Поднебесной.

В-третьих, на деле Китай во времена Мао Цзэдуна руководствовался принципом «догоняющего развития». Так, планировалось за 15 лет догнать Англию, за 20 лет – США и в течение трех лет сравняться с Японией по уровню сельскохозяйственного производства.

В-четвертых, обе страны демонстрировали неприкрытый мессианизм. СССР, как известно, много сил и средств тратил в борьбе за мировую революцию и расширение мировой социалистической системы. «Братская помощь» афганским революционерам окончательно подорвала силы СССР и дискредитировала его в глазах мирового сообщества. После смерти Сталина Мао Цзэдун, не считая Хрущёва равным себе теоретиком и политиком, да и будучи еще ярым противником разоблачения «культа личности» Сталина, начал претендовать на лидерство в мировом коммунистическом движении, а когда это ему не удалось, стал стремиться поставить под свое влияние коммунистические и другие левые партии и организации в «третьем мире». После того как маоистское руководство объявило, что страны «третьего мира» созрели для революции, Пекин, с одной стороны, стал оказывать материаль-

ную помощь лояльным себе режимам, а с другой – создавать в странах разных континентов маоистские группировки, многие из которых, уйдя в подполье, стали вести вооруженную борьбу с «реакционными» режимами. На все это уходили огромные средства, в то время как сотни миллионов людей в собственной стране жили на грани голода.

В-пятых, и в Китае при Мао Цзэдуне, и в СССР при Сталине, а отчасти и Хрущёве появилось много научно необоснованных инициатив, «завиральных идей» – простых решений сложных проблем. В частности, у нас это победа над природой и засухой, война с генетикой и кибернетикой, распространение антинаучных воззрений «народного академика» Т.Д. Лысенко и т.д. В Китае помимо того, о чем говорилось выше, это крупномасштабная борьба против «четырех вредителей»: крыс, воробьев, мух и комаров. Миллионы китайцев гонялись за пернатыми, исходя из «научно обоснованной теории», что через несколько часов те замертво рухнут на землю. Только после истребления пернатых урожаи не увеличились а, напротив, уменьшились. Был и такой лозунг: «Превратим желудок каждого китайца в маленький заводик по выработке удобрений». И это мало способствовало повышению урожайности из-за скудости питания большинства китайцев.

В-шестых, стиль руководства и поведения первых руководителей СССР и Китая – Сталина и Мао Цзэдуна – был очень схожим. Оба активно содействовали своему обожествлению, формированию собственной исключительности и не терпели ни малейшей критики в свой адрес, а те, кто это себе это позволял, раньше или позже подвергались репрессиям[5]. Допущенные опасные просчеты и грубые ошибки они стремились свалить на других.

В чем живучесть китайской цивилизации?

Итак, Китай прошел через инициируемые председателем ЦК КПК Мао Цзэдуном «большой скачок» и «культурную революцию», в ходе которой одни выдающиеся партийные и государственные деятели погибли, другие – были репрессированы. В числе последних и решительный противник волюнтаристской политики Мао, многоопытный государственный деятель – Дэн Сяопин, пользовавшийся большой популярностью в партии и обществе. По настоянию премьера Чжоу Эньлая Дэн Сяопин был возвращен из ссылки и активно включился в работу по преодолению губительных последствий «культурной революции». Однако из-за угрозы нового ареста он вынужден был скрываться на юге страны. После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. Дэн Сяопин вернулся в Пекин

5. Справедливости ради надо сказать, что первые годы после образования КНР культа Мао в Китае не было. Более того, когда ему исполнилось 60 лет, то китайцы об этом узнали из поздравления советского руководства. Можно допустить, что именно советский пример создания культа руководителей оказался заразительным почти для всех бывших соцстран.

и вскоре фактически стал реальным руководителем государства, не будучи ни генеральным секретарем ЦК КПК, ни председателем КНР, но занимая ключевой пост в руководстве армии. По его инициативе на 3-м пленуме ЦК КПК 11 созыва в декабре 1978 г. было принято поистине революционное решение о проведении политики «реформы и открытости». И вскоре непререкаемым авторитетом снова стал Конфуций, приобрели былую популярность изречения и поучения Лао-Цзы, Мэн-Цзы и других выдающихся китайских философов. «Вышла из подполья» традиционная китайская этика отношений между властью и народом, старшими и младшими и т.д. Китайская цивилизация, таким образом, возвращалась в свое русло! Так в чем же ее живучесть?

«Чжунго, или Срединное царство, как называли свою родину китайцы, – пишет глубокий знаток Востока В.В. Овчинников, – единственная страна в мире, чья древность непосредственно смыкается с современностью. Причем дело тут не только в непрерывности пятитысячелетней истории, но и в незыблемом уважении к ней. Жители Поднебесной убеждены, что камни прошлого – ступени на пути к будущему» (6). Как отмечает далее Овчинников, «Конфуций появился на исторической сцене 25 веков назад, в смутное время нескончаемых междоусобиц, когда главным стремлением людей была жажда мира и порядка. Проблемы управления государством, отношения верхов и низов общества, нормы нравственности и морали – вот стержень конфуцианства…» «Государь должен быть государем, а подданный – подданным. Отец должен быть отцом, а сын – сыном». «Эта ключевая фраза из книги Конфуция “Размышления и слова”, – подчеркивает Овчинников, – имела в эпоху раннего феодализма прогрессивное значение. Ведь она означала, что на преданность подданных вправе рассчитывать лишь справедливый государь, на сыновнюю почтительность – лишь хороший отец» (17). Гуманистическое учение Конфуция, в том числе формула поведения верхов и низов, так не понравилась деспотическому императору Цинь Шихуану, что в 213 г. до н.э., т.е. через много лет после смерти Конфуция, он приказал сжечь его сочинения, а более 400 проповедников этого учения заживо похоронить. Но похоронить само учение ему не удалось.

А вот мнение тоже очень авторитетного востоковеда профессора В.В. Малявина: «Главный принцип китайской культуры – «соответствие моменту», что предполагает «преемственность в изменениях» (тун бянь)… Дух китайской культуры способен к бесконечному разнообразию своих проявлений в истории… Ядро китайской культуры, ее жизненный нерв часто определяют как приверженность идее совместной и гармоничной жизни людей. Любой китаец на вопрос о том, что для китайцев есть высшая ценность, не задумываясь ответит: согласие, или гармония (хэ) между людьми… китайцы приучены не ставить свое “Я” на первое место и открыто заявлять о своих личных интересах и желаниях». И далее: «…Китайцы воспринимают свою

социальную среду как часть собственной судьбы, и притом едва ли важнейшую ее часть, которая служит самым беспристрастным судьей людских достоинств и недостатков. Китайцы верят в моральное воздаяние за поступки, неотвратимо проявляющееся в людском мнении и людской молве. Личная честность и справедливость в отношениях с другими воспринимается ими скорее в прагматичном ключе – как действительный социальный капитал личности. А вера в неотвратимость справедливого возмездия уже в этом мире служит в китайском обществе в известном смысле даже более эффективным регулятором поведения, чем идея загробного суда в западных религиях» (4).

Наверняка может возникнуть вопрос: если китайское общество очень консолидировано, стремится к гармонии, а место каждого в нем зависит прежде всего от него самого, при том, что оно (общество) еще и следует конфуцианским заповедям, то чем же объяснить те грандиозные катаклизмы уже в Новое время – в XIX и XX вв.? Мне видится такое объяснение. Во времена глубоких общественных кризисов и потрясений вековые стереотипы поведения притупляются, и если при этом появляются сильные харизматические лидеры, то они вполне могут повести за собой массы и навязать им свое понимание дальнейшего развития страны и новую систему ценностей. Однако стереотипы поведения, как и основные ценности народа, заложены в архетипе (коллективном бессознательном), обладающем большей устойчивостью к переменам, и, как только жизнь нормализуется, все возвращается на круги своя.

Специфика китайского общества

Ставя вопрос об уникальных чертах китайского общества, отметим, во-первых, что еще в Древнем Китае высоко ценилась образованность и чиновников выбирали по конкурсу, т.е. действовал принцип меритократии. В ходе нынешних реформ руководителей также подбирают по принципу профессионализма, опыта работы, а не клановости, лояльности, свойства и пр. Им неведомы такие феномены, как «днепропетровская», «молдавская» или «питерская» команды. (Правда, иногда говорили о «шанхайской команде» Цзян Цзэминя, только он взял из Шанхая не «своих», а лучших.) За годы реформ Пекин направил в развитые страны, и прежде всего в США, более 1 млн студентов и стажеров, и многие из них вернулись в страну и составили костяк новой научной элиты в университетах и исследовательских центрах. Стремление к знаниям и конкуренция по уровню профессионализма присущи и многим другим обществам, однако в Китае эти качества имеют очень глубокие корни.

Во-вторых, это поистине трепетное отношение китайцев, в какой бы стране они ни жили, к «матери-родине». Именно китайские общины в других странах, так называемые «хуацяо», первые десятки миллиардов долларов вложили в китайские экономические, технологические и прочие свободные

зоны. Даже из Тайваня в Китай пришло около 100 млрд долл. в качестве инвестиций. И когда руководство КНР призывает китайцев, крупных ученых и специалистов, состоявшихся в странах Запада, вернуться на родину, то этот призыв не остается без ответа. Россияне же, наоборот, вывозят капитал из собственной страны и не очень-то склонны помогать своей исторической родине. Академик М.Л. Титаренко подчеркивает: «Отличительная черта китайской цивилизации – мощная самоидентификация»[6]. А русские по сей день спорят, кто они – европейцы или евразийцы.

В-третьих, китайцы с трудом ассимилируются и стараются в других странах жить компактно, образуя так называемые чайна-тауны, которые славятся своей благоустроенностью, чистотой, прекрасной и недорогой кухней.

В-четвертых, китайцы умеют делать деньги из ничего или почти из ничего. Очевидно, скудость ресурсов в такой перенаселенной стране, как Китай, заставила его предприимчивых жителей извлекать доход там, где представителям других этнических групп и в голову не придет. Вот пример. В 2006 г. среди китайских миллиардеров первую строку заняла женщина средних лет по имени Чжан Инь, заработавшая 3,4 млрд долл. на сборе макулатуры, которую ее предприятия перерабатывали в тару. В Китае, насколько мне известно, на присвоении общенародной собственности никому не удалось сколотить миллиардного состояния, а те, кто попытался это сделать, жестоко поплатились.

В-пятых, в китайском языке, как известно, нет алфавита, а есть иероглифы, которые не отражают звукового строя языка. Это рождает особый способ передачи мысли и особый образ мышления. Как говорит китаист Андрей Исаев, в отличие от европейцев, мыслящих абстрактно-понятийно, «мышление китайцев конкретно-символическое, что помогает им сосредоточиваться на решении конкретных задач, не отвлекаясь на всякие там абстрактные построения» (2). Китайцы иначе, по сравнению с европейцами, воспринимают время. Если для нас оно убывает, то для них оно прибывает. Они никуда не спешат и мыслят совсем другими масштабами, чем мы. Для них 50–100 лет звучит также естественно, как для нас 5–10 лет. Если китайские лидеры говорят, например, что строительство социализма с китайской спецификой займет 50, 100 и даже больше лет, это нормально воспринимается массовым сознанием.

Когда академика В.С. Мясникова спросили о главных чертах китайского характера, то он ответил: трудолюбие, упорство и взаимопомощь. А потом еще добавил: «…массовое участие китайцев в гражданской войне у нас на стороне, разумеется, красных показало, что китайцы никогда не отступали, они были лучшие пулеметчики» (5).

6. http://www.bankfax.ru/page.php?pg=47265

И, пожалуй, последнее. Общество, как, наверное, и человек: чем старше, тем становится мудрее. Китайское общество, за спиной которого тысячи лет цивилизации, способно находить очень удачные решения сложнейших проблем. Дэн Сяопину, например, удалось решить ту проблему, которая в европейских странах считалась нерешаемой, а именно: не разрушать «до основанья» прежнюю общественную систему, а постепенно с помощью самой компартии ее трансформировать, меняя – и тоже постепенно – ее социальный состав и идеологию. Или другой пример. Переход бывшей английской колонии Гонконг (ныне Сянган) под юрисдикцию КНР произошел по принципу: одна страна – две системы, что позволило сохранить этот мировой финансовый центр как мощнейший пылесос, втягивающий в КНР иностранную валюту.

Реформы в Китае и России

Первое. Что определяет успех реформ? Это, безусловно, роль личности в кризисные времена. Сильный и многоопытный Дэн Сяопин подобрал и сильную команду и установил правила ротации кадров. Не более двух сроков по пять лет каждый для генерального секретаря ЦК КПК и председателя КНР (в одном лице) и столько же для премьера Госсовета. И кадры стали формироваться по рейтинговому принципу отбора сильнейших, доказавших умение руководить крупными центрами и коллективами. Например, сменивший Дэн Сяопина на посту первого руководителя страны Чжан Цзэминь был успешным мэром почти 20-миллионного Шанхая – крупнейшего промышленного, научно-технического, торгового и культурного центра страны. У нас во власти личностей уровня Н. Косыгина, А. Звенягина, П. Ломако, Е. Славского не оказалось ни в годы перестройки, ни в начале российских реформ.

Второе. Не менее важное значение в успехе реформ имеет сама модель реформ. У нас собственной модели не было, мы реализовали американскую модель, простую до примитивизма: отпуск цен, массовая и как можно быстрая приватизация и либерализация внешнеэкономических отношений. К чему это привело мы хорошо знаем. Для России с огромной территорией и по большей части холодным климатом, с резкими перепадами в уровне развития регионов, с многочисленными моногородами, да еще и с закрытой экономикой, не знавшей конкуренции, такая модель была убийственной. И вообще заимствованная модель реформ редко дает ожидаемые результаты.

Виноваты ли в этом «младореформаторы» (которых острый на язык Г.А. Явлинский поделил на «реформаторов-идеалистов» и «реформаторов-колбасников»), трудно сказать. Отечественная экономическая наука была загублена в сталинские времена, когда были репрессированы крупнейшие ученые, включая Н.Д. Кондратьева (основателя теории «длинных волн») и аграрника А.В. Чаянова, выступавшего за развитие в России мелкого

фермерства и против принудительной коллективизации[7]. Сказалось и самодовольство, проявившееся еще во времена Горбачёва. Так, академик В.С. Мясников рассказывал, что он решил представить окружению Горбачёва талантливейшего китайского экономиста Чэнь Ицзы, который сыграл важнейшую роль в создании сверхэффективной модели китайских реформ, однако наших «корифеев» это не заинтересовало (5).

Китай пошел по своему пути. Вначале тщательно был изучен мировой опыт преобразований, включая НЭП, реформы Косыгина, венгерские реформы, реформы «новых индустриальных стран» (Южная Корея, Сингапур и др.). В Пекин для консультаций пригласили даже «крестного отца» современного неолиберализма, ныне уже покойного американца Милтона Фридмена. И только потом была принята концепция реформы и открытости. Открытость означала создание свободных экономических зон (СЭЗ), через которые Китай стал получать инвестиции, новые технологии и управленческий опыт. Они стали основной базой китайского экспорта и очень эффективно способствовали вхождению Китая в мировую экономику с сильных позиций. Именно СЭЗ обеспечили поступление в страну более 800 млрд. инвестиций извне и создание международными компаниями около 700 научно-исследовательских центров.

Третье. Во всех быстро растущих странах переходного периода, включая Китай, упор делался на создание нового богатства, т.е. на развитие, а не на передел существующей собственности. Постсоветская же власть пошла прямо противоположным путем. В эти годы были разрушены единая энергосистема, гражданская авиация как единый комплекс, деградировал некогда мощный морской флот и т.д. А сверхбыстрая и несправедливая приватизация вызвала такие тяжелейшие экономические, технологические, социальные и нравственные последствия, которые будут давать о себе знать еще многие годы.

Четвертое. У нас ошибочной была стратегия развития – ставка на сырье, в первую очередь на энергоносители, что в полной мере дало о себе знать в период кризиса, когда резко упали фондовый рынок, ВВП, промышленное производство и также резко пошла в гору безработица. А Китай и Индия сделали ставку на развитие промышленности и высоких технологий и меньше других стран пострадали от кризиса. В этих странах производство продолжало быстро расти и в кризисном 2009 г.

Пятое. В экономической политике наши реформаторы, в отличие от реформаторов быстро растущих стран, не воспользовались принципом сравнительных преимуществ. В Китае это огромный потенциал деревни, где и начались реформы, дешевая рабочая сила, удобные для мировой торговли

7. В 1929 г. И.В. Сталин произнес: «Непонятно только, почему антинаучные теории "советских" экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати». В июле 1930 г. Чаянов был арестован.

прибрежные районы и, конечно же, разбросанные по миру богатые китайские общины, которые активно откликнулись на призыв Дэна помогать исторической родине. У нас – это огромный научно-технический потенциал, но он оказался не востребованным сырьевой экономикой и, как минимум, на 70% был утерян. Это также богатейшие природные ресурсы, но и они стали работать не на модернизацию экономики, как в странах Персидского Залива или Норвегии, а на ее деградацию, и не только потому, что нефтедоллары не шли в экономику! Дело в том, что для местного олигархического и западного капитала чрезвычайно высокий процент прибыли и ее масса в сырьевом секторе стали несравнимо более привлекательными, чем таковой в промышленности, сельском хозяйстве и высоких технологиях. А постоянно растущие цены на товары и услуги естественных монополий стали душить местное производство.

Несколько цифр о достижении Китая за 30 лет реформ (1978–2008 гг.)

Согласно официальным данным, среднегодовой рост Китая за 30 лет составил 9,8%. В итоге, ВВП КНР вырос в 15 раз, достигнув в 2008 г. 4,4 трлн долл. по обменному курсу, однако по паритету покупательной способности эту цифру надо умножить в 2–3 раза. В 2009 г. ВВП КНР увеличился еще на 8,7%, составив уже около 5 трлн долл. Среднедушевой доход (по номиналу) исчислялся 2,8 тыс. долл.[8]. По размерам золотовалютных резервов (ЗВР) КНР в 2006 г. уступала Японии, которая имела 1 трлн долл. Однако к началу 2010 г. Китай имел уже 2,6 трлн долл. ЗВР. В 2009 г. в Китае было продано 13,5 млн автомашин, больше чем в США и Японии.

Внешнеторговый оборот Китая за годы реформ вырос в 100 раз (8). Немалый интерес представляют и торговые партнеры КНР. Так, в 2008 г. товарооборот со странами ЕС составил 425,58 млрд долл. (19,5% роста), с США – 333,74 млрд (10 %), с Японией – 266,78 млрд (13%), с Индией – 51,78 млрд долл. (34% роста). Товарооборот с Россией в 2008 г. исчислялся 58,8 млрд долл. при отрицательном сальдо для нас в объеме чуть больше 9 млрд долл.

Пока Китай вынужден мириться с тем, что его собственные технологии составляют лишь 15–20%, а 75–80% – иностранные. Однако китайские власти в рамках поставленной XVII съездом КПК (2007) задачи добиться к 2020 г. четырехкратного роста ВВП (отсчет ведется с начала нового столетия) и создания «экономики знаний» намерены поменять указанную пропорцию местами в пользу собственных технологий. И, вполне возможно, что эта задача будет решена, учитывая с какой серьезностью и настойчивостью Пекин относится к развитию человеческого капитала и формированию инновационной экономи-

8. http://www.strana.ru/doc.html?id=135863

ки. Так, на ИР в Китае тратится в год уже около 2% ВВП – сумма, значительно превышающая аналогичные показатели в других странах БРИК.

Об экономических достижениях России за годы реформ говорить особенно нечего. После обвала экономики в 1990-е годы лишь к концу 2007 г. ВВП вышел на уровень 1990 г. и составил 32,988 трлн руб. за счет резкого повышения цен на экспортируемые углеводороды. ВВП в 2008 г. поднялся до 41,5 трлн руб.

Однако в 2009 г. произошло его падение на 7,9% – самое глубокое падение ВВП среди 20 быстро развивающихся стран (G-20). Но даже при огромном притоке в страну нефтедолларов, физический объем добычи углеводородов рос медленно при многократном росте издержек, а по важнейшим показателям жизнедеятельности Россия с каждым годом откатывалась назад.

И хотя это выходит за рамки основной темы статьи, выскажу некоторые соображения по поводу программы модернизации, к реализации которой нас призывает президент Дмитрий Медведев и успех которой, на мой взгляд, зависит от нескольких условий. Во-первых, она должна стать «мобилизационно-прорывной», без сверхусилий тут не обойтись. Во-вторых, субъектом ее реализации может быть только весь народ, осознавший угрозу неминуемого распада страны, если не будет создана новая, несырьевая, экономика. В-третьих, необходимы новая социальная и экономическая политика и новая команда исполнителей: не сырьевиков и не силовиков, а технократов. В-четвертых, нужна сильная власть, которая на деле способна справиться с коррупцией, преступностью и произволом и установить, наконец, законность и порядок в обществе. При инерционном же сценарии развития Россия, как подчеркивают едва ли не все крупные ученые, окончательно скатится на задворки мировой цивилизации.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – 224 с.

2. Исаев А.В. Китайский менталитет (http://delighta.ru/countries/china/kitakslijme)

3. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. – М., 2007. – 224 с.

4. Малявин В.В. Основные черты китайской культуры (http://www.krmasters.ru/stay/bookof-month/kitayupravlaemy.php?ELEMET_ID=61)

5. Мясников В.С. Об образе Китая // Магазета. – 2007. – 16 июня (www.Magazeta.com/columns/Gleb_Fedorov/).

6. Овчинников В.В. К истокам Китайского чуда. http://kreml.org/media/2224823987

7. Овчинников В.В. От Маркса к Конфуцию // Российская газета. – М., 2007. – 25 октября.

8. Овчинников В.В. Шестидесятилетие КНР: уроки для России // Российская газета. – М., 2009. – 13 октября.

О.В. Бессчетнова

ЖИЗНЕННЫЙ КРУГОЗОР И ЦЕННОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ (ОПРОС В САРАТОВСКОЙ И ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТЯХ)[1]

Бессчетнова Оксана Владимировна – кандидат социологических наук, доцент Балашовского института Саратовского государственного университета.

Социологическое исследование, результаты которого представлены ниже, посвящено одной из наиболее актуальных проблем современности – проблеме толерантного сосуществования различных этнических и социальных общностей и направленного на это поликультурного образования и воспитания, особенно в детской и молодежной среде. Россия, являясь многокультурным обществом, испытывает особую потребность в новом мировоззрении, направленном на интеграцию культур и народов с целью их дальнейшего сближения и духовного обогащения. Справедлив вывод о том, что поликультурное образование предусматривает «вооружение учащихся умением критически анализировать любую информацию во избежание ложных выводов, формирование толерантного отношения к культурным различиям – качеств, необходимых для жизни в поликультурном мире» (1).

Для изучения уровня знания своей национальной культуры, ее роли в иерархии жизненных ценностей современной учащейся молодежи, выявления уровня толерантности к представителям других этнических групп в 2009 г. автор статьи провел анкетирование 309 школьников, студентов средних специальных учебных заведений и профессиональных училищ, проживающих на территории Саратовской и Волгоградской областей, на основе случайной выборки. В опросе принимали участие 45,9% девушек и 54,1% юношей в возрастном интервале 11–12 лет – 10,3%, 13–14 лет – 19,7, 15–16 лет – 51,1, 17–18 лет – 18,7%, из них русские составляли 87,3%, представители других национальностей (армяне, азербайджанцы, украинцы, татары) – 12,7%.

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ грант № 08.03–27307 а/В.

С целью выявления степени критичности в оценке своих действий и поступков в анкете присутствовал вопрос о соотношении достоинств и недостатков в структуре личности испытуемых. Отвечая на него, 61,5% респондентов отдали приоритет своим положительным качествам, 7,11 – отрицательным и 31,4% опрошенных затруднились ответить.

Большинство респондентов – 82,8% постоянно чувствуют поддержку со стороны своей семьи, лишь иногда – 13,9, указывают на ее отсутствие 3,2%. Что касается друзей, то на их помощь в трудных жизненных обстоятельствах, по субъективным оценкам опрошенных, могут рассчитывать 74,1%, на ее отсутствие указывают 18,2%, не уверены в своем ответе – 7,7%.

В случае возникновения каких-либо проблем в личном плане 60,1% подростков склонны винить «окружающих» и лишь 39,8%, «самих себя», что говорит о превалировании инфантильности, неумении отвечать за свои поступки и признавать ошибки.

Вместе с тем на вопрос анкеты «Готов ли ты выслушать точку зрения своих оппонентов в ситуации конфликта?» мнения молодежи разделились практически поровну: 45,6% дали утвердительный ответ, 46,6 утверждают, что «не всегда» и лишь 7,7% – «однозначно нет». Большинство респондентов 65% к авторитетному мнению прислушивается «не всегда», 22% – «часто» и только 13% «всегда, когда надо принимать решение». Можно утверждать, что большая часть молодежи, с одной стороны, считают себя взрослыми людьми, способными самостоятельно принимать решения, не спрашивая совета у взрослых (родителей, учителей, старших братьев/сестер и др.). С другой – более половины опрошенных склонны винить других в возникновении тех или иных проблем, с которыми они сталкиваются. Радует тот факт, что для большинства опрошенных – 74,8% авторитетом выступают «родители», а уже потом «друзья» – 16,8 (8,4% дали ответ «все», «никто»).

Весьма важным представлялось выявить, какое место в жизненном кругозоре молодежи занимает толерантность в качестве нового типа социальных отношений в среде взаимодействия различных культур при нерешенности и многочисленных социальных конфликтов на макро- и микроуровне в условиях роста нигилизма и нетерпимости в российском обществе. В связи с этим в анкету был включен вопрос о выявлении степени понимания учащимися самого термина «толерантность». В результате обработки данных были получены следующие результаты: ответ «не знаю» дали 47,3% респондентов, «способность отстаивать свое мнение несмотря ни на что» – 11,9, «способность быть терпимым, снисходительным к другим людям» – 40,8%. Можно делать вывод, что более половины опрошенных не только не имеют представления о смысле слова, но и, скорее всего, не руководствуются им в своих действиях.

Было весьма важным определить уровень знания детьми и молодежью основ своей национальной культуры. Один из вопросов анкеты включал информацию, касающуюся государственных символов страны и символов «малой родины», где человек родился и вырос. Герб, гимн и флаг в качестве основных государственных символов России назвали 73,5% респондентов; 26,5% – не знали об их существовании. Вместе с тем символическое значение цветов российского флага смогли правильно раскрыть лишь 31,8%, ответили неправильно – 15,5, а остальные 52,7% затруднились ответить. Понимание государственных символов «малой родины» оказалось для учащихся еще более трудным. Лишь 40,4% опрошенных смогли верно назвать цвета флага городов Балашова и Волгограда (в соответствии с территорией проживания), остальные 59,6% дали ответ «не знаю». Герб «малой родины» вызвал меньше затруднений у респондентов, доля правильных ответов на вопрос: «Что изображено на гербе г. Балашова (Волгограда)?» достигла 52,1%, неверный ответ дали 14,2% респондентов, 33,7% затруднились ответить. Данные факты говорят не только о слабой информированности учащихся, незнании ими истории своего родного города и края, отсутствии интереса к историческому прошлому, но и о практически полном отсутствии патриотического воспитания школьников и студентов, необходимости введения соответствующих дисциплин в школьную программу.

Кроме того, из анкетирования было выявлено, что более половины респондентов (64,5%) не смогли назвать национальности людей, которые проживают на территории их города, края или области, остальные 35,5% верно указали на существование таких этнических групп, как украинцы, татары, армяне, азербайджанцы, чеченцы, дагестанцы, евреи, немцы, корейцы и др.

На вопрос: «Чем, по-твоему, отличаются люди разных национальностей между собой?» были получены следующие ответы: «внешностью», «характером и манерой поведения», «индивидуальными особенностями», «языком», «цветом кожи», «обычаями», «верой», «религией». Большинство респондентов отмечают внешние отличительные признаки, не заостряя внимания на внутренних культурных различиях народов (их менталитете, нравах, традициях, вероисповедании, историческом прошлом и т.д.). Следует отметить, что 77,5% из числа опрошенных указывают на наличие у них родственников, друзей, знакомых другой национальности, 20% говорят об их отсутствии, не смогли ответить на поставленный вопрос 2,5% молодежи.

Вместе с тем, несмотря на указанные различия между представителями разных национальностей, 53% опрошенных считают, что национальность человека не имеет решающего значения при общении с ним, 35,9 указывают на ее важность, 11,1% затруднились с ответом, 56,6% респондентов выражают нейтральное отношение к представителям других этно-

сов, 23,9 относятся к ним «с интересом», 16,8 – «отрицательно», 2,5% «испытывают страх и беспокойство».

Известно, что противоречия и конфликты на межнациональной почве, особенно на Кавказе, террористические акты, война в Чечне, рост мигрантов из стран СНГ, дискриминация русского населения за рубежом, – все это усилило шовинистические настроения в России, особенно среди молодежи, часть которой считает своим долгом «освободить русский народ от засилья иностранцев», выдвигая лозунг «Россия – для русских!». «Политизация национального делает «чужих» «врагами», «своих» «друзьями» (2). Рождается ксенофобия, которая трансформируется от привязанности к своему народу (национализм как любовь) к фанатической страсти (национализм как ненависть к «чужим»). Какова информированность молодежи в этой сфере? По данным опроса, о существовании «скинхедов» знают 58,5% опрошенных, «немного слышали о них» – 17,8, ответ «ничего не знаю» выбрали 23,7%. Вместе с тем отношение к их деятельности респонденты выразили следующим образом: понимают выступления «скинов» как борьбу за интересы людей своей национальности» – 28,3%, как «нарушение конституционных прав личности» – 22,8, «как преступление» – 18,6%, 30,3% молодежи относятся к ним индифферентно.

На вопрос анкеты: «Что, с твоей точки зрения, означает слово “экстремизм”»? большинство учащихся (77,4%) не смогли определить его смысловое значение, остальные отождествляют его с различными по смыслу словами: «проявление насилия между расами», «борьба людей за чистоту нации», «молодежное движение», «терроризм», «риск», «опасность», «потребность человека в острых ощущениях», «анархия» «очень плохое», «когда ничего не боится», «обезбашенные люди». С точки зрения Федерального закона № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с 29 апреля 2008 г.) к экстремизму, среди прочего, относятся: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии (3). Исходя из этого видно, что большинство респондентов довольно размыто представляют себе содержание понятия «экстремизм».

На наш взгляд, все полученные ответы можно сгруппировать в три блока: 1) понятия, которые действительно представляют собой характеристики или виды экстремистских действий («терроризм», «проявление насилия и агрессии между представителями различных рас и национальностей», «национализм», «враждебная деятельность», «совершение террористических действий на национальной почве»); 2) определения, проистекающие из этимологического значения слова «экстремальный», т.е. «крайний, необычный по трудно-

сти, сложности» (4) («быть экстремистом – значит совершать сумасшедшие поступки», «это люди, которые любят острые ощущения», «это риск», «это когда ничего не боится», «рискуя собой, совершать поступки для других», «риск человека при различных ситуациях», «что-то новое, возможно адреналин», «объединения людей, занимающихся деятельностью, опасной для жизни», «человек, который не боится страха», «это экстремальный вид спорта, например лыжи, лазание по горам»); 3) «интуитивные» определения, которые скорее основаны не на знании, а на ощущениях индивида («что-то плохое», «не знаю, наверное, связано с плохим», «очень плохое»).

На вопрос о субъективном ощущении респондентами своего уровня знания национальной культуры были даны оценки этого уровня как «высокого» (знаю многие национальные обычаи, традиции, обряды, фольклор и т.д.) – 13,9%; «среднего» (знаю некоторые обычаи и традиции, но не очень хорошо) – 68,3%; «низкого» (практически не знаю никаких национальных традиций и обычаев) – 17,8%. При ответе на вопрос: «Должен ли человек знать историю и культуру своей страны, родного края?» 86,4% ответили утвердительно, и лишь 13,6% опрошенных считают, что в этом нет необходимости. По мнению респондентов, основными субъектами, способными привить основы культуры современным подросткам и молодежи, являются родители (семья) – 60,8%, школа – 58,9, Интернет – 15,2, никто – 3,5% (предполагался выбор нескольких вариантов ответа).

Общий вывод на основе проведенного исследования достаточно очевиден: для сохранения и поддержания образцов национальной культуры, этнического самосознания народа необходимо, в первую очередь, целенаправленно прививать подрастающему поколению знания о национальных традициях, обычаях, фольклоре, способствовать сохранению особенностей национальной самобытности, языка, формировать чувство гордости и патриотизма за свою страну и свой народ, развивать морально-нравственные качества детей и молодежи, способствовать укреплению этнического самосознания, толерантному отношению к людям другой национальности. В связи с этим необходимо введение в национально-региональный компонент учебных планов школ, сузов, вузов, факультативных дисциплин, курсов по выбору, направленных на ознакомление молодежи с особенностями своей национальной культуры; поддержка молодежных общественных организаций и объединений, направленных на патриотическое воспитание молодого поколения; привлечение учащейся молодежи к изучению истории родного края; проведение городских межнациональных фестивалей, конкурсов с целью знакомства детей и молодежи с обычаями и традициями представителей различных этносов.

Литература

1. Бессарабова И.С. Современное состояние и тенденции развития политкультурного образования в США // Автореферат дисс. …док. пед. наук. – Волгоград, 2008. – С. 3.

2. Клочко Ю.Н., Клочко А.Ю. Патриотизм и национальная общность (социально-философский анализ) // Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарные науки», Вып. № 10. – 2003, Ставрополь.

3. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114–ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30, – Ст. 3031.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2008. – С. 908.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Г.Н. Василевич

НОВАЯ ЖИЗНЬ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Василевич Георгий Николаевич – кандидат экономических наук, директор Пушкинского заповедника.

Весть о высылке Пушкина из Одессы в Михайловское ужаснула его друзей. Она последовала из-за конфликта поэта с графом М.С. Воронцовым, губернатором Новороссийского края и Бессарабии.

Глубоко возмущенный решением властей Вяземский писал тогда Тургеневу: «Кто творец этого бесчеловечного убийства, или не убийство – заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской? Да и постигают ли те, которые вовлекали власть в эту меру, что есть ссылка в деревню на Руси? Должно точно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина!»[1]

Не зря так встревожились за поэта друзья. Сколько критических и невыносимо трудных ситуаций пришлось пережить ему поначалу в Михайловском. Это и разрыв со шпионившим за ним отцом, едва не приведший к катастрофическим последствиям, и обида на друзей в Петербурге, и «бешенство скуки» его «нелепого существования», и самое страшное – постоянный гнет мысли о бессрочности ссылки. В отчаянии он напишет тогда Адеркасу, псковскому губернатору: «Решился просить Императорское Величество перевести меня в одну из крепостей…»[2]

Поздней осенью 1824 г. все семейство Пушкиных уезжает в Петербург. Пушкин остается один в глухой псковской деревне. И всем своим миром – природой, общением с простым народом, его бытом, мудростью и спокойствием она пробуждает всю силу его поэтического дарования. Пушкин устоял, выжил, вопреки всем обстоятельствам. За два года ссылки в Михайловском (1824–1826) им было написано более ста произведений, в

1. Цит. по: Иван Новиков. Пушкин в изгнании. – М., 1954. – С. 393–394.

2. Цит. по: Глушкова В.П. Псковская земля. – М., 2009. – С. 225.

числе которых – «Пророк», «Поэт», «Разговор книгопродавца с поэтом», «Зимний вечер», «Признание», «Я помню чудное мгновенье». Завершена поэма «Цыганы», написаны центральные (деревенские) главы романа «Евгений Онегин», историческая драма «Борис Годунов», задуман роман «Арап Петра Великого».

«Поэзия, как Ангел-утешитель, спасла меня, и я воскрес душой», – напишет Пушкин позже об этом времени («Вновь я посетил… 1835).

Поистине он оказался «богатырем духовным». Да и сама усадьба, несмотря на все лихолетье, пронесшееся над ней, неоднократно возрождалась из запустения и пепла, словно сказочная птица Феникс.

Сегодня родовое поместье Пушкиных Михайловское является центром Пушкинского музея-заповедника, в который вошли также дворянские усадьбы XVIII в., имения близких друзей и дальних родственников поэта Осиповых и Вульфов – «Тригорское», родовое поместье Ганнибалов – «Петровское». В заповедник включены и старинные городища Савкино и Воронич, деревня Бугрово, где сегодня существуют два музея – «Водяная мельница» и «Пушкинская деревня». Каждое из этих мест было дорого и интересно Пушкину. Так, с обитателями Тригорского – семьей Осиповых-Вульфов – его связывала тесная дружба, которой Пушкин очень дорожил. Они станут первыми слушателями и ценителями многих новых произведений поэта. Общение с хозяйкой – Прасковьей Александровной и ее детьми, атмосфера, царившая в Тригорском, будут воспроизведены поэтом в стихотворении «Простите верные дубравы…» Ее дети, Алексей, Анна и Евпраксия, узнают себя в героях романа «Евгений Онегин». Тема экспозиции Тригорского литературно-бытовая, повествующая о «доме Лариных» и «очаге дружбы».

В тени старого парка расположилось «Петровское», родовое поместье предков Пушкина Ганнибалов. Здесь была построена первая барская усадьба прадедом поэта Абрамом Петровичем Ганнибалом, крестником царя Петра Первого, героем пушкинского романа «Арап Петра Великого». В начале XIX в. усадьба принадлежала двоюродному деду поэта Петру Абрамовичу Ганнибалу, который для Пушкина был одним из немногих живых свидетелей «истории своего рода», хранителем легенд и семейных преданий.

О роли, которую играла русская деревня и усадьба в жизни многих просвещенных людей начала XIX в., Пушкин расскажет в письме Владимира, героя из «Романа в письмах»: «Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-летнему камер-юнкеру: Петербург – прихожая, Москва – девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете».

Сегодня мы вправе называть Михайловское поэтической родиной Пушкина, его деревенским рабочим кабинетом. В него входят и окрестности Ми-

хайловского – луга, поля, холмы, «дорога, изрытая дождями», «холм лесистый», «огромный запущенный сад» и многое другое.

* * *

После Октябрьской революции, 17 марта 1922 г., постановлением Совнаркома (протокол № 849) села Михайловское, Тригорское и могила А.С. Пушкина на территории Святогорского монастыря были объявлены заповедными. Так на литературной карте нашего Отечества появился «Государственный заповедник “Пушкинский уголок”». В 1936 г. в состав заповедника была включена и вся территория Святогорского монастыря. Непростым в жизни заповедника был предвоенный период. А немецко-фашистская оккупация 1941–1944 гг. прошла по заповедным местам разрушительной бурей. К моменту освобождения от захватчиков в июле 1944 г. Михайловское, архитектурный комплекс Святогорского Успенского монастыря были разорены полностью. Окрестности повсеместно таили в себе смертельную опасность – мины, неразорвавшиеся снаряды, множество заграждений из колючей проволоки. Акт Государственной Чрезвычайной комиссии о разрушении Пушкинского заповедника был представлен на Нюрнбергском процессе.

В мае 1945 г. музей возглавил Семен Степанович Гейченко, без малого 50 лет он руководил восстановлением и развитием пушкинского уголка на Псковщине, воссоздавая в нем не просто историко-мемориальное пространство, но и ощущение живого присутствия А.С. Пушкина. С 1947 по 1986 г. были восстановлены усадьба «Михайловское», имения «Тригорское» и «Петровское», музей «Водяная мельница» в деревне Бугрово. Отреставрированы и восстановлены из руин Успенский собор и постройки Святогорского Свято-Успенского монастыря. За свой творческий вклад в развитие русской культуры музейщик, просветитель, писатель С.С. Гейченко первым из музейных работников Советского Союза был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

В начале 90-х годов XX в., после распада СССР, резко изменились экономические и социальные условия жизни наших людей, что не могло не сказаться и на развитии музея. Значительно упала его посещаемость (с полумиллиона до 90 тыс. в год), сократилось финансирование работ по благоустройству территории и ремонту зданий. Один за другим исчезали колхозы и совхозы, приходила в запустение земля, облик которой – часть пушкинского литературного ландшафта. Варварская порубка лесов, отданных на откуп дельцам «дикого капитализма», продажа и перепродажа земли, отъезд в поисках работы местных жителей в города, особенно молодежи, оказали разрушающее воздействие на жизнь музея и Пушкинского района. В исторических населенных пунктах началось неконтролируемое местной властью строительство, что в значительной степени нарушало режим использования охранных зон музея-заповедника.

В 1992 г. ансамбль Святогорского монастыря был передан в бессрочное пользование Русской Православной Церкви. Это привело к закрытию музейной экспозиции «Пушкин и Святогорский монастырь» в стенах обители. Для коллектива сотрудников Пушкинского заповедника наступило время серьезных испытаний. В условиях ускоряющегося распада хозяйственной жизни необходимо было сохранить единое духовное пространство заповедника, сохранить музей как учреждение. С этого в марте 1994 г. и началась моя трудовая деятельность в музее-заповеднике.

Первоочередной задачей стала забота о сохранении мемориальных пушкинских мест, т.е. закреплении за музеем пушкинского ландшафта, вне которого становилась бессмысленной любая музейная работа. Одновременно с разработкой концепции развития музея создается и его Ученый совет – союз специалистов, чьи профессиональные знания и опыт должны были помочь музею справиться с новыми задачами в новых условиях жизни. Научным коллективом музея совместно с Министерством культуры Российской Федерации, Департаментом культуры Правительства России, Комитетом по культуре Государственной думы была проделана кропотливая работа по подготовке документов и специальных законодательных актов, направленных на защиту заповедника. 20 февраля 1995 г. вышло Постановление Правительства РФ № 165 о придании Пушкинскому заповеднику нового статуса историко-культурного заповедника и мемориального ландшафтного пространства, что отражено в его новом названии – Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник). Территория музея увеличилась с 665,6 га до 9713 га, в нее дополнительно вошли многие территории.

Указом Президента РФ в декабре 1995 г. Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» был внесен в список особо ценных памятников культуры народов Российской Федерации.

В феврале 1997 г. Коллегией Минкультуры России была рассмотрена и утверждена «Концепция развития Пушкинского заповедника на 1996–2011 гг.», которая включила и Программу подготовки к празднованию 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина.

Осенью 1996 г. коллектив музея-заповедника приступил к осуществлению юбилейной пушкинской программы. До самого юбилея оставалось два с половиной года. Реализация всей программы завершилась только в 2007 г. За это время были отреставрированы и дополнены архитектурные ансамбли музеев-усадеб «Тригорское», «Михайловское», «Петровское», музейного комплекса «Бугрово». Проведены уникальные ландшафтные работы по капитальному ремонту и частичной реставрации усадебных парков, что позволило вернуть ряд исторических деталей – парковые пруды, аллеи, элементы парковой планировки – облику исторических усадеб XVIII–XIX вв. Впервые в Рос-

сии были осуществлены столь значительные по объему и сложности работы на территории провинциальных усадеб пушкинского времени.

Исторические парки Пушкинского заповедника помогают сохранить в полноте флору и фауну пушкинского уголка. Не одно столетие в Михайловском существует колония серых цапель. Мощное многоголосье соловьев, иволг, синиц, пеночек, скворцов, соек и аистов каждую весну оживляет музейное пространство. Зайцы, лисы, косули, горностаи, куницы, кабаны, а иногда волки, медведи и лоси также не обходят стороной заповедные угодья, находя в них порой спасение от преследования охотников. А богатство цветущих трав, лишайников и мхов, произрастающих в парках, лесах и рощах на территории Пушкинского заповедника поражает сегодня ученых-ботаников.

В 90-е годы XX в. и первые годы нового тысячелетия многое в Пушкиногорье происходило впервые. За краткие десять лет удалось капитально отремонтировать, отреставрировать и воссоздать более 50 построек. В числе возвращенных к жизни – «дом А.П. Ганнибала» в Петровском, церковь Святого Георгия на городище Воронич. Обрели свой первоначальный облик действующая водяная мельница в Бугрово и здание Колонии престарелых литераторов в Михайловском. Надо непременно отметить имена хотя бы некоторых людей, чьими стараниями были осуществлены работы: заслуженный строитель, ведущий реставратор исторических построек, человек с полувековым опытом работы – Анатолий Тимофеевич Васильев; издатель, меценат, главный ктитор Георгиевской церкви Анатолий Петрович Секерин, журналист, писатель, просветитель Василий Михайлович Песков, подаривший музею уникальных мастеров, запустивших древний механизм водяной мельницы. Трудами более двух сотен специалистов и мастеров Пушкинский заповедник обрел свой нынешний облик.

Впервые в музее-заповеднике были созданы различные службы: ландшафтно-парковая, хозяйственная, музейных территорий, музейной безопасности. Появился институт хранителей исторических памятных мест – древних городищ, курганов.

В десятки раз возрос объем повседневно исполняемых работ и уровень ответственности музея. Пушкинскому заповеднику в 90-е годы пришлось стать «районообразующим предприятием». Его бюджет превышает бюджет района, шестой части трудоспособного населения которого музей дает постоянную работу. Ежегодно благодаря деятельности Пушкинского заповедника в район привлекаются значительные инвестиции на развитие инфраструктуры туризма.

Но главное сокровище музея – это коллекция исторических предметов. В период подготовки к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина более трети всех экспонатов заповедника, особенно те, что находились в музеях-усадьбах, прошли реставрацию и специальную обработку для лучшей сохранности. Музейная коллекция предметов за минувшие 15 лет увеличилась в 4 раза!

За это время в бывших усадьбах Воскресенское, Дериглазово, Лысая гора проведены научные археологические, геодезические, ландшафтно-парковые исследования. Археологические исследования на городище Воронич вблизи Тригорского подготовили почву и документальный материал для восстановления Георгиевского храма.

В музее создана система инженерных коммуникаций, в его зданиях появилось отопление, водоснабжение, современная система охраны. Организованы автомобильные стоянки для туристских автобусов. В летнее время на каждой усадьбе работают кафе. Как часть музейно-усадебной среды были построены жилищно-гостевая и хозяйственная зоны Пушкинского заповедника.

Современное качество музея сделало возможным расширить объем экскурсионной работы. Ежегодно Пушкинский заповедник посещают около 300 тыс. человек. При этом большинство наших гостей принимают комфорт как должное, почти не замечая вкрапления современной жизни в XIX пушкинский век, радуясь причастности историческому наследию. Пушкинский заповедник – одно из немногих мест, где посетитель, гость, паломник путешествует во времени и пространстве. Это стоило обществу и государству 300 млн руб. Справедливости ради следует отметить, что объем частных инвестиций в немузейную территорию Пушкиногорского района превысил в 2005 г. названную цифру, а сегодня более чем в 2 раза ее превосходит.

Пушкинский заповедник был и остается крупнейшим просветительным и образовательным учреждением Псковской области. Специальную музейную работу дополняет деятельность в области художественного воспитания (десятки выставок в год, уроки для школьников, курсы по различным предметам), научно-просветительная работа (ежегодные конференции по различным областям знаний), исследовательские проекты в области изучения и охраны окружающей среды, ландшафтно-паркового искусства, биологии, ботаники, археологии, истории архитектуры, краеведения.

В 2001 г. творческий коллектив, возглавлявший работы по реставрации и реконструкции Пушкинского заповедника, был удостоен звания лауреатов Госпремии РФ в области литературы и искусства и архитектуры. В число лауреатов вошли директор музея С.С. Гейченко (1903–1992 гг., посмертно) и директор музея с 1994 г. Г.Н. Василевич, замдиректора по реставрации О.И. Чужикова и хранитель усадьбы «Петровское» Б.М. Козмин В этом же году высокое качество реставрационных работ в Пушкинском заповеднике отмечено Первой премией и Золотым дипломом на Всероссийской выставке Союза архитекторов России.

С 1995 г. музей активно издает свою книжную продукцию: буклеты, путеводители, видеофильмы, рассказывающие о Пушкинском заповеднике, о жизни поэта в Михайловском. С 1996 г. регулярно выходит в свет научно-просветительный сборник «Михайловская пушкиниана», представляющий

итоги научно-исследовательской, архивной, просветительной и творческой работы музея. На сегодняшний день вышло 49 его выпусков. Отдельные издания представляют материалы научных конференций и семинаров, которые проводятся в заповеднике не менее пяти раз в году.

Это «Михайловские чтения», «Чтения памяти С.С. Гейченко», «Онегинские чтения» в Тригорском. А с 1999 г. в музее реализуется проект «Пушкин и… другие». В его рамках проводятся конференции «Пушкин и Шекспир», «Пушкин и Данте», «Пушкин и Сервантес», «Пушкин и поэты Серебряного века» и др. В проекте принимают участие ведущие ученые из России, Италии, Франции, Германии, Великобритании, США, Китая и Японии.

В предъюбилейный пушкинский период переиздавались воспоминания о поэте и местах его пребывания – «Дневник Ивана Лапина», «Дневник Леонтия Травина», «Михайловская лирика А.С. Пушкина». В той же серии из печати вышла книга Е. Лысюк о растительном мире пушкинского Михайловского – «Пушкинский вертоград».

К 2003 г., 100-летию со дня рождения легендарного Хранителя Пушкинского заповедника С.С. Гейченко, была разработана специальная программа, частью которой стали издания книг «Домовой» В. Курбатова, «Как у вас в Михайловском…» и «А у нас в Михайловском, или Домашняя история Пушкинского заповедника в переписке С.С. Гейченко и В.М. Звонцова», фотобуклет «Хранитель». В течение последних пяти лет музеем издается серия художественных альбомов «Святогорская галерея», представляющая музейные коллекции и творчество художников, глубоко интересующихся пушкинской тематикой. Сегодня уже вышло из печати 47 альбомов.

«Творить красоту» – так в свое время С.С. Гейченко определил повседневный труд в музее. Сегодня музей располагает научно-культурным центром с театральным залом на 500 мест, конференц-залом на 120 мест, десятью выставочными залами, удобными для проведения разнообразных культурно-массовых мероприятий. Подобные мероприятия составляют «Календарь главных научных и культурных событий» Пушкинского заповедника на каждый год. Событие, без которого невозможно представить сегодняшнюю жизнь музея-заповедника, это Всероссийский пушкинский праздник поэзии в день рождения поэта.

В последнее десятилетие Пушкинский заповедник устраивает профессиональные и любительские театральные фестивали и фестивали музыкальных коллективов: «Затеи сельской остроты», «Псковские жемчужины», «Август». Реализуются международные проекты молодежных театральных групп и поэтических объединений, а для школьников в дни осени проводится Всероссийский детский литературный фестиваль «Мой Пушкин». К этим мероприятиям добавляются усадебные праздники – «День рождения Надежды Осиповны Пушкиной» и «Михайлов день» в Михайловском, «Татьянин день» и «Егорий

Вешний» в Тригорском, «Петр и Павел» в Петровском. И это далеко не полный перечень того, что предлагается музеем-заповедником посетителям.

Есть еще и встречи с поэтами, писателями и художниками. Например, в 40-летний юбилей Всероссийского Пушкинского праздника, который отмечался 3–4 июня 2006 г. выступили поэты В. Костров (председатель Международного Пушкинского комитета), А. Кобенков, С. Чупринин и многие другие известные мастера слова. Вел поэтическую встречу критик, член Академии современной русской словесности В.Я. Курбатов.

В научно-культурном центре Пушкиногорья актеры Санкт-Петербургского театра поколений им. Корогодского показали спектакль «Песни западных славян», прошли сольные концерты Рената Ибрагимова, Олега Погудина и Андрея Макаревича. Во время праздника работали художественная выставка «Мир забытых вещей» и персональная экспозиция Э. Насибулина «Италия златая». Состоялась Святогорская ярмарка мастеров народного творчества.

Уже несколько десятилетий реализуется проект «Доброхоты в Пушкинском заповеднике». Каждое лето в Пушкиногорье съезжаются более тысячи школьников и студентов из разных городов России и зарубежья. Между доброхотскими отрядами проводятся интеллектуальные турниры, спортивные состязания, литературные конкурсы. Они снимают любительские фильмы по произведениям А.С. Пушкина, пишут доклады, лучшие из которых представляются на ежегодной музейной конференции. С подачи С.С. Гейченко, эта работа в заповеднике зовется «пушкинской прививкой» для ребят.

Ученый совет, состоявшийся в ноябре 2008 г., рассмотрел и одобрил концепцию развития Пушкинского заповедника на 2009–2037 гг. Потребность в ней появилась потому, что ранее намеченные планы, связанные с юбилеем поэта, уже исполнены. Столь долгая перспектива концепции также неслучайна, предстоит сделать еще очень многое. В марте 2010 г. Пушкинскому заповеднику исполнится 88 лет, в нем сегодня трудятся почти 600 человек. В 2011 г. будет отмечать свое столетие музей-усадьба «Михайловское».

Разговор о планах музея – это отдельная тема. И нам, музейщикам, и всем нашим партнерам в государственно-частном эксперименте, куда стремительно вводят культуру правительственные распоряжения и разрабатываемые законы, нельзя забывать ту мысль, которая еще в пору 200-летнего юбилея со дня рождения поэта доказала свою правоту: «Пушкин существует вне юбилеев!»

П.М. Шульгин

ДРЕВНИЙ БОЛГАР – УНИКАЛЬНАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ТЕРРИТОРИЯ НА КАРТЕ РОССИИ

Шульгин Павел Матвеевич – кандидат экономических наук, заместитель директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Древний город Болгар – это археолого-архитектурный ансамбль, что стоит на берегу Волги и хранит следы древнего государства, которое сосуществовало с Киевской Русью. Историческое место, представляющее удивительно интересный объект культурного наследия на территории нашей страны, почти неизвестен широкому кругу россиян[1].

Болгарский музей-заповедник, в задачу которого входило сохранение древних памятников и их окружения, был создан в Республике Татарстан в 1969 г. В последние годы были предприняты усилия превратить его в научный, туристический и культурно-просветительский центр. Это особенно важно, потому что сегодня в стране фактически нет достойного музейного и туристического центра, связанного с древней историей исламской составляющей российской цивилизации.

По своей давности, наличию интересных памятников и их аутентичности, пожалуй, именно Болгару под силу решить подобную задачу. На территории музея-заповедника (как, например, на территории древней Помпеи) открыты многочисленные археологические и архитектурные памятники, реконструирован исторический ландшафт, формируются оригинальные музейные экспозиции. Древний Болгар, ровесник Киева и Великого Новгорода, служил местом, через которое пролегали международные торговые пути, где древние минареты мусульманских мечетей соседствовали с христианскими

1. Часто встречается также написание «Волжская Булгария», «Булгар», однако в последнее время у специалистов принято написание через букву о.

храмами, может стать сегодня одним из привлекательнейших мест на культурной карте России, и первые работы в этом направлении уже начались.

Болгар – один из древнейших центров цивилизации на территории нашей страны. В период раннего Средневековья на Средней Волге и в низовьях Камы складывается одно из первых в Восточной Европе раннефеодальных государств – Волжская Болгария. В VIII в. с низовий Волги, с приазовских степей сюда переселяются полуоседлые племена болгар (часть из них ушли на запад, на территорию современной Болгарии и дали имя этой стране). Начиная с X в., в Волжской Болгарии развиваются феодальные отношения, возводятся замки с зависимым сельским населением в округе, налаживаются связи с соседними государствами, в том числе и с русскими княжествами.

В 922 г. болгары принимают ислам, и Волжская Болгария становится самым северным форпостом мусульманского мира.

Волжская Болгария входила в число государств, контролировавших торговлю на Волге. Через нее проходило северное ответвление Шелкового пути. На земле Волжской Болгарии уже с X в. по верхневолжскому пути устанавливаются политические и экономические связи с Русью, со странами Кавказа и Средней Азии, а через них – со странами Ближнего Востока. В XII в. партнером и конкурентом Волжской Болгарии становится Владимиро-Суздальская Русь. Болгар был значительным торговым и ремесленным центром, здесь было развито кожевенное и ювелирное дело. Город стал одним из центров производства бронзовых круглых зеркал и замочков в форме животных. О тесных экономических связях свидетельствуют находки болгарских вещей в землях Руси и изделий русских ремесленников в болгарских владениях.

Фактически Болгар стал первой столицей Золотой Орды. В середине XIII – первой половине XIV в. он переживает период расцвета. К этому времени город расширяет свои границы, в нем развиваются разнообразные ремесла, сооружаются монументальные здания. Формируется новый центр города, где строится большое здание Соборной мечети с минаретом, ставшей на протяжении XIII–XIV вв. главным культовым зданием Болгара и его архитектурной доминантой. Соборная мечеть с Большим минаретом составляли часть большого комплекса, куда входили Восточный и Северный мавзолеи, несохранившийся ханский дворец. В настоящее время сохранились руины стен, угловых башен, оснований портала и фундаменты колонн мечети, а в 1990-е годы был уже полностью восстановлен ее минарет.

В период расцвета Болгар отличался высоким уровнем благоустройства. Археологи выявили гидротехнические сооружения города, состоящие из водосборных бассейнов, колодцев и канала.

В XIV в. Болгар был разрушен Тимуром, а в 1431 г. рязанец Федор Пестрый совершил поход на болгар, «воева их и всю землю их отняша». В результате этого похода город был окончательно разорен. После паде-

ния Болгара центр экономической и политической жизни этого региона сместился на север – в Рязань.

В XVI в. земли Волжской Болгарии вошли в состав России. Во второй половине XVII в. по приказу Алексея Михайловича было начато строительство Закамской оборонительной линии. Богатое черноземами Закамье стало быстро заселяться русскими, татарами из Прикамья и Мещерского края, чувашами и мордвой.

На месте древнего городища, где еще сохранялись в руинированном виде многие архитектурные постройки, был образован Успенский болгарский монастырь. Его основание по преданию связано с именем Петра I, который посетил развалины Болгара в 1722 г.. Успенская церковь, построенная в 1723–1734 гг. – единственное здание, сохранившееся из возведенных русскими монастырских построек. В те времена, когда еще действовал Успенский монастырь, использовались и многие постройки мусульманского времени. Так, Восточный мавзолей был перестроен и превращен в православный храм – церковь св. Николая.

В дальнейшем на этом месте возникло село, названное Болгары. Его можно найти на старых картах, планировка села сохранилась без значительных изменений до нашего времени.

В 1781 г. был образован Спасский уезд. Центром уезда стал небольшой город Спасск в устье реки Бездных. В начале XIX в. в окрестностях Спасска возникает Спасский затон для зимней стоянки и ремонта судов. После перехода Спасского затона во владения крупного акционерного общества «Кавказ и Меркурий» в XX в. оно превращается в одно из крупных предприятий на Волге. В 1930-е годы город Спасск был переименован в Куйбышев (всего в СССР помимо большого количества поселков и сел было даже три города, названных в честь этого государственного деятеля).

Интересна дальнейшая судьба города. В 1950–1954 гг. в связи со строительством Куйбышевской ГЭС многие прибрежные территории должны были быть затоплены, и Спасск–Куйбышев был перенесен на новое место. Территорией для нового строительства стали окрестности древнего Болгара. Однако древняя археологическая территория была объявлена государственным историко-архитектурным заповедником и сохранена. В годы перестройки татарский Куйбышев по воле местных жителей был переименован, и на карте страны вновь появилось это древнее географическое название – Болгар.

Результаты исследований, предпринятых археологами, историками, архитекторами, специалистами в сфере музейного дела, были использованы для разработки новой программы комплексного развития территории Болгарского музея-заповедника.

Болгарский музей-заповедник к настоящему времени сформировался как один из крупных музеев-заповедников на территории Российской Федерации

(всего в стране около 100 музеев-заповедников, но не все субъекты Федерации имеют учреждения культуры подобного рода). Его деятельность направлена на сохранение и восстановление объектов культурного наследия на своей территории, привлечение посетителей, обслуживание туристов, прием мусульманских паломников. Он также осуществляет многопрофильные научные исследования и культурно-просветительские мероприятия.

Современный Болгар – это обширное городище, окруженное валом (длиной более пяти км), где расположены архитектурные памятники XIII–XIV вв.: Соборная мечеть, Восточный и Северный мавзолеи, Ханская усыпальница, Малый минарет, Черная палата, Белая палата, Ханская баня и другие многочисленные археологические объекты.

Архитектурные объекты заповедника являются самыми северными в мире памятниками средневекового мусульманского зодчества, уникальными и единственными образцами архитектуры такого рода середины XIII–XIV вв. Они сохранятся как ценный исторический объект, свидетельствующий об исчезнувших государствах и их культуре (Волжская Болгария, Золотая Орда), оказавших значительное влияние на последующее развитие Поволжья и всей России.

У Болгарского музея-заповедника есть все основания стать одним из ведущих музеев-заповедников России, обеспечив его высокую привлекательность для посетителей из России и зарубежных гостей.

Для реализации намеченной программы необходимо следующее:

1. Учет и сохранение наследия на всем пространстве музея-заповедника, организация его территории на базе культурно-ландшафтного и функционального зонирования. Для этого намечаются археологические и природоведческие поисковые работы по выявлению новых памятников, научная реставрация и реконструкция изученных объектов (крепостные валы, жилые, производственные объекты на месте исторического города).

Так, за последние годы сделано важное археологическое открытие, обнаружен «ханский дворец», на месте которого ведутся археологические раскопки. Дворец представлял кирпично-каменное монументальное сооружение с угловыми башнями-пилонами. Расположен он на краю верхнего плато городища, в 90–100 метрах к северо-востоку от Соборной мечети. Накопленный раскопками материал позволяет соотнести время начала его строительства с серединой XIII столетия.

Очень перспективными представляются работы по изучению природного наследия этой территории: памятников природы и прибрежного волжского ландшафта. Здесь сохранились остатки ковыльной степи, небольшого леса (который может рассматриваться как аналог первичных лесов исторического болгарского времени), степные участки и редкие виды растений.

В перспективе вся территория музея-заповедника должна будет рассматриваться как единый культурно-ландшафтный комплекс, который включает не только археологические и архитектурные памятники болгарского и золотоордынского периода, но и более поздние наслоения, связанные с существованием православного монастыря и сохранившейся исторической деревни. Все это позволяет в будущем представить территорию Болгарского музея-заповедника в качестве объекта Всемирного культурного наследия по номинации «культурный ландшафт» (что более реально, чем включение в список Всемирного культурного наследия восстановленных и реконструированных памятников архитектуры древнего Болгара).

Территория музея-заповедника должна получить научно обоснованное районирование на зоны массового посещения и охраняемые участки, места развития туристской инфраструктуры и другие функциональные зоны.

2. Формирование новейшего музейного комплекса. На территории Болгара предполагается создание системы музейных экспозиций, которые должны отвечать всем новейшим мировым тенденциям. *Намечается формирование музейного комплекса из нескольких экспозиционных пространств, продолжением которых послужит маршрут по древним памятникам исторического городища* (своего рода музей под открытым небом).

В музейный комплекс должны войти следующие объекты: главное музейное здание; экспозиция у причала для информирования гостей, прибывших водным путем; этнографический музей с показом традиционного быта, с ремесленными мастерскими, объектами традиционной кухни и другими этнографическими достопримечательностями. Музей охватит также сохранившиеся архитектурные памятники, в частности небольшой участок древних валов, археологический раскоп (как самостоятельный и очень интересный объект показа). Музейные экспозиции не должны нарушать исторический ландшафт, поэтому намечается остекление ряда объектов, использование подземного пространства с музеефикацией археологических объектов (как в ведущих археологических музеях мира).

В перспективе будут созданы филиалы музея-заповедника вблизи исторического Болгара. Два подобных филиала уже существуют – это краеведческий музей в Болгаре, содержащий информацию по уездному Спасску, а также археологический памятник – городище Сувар, находящееся в 60 км от Болгара. На пути из Болгара в Сувар находится еще ряд интересных объектов.

Самым крупным и интересным музеем за пределами болгарского городища может стать *Музей усадебной культуры в селе Антоновка (Бездна)*. На базе усадьбы Мусиных-Пушкиных может быть образован музейный комплекс. От помещичьей усадьбы сохранились почти все основные ее объекты: главный дом, два флигеля и хозяйственные постройки, система прудов и гидротехнических сооружений, усадебный парк, церковь. В главном усадебном

здании сохранились фрагменты интерьера: кафельные печи, деревянные лестницы, зеркала второй половины XIX в., фрагменты паркетных полов, там есть и старинная мебель. Сейчас его занимает школа. Нигде в окружении нет усадебного комплекса, подобного этому.

На его базе целесообразно создать Музей усадебной культуры. В главном здании следует провести реставрационные работы и восстановить интерьеры. Экспозиция музея может быть посвящена усадебной культуре и предметному быту, дворянским усадьбам, чьи владельцы были зачастую выдающимися людьми, представляли знатные дворянские фамилии. Размеры здания позволяют использовать его для проведения музыкальных вечеров и показа спектаклей. А в усадебном парке можно будет организовать катание на лошадях, в экипажах. Сегодня ведется реставрация здания православной церкви.

В Антоновке турист может провести практически целый день, включая вечерний спектакль или концерт. Это обстоятельство очень важно для организации туризма на базе Болгарского музея-заповедника.

Возможно также организовать музейный филиал в селе Три Озера. Здесь находилась усадьба Молостовых – одних из наиболее влиятельных помещиков Казанской губернии, конный и поташный заводы. Само место очень живописно и имеет древнюю историю, уходящую еще в староболгарское время. В окружении Болгарского музея-заповедника находятся и другие старинные села с остатками усадеб, валы и рвы Закамской засечной черты, полузатопленный старый Спасск и другие достопримечательности.

Создание системы различных музеев позволит достаточно равномерно распределить посетителей по территории музея-заповедника и избежать чрезмерных нагрузок на отдельные объекты. Оно позволит также задержаться туристу в этом месте на несколько дней, что обеспечит более эффективную в экономическом смысле организацию обслуживания, по сравнению с таковой в режиме нескольких часов.

3. Развитие музея-заповедника как туристского центра общероссийского, а в перспективе и мирового значения. Историческое значение Болгара и его выгодное экономико-географическое положение (волжский маршрут, надежная связь с Казанью) делают эту задачу выполнимой. Развитие получат культурный и научный туризм, сюда могут приезжать паломники (в частности, на ежегодный праздник – день принятия ислама).

Намечается строительство нового причала для приема туристов, путешествующих по речным маршрутам; создание визит-центра, гостиничной сети, отвечающей потребностям туристов и паломников.

Ожидаемый рост доходов от туризма будет обеспечиваться не только ростом общего числа посетителей, но и повышением качества обслуживания, предоставлением дополнительных услуг, организацией индивидуального туризма и т.п.

4. Становление музея-заповедника как центра социально-экономического развития окружающей территории. Комплекс историко-культурного наследия – это особый и очень важный экономический ресурс, он должен стать основой для особой специализации Спасского района, содействовать развитию местной экономики.

Деятельность музея-заповедника, развитие туризма, сферы услуг и социальной инфраструктуры способны дать значительный экономический эффект. Предполагается, что для обеспечения намеченной программы численность занятых в музее-заповеднике должна составить примерно 200–250 человек. Для обслуживания посетителей музея-заповедника (строительство и реставрация, сельское хозяйство, туризм и сфера услуг, транспорт) будет создано еще примерно 600–700 новых рабочих мест, и, что очень важно для этой части Республики Татарстан, послужит важным источником доходной части ее бюджета.

Ожидаемая социальная эффективность связана прежде всего с развитием культуры и туризма, духовного потенциала людей, с улучшением экологической ситуации и сохранением исторической ландшафтной среды, совершенствованием образования, экологического просвещения и пр.

На базе Болгарского музея-заповедника намечается сформировать Научный академический центр по изучению истории и культуры Волжской Болгарии. Это будет общероссийский научно-методический центр, координирующий исследования и оказывающий необходимую консультативную помощь всем российским регионам, на территории которых находятся объекты данного времени.

Намеченная стратегия развития Болгарского музея-заповедника позволит обеспечить решение следующих задач:

– создание туристского комплекса на территории Республики Татарстан;

– сохранение уникального для Республики Татарстан и для России объекта культурного наследия, который в перспективе может войти в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО;

– включение комплекса исторического Болгара в систему общероссийских и международных туристических программ;

– развитие общероссийского духовного центра мусульманских народов;

– создание научно-методического центра по изучению истории и культуры Волжской Болгарии, экономическому воспитанию и развитию краеведения;

– формирование особой культурной и туристской специализации Спасского района.

Развитие Болгарского музея-заповедника служит важным стимулом дальнейшего совершенствования регионального хозяйственного комплекса в целом.

Создание подобного центра находит полное понимание в Татарстане, где уже накоплен определенный опыт взаимодействия культуры и регионального

социально-экономического развития. В настоящее время на территории республики существуют шесть музеев-заповедников (Болгарский и Билярский археологические музеи-заповедники, Елабужский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, музей-заповедник «Казанский кремль», Иске-Казанский историко-культурный и природный музей-заповедник, историко-культурный музей-заповедник «Ленино-Кокушкино»). По их числу и качеству работы Татарстан занимает одно из ведущих мест в Российской Федерации. Развитие Елабужского музея-заповедника показывает, как сохранение и использование культурного наследия может обогатить и облагородить жизнь небольшого города.

Программа перспективного развития Болгарского музея-заповедника по времени совпала с новым проектом, запланированным в Министерстве культуры Республики Татарстан – проектом создания нового музея-заповедника на острове Свияжск. Именно Свияжск явился своего рода начальным пунктом русского заселения этих мест: благодаря строительству свияжской деревянной крепости увенчался успехом третий поход Ивана Грозного на Казань, здесь до революции существовали известные православные монастыри. Развитие в ближайшем будущем этих двух заповедников – мест сосредоточения мусульманской и православной культуры – не только укрепит культурный потенциал Татарстана, но и станет важным шагом в укреплении межкультурного общения народов России.

Т.В. Соколова

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ*

Соколова Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН.

В 2009 г. была зарегистрирована Новая экономическая ассоциация (НЭА) – неправительственная организация, стремящаяся консолидировать российских ученых-экономистов, укрепить связи между академическими институтами, образовательными учреждениями и исследовательскими экономическими центрами, повысить качество научных разработок и экспертизы, ускорить интеграцию российской экономической науки в мировой поток экономических исследований. Достижение этих целей чрезвычайно важно не только для ученых-экономистов, но и для бизнеса, для правительства и, в конечном итоге, – для всех россиян.

Список учредителей НЭА включает 27 организаций из Москвы, Волгограда, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Хабаровска и Уфы. Среди них – 11 институтов РАН, два неакадемических научно-исследовательских института, 14 высших учебных заведений. Президентом НЭА избран академик РАН В.М. Полтерович, председателем Исполкома – член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг.

Согласно Уставу НЭА, «индивидуальными участниками Ассоциации могут быть – ученые, занимающиеся научной деятельностью в области экономики. Граждане и организации могут принимать участие в деятельности Ассоциации путем внесения добровольных пожертвований и предоставления в безвозмездное пользование имущества». Несмотря на свою «молодость», НЭА объединила в своих рядах уже около 300 ученых-экономистов из более

* *В статье использованы тезисы доклада академика В.М. Полтеровича «Ассоциация и журнал: первые шаги и задачи на 2009 год», прочитанного на заседании Правления НЭА и Журнала НЭА 24 февраля 2009 г., интервью руководителей НЭА в центральных СМИ, а также материалы сайта НЭА http://|www/econorus.org*

чем 20 регионов Российской Федерации, а также государств ближнего зарубежья – Казахстана и Украины.

Создание Ассоциации явилось закономерным ответом на давно назревшую в России необходимость объединить ученых-экономистов и восстановить утраченное доверие к экономической науке. «Так получилось, что в 90-е годы она была задвинута на периферию общественных интересов, утратила свое влияние, авторитет и престиж. Самое главное, что население нашей страны стало относиться к экономистам, как к людям второго и даже третьего сорта, – отмечает заместитель председателя Исполкома НЭА, профессор А.Я. Рубинштейн. – В этом вина власти, ориентированной на иностранных консультантов и незаслуженно отвергающей отечественную науку. Отчасти это можно объяснить тем, что большинство достижений российской экономической науки относятся к тем временам, когда экономика была идеологически ангажирована: политэкономия, марксизм и т.д. В этом есть правда, но только часть правды. Потому что и в прежние времена были прекрасные исследования, выдающиеся экономисты, которые внесли огромный вклад в развитие экономической теории, науки и практики. Достаточно назвать А.М. Бирмана, А.Л. Вайнштейна, Л.В. Канторовича, А.Л. Лурье, В.В. Новожилова и многих других, умерших и ныне живущих, выдающихся экономистов, работы которых не забыты и постоянно цитируются. Как здесь не вспомнить и о блистательной плеяде экономистов начала XX в. – В.К. Дмитриеве, Н.Д. Кондратьеве, Е.Е. Слуцком, А.В. Чаянове и многих других. В начале 1920-х годов российская экономическая наука была на мировом уровне. Поэтому восстановление авторитета российской экономической науки – это не менее важная задача, которая стоит перед научным сообществом»[1].

Спектр направлений деятельности НЭА весьма широк: издание «Журнала Новой экономической ассоциации»; проведение Конгрессов (раз в три года), тематических конференций и круглых столов; экспертиза программ экономических курсов, содействие обмену информацией о качественных программах; содействие интеграции экономической науки и образования.

Одной из ближайших задач является создание Экспертного совета по экономическому образованию при НЭА. Его основной функцией будет экспертиза экономических программ и содержания отдельных учебных курсов. Лучшие программы планируется публиковать на сайте НЭА.

Кроме того, Ассоциация планирует осуществлять экспертизу проектов институциональных преобразований, создать экспертные советы по различным направлениям совершенствования институтов и российской экономической политики. Эта задача давно назрела, поскольку реформы обычно идут

1. Интервью А.Я. Рубинштейн в материалах пресс-центра РЭК-2009 (http://www/econorus.org/sab.phtml?id-59).

не так, как задумано, а часто и просто не удаются. (Примеры тому – монетизация льгот, нерешенные проблемы в сфере пенсионного обеспечения и здравоохранения.) После бюрократических согласований исходные идеи нередко искажаются до такой степени, что составители первоначального варианта открещиваются от авторства[2].

Одна из главных причин неудачи реформ состоит в отсутствии профессиональной, организованной по четким стандартам экспертизы. Новая экономическая ассоциация при тесном взаимодействии с Отделением общественных наук РАН, Ассоциацией независимых центров экономического анализа (АНЦЭА) и другими экспертными организациями намерена восполнить этот пробел, а также наладить систематическое информирование Правительства РФ и Парламента РФ о результатах экспертизы.

Среди ближайших планов НЭА – создание Фонда поддержки молодых ученых-экономистов. Предусмотрены консультации и лекции для аспирантов учебных заведений и исследовательских институтов РФ, организация Центра экономической аспирантуры при НЭА. И здесь, подчеркивает академик В.М. Полтерович, у НЭА есть четкие планы по совершенствованию общероссийских стандартов, требований к кандидатским и докторским диссертациям. В этом вопросе Ассоциация рассчитывает на тесное сотрудничество с Высшей аттестационной комиссией[3].

Особое значение руководство НЭА придает участию в работе международных ассоциаций. В частности, запланировано членство в International Economic Association, в Global Development Network, участие в их конференциях, сотрудничество с другими экономическими ассоциациями, а также с Economic Education and Research Consortium; участие в международных исследовательских проектах.

Помимо далеко идущих и масштабных планов, в арсенале Новой экономической ассоциации уже есть и серьезные достижения. Весьма плодотворным и насыщенным оказался первый год работы.

В январе 2009 г. был зарегистрирован печатный орган НЭА – «Журнал Новой экономической ассоциации», главными редакторами которого стали академик РАН В.М. Полтерович и профессор А.Я. Рубинштейн. В 2009 г. изданы первые два выпуска журнала (№ 1–2 и № 3–4). Журнал публикует статьи как теоретического, так и эмпирического характера по всем направлениям экономической науки. Особое внимание уделяется анализу процессов, происходящих в российской экономике.

В специальной рубрике «Горячая тема» размещаются материалы круглых столов, организованных журналом. В первом (сдвоенном) выпуске журнала

2. Российская газета (Федеральный выпуск). – 2009. № 5064 (240). – 15 декабря.

3. Там же.

опубликованы материалы круглого стола «Экономический кризис в мире и в России: причины, уроки, пути преодоления»; во втором – выступления участников круглого стола «Спад производства в России – причины и пути преодоления». Еще один круглый стол посвящен теме «Социальные последствия кризиса в России: какая антикризисная программа нам нужна?» Читатели журнала также могут ознакомиться с рецензиями и новостными материалами, посвященными научной жизни в России и за рубежом.

Журнал выходит ежеквартально на русском и английском языках. Объем каждого выпуска – 12–15 печатных листов. Английская версия журнала будет публиковаться на сайте http://journal.econorus.org и распространяться бесплатно в электронном виде, а русская версия – и в бумажном, и в электронном форматах. В ближайшее время предполагается введение подписки на журнал.

В 2009 г. НЭА приняла участие в организации ряда научных мероприятий – Вторых международных ялтинских чтений «Мировой экономический кризис» (5–7 мая 2009 г., Алушта, Украина), Первого всероссийского конгресса по эконофизике «Эконофизика, финансовые рынки, экономический рост» совместно с Финансовой академией при Правительстве РФ, Инвестиционной компанией «Еврофинансы» и Управляющей компанией «ИНТРАСТ» (3–4 июня 2009 г., Москва), VIII Международного симпозиума по эволюционной экономике «Эволюционная экономика и финансы: инновации, конкуренция, экономический рост» (18–20 сентября 2009 г., Пущино), а также Первого Российского экономического конгресса (РЭК–2009, 7–12 декабря 2009 г., Москва).

Одним из наиболее весомых и значимых мероприятий НЭА стал Российский экономический конгресс-2009, организованный при участии Секции экономики Отделения общественных наук РАН, финансовой поддержке Правительства Москвы и Президиума РАН. Председатель Организационного комитета Конгресса – вице-президент РАН, академик РАН А.Д. Некипелов, председатель Программного комитета – академик РАН В.Л. Макаров.

В работе РЭК–2009, который проходил в помещениях МГУ им. М.В. Ломоносова, приняли участие более 2 тыс. представителей академической и вузовской экономической науки, сотрудников независимых научных центров из 71 города России и 31 города ближнего и дальнего зарубежья, из более чем 100 научных организаций и около 250 вузов нашей страны. Было проведено 358 научных сессий в составе 18 программных круглых столов, 14 круглых столов конференции «Мировой экономический кризис», 32 программных секций, 15 тематических конференций, конференции молодых ученых и XVII Кондратьевских чтений. Всего было сделано около 1300 докладов.

Председатель Исполкома НЭА, член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг отметил, что впервые за последние 20 лет на одной площадке удалось собрать экономистов разных школ – от ультралибералов до бескомпромиссных

государственников. Особенно отрадно, что в дебатах на Конгрессе участвовали и молодые экономисты со всех концов страны.

Итак, сделан первый важный и весьма успешный шаг на пути реализации одной из главных целей НЭА – консолидировать ученых-экономистов различных научных школ и направлений на всем пространстве Российской Федерации; укрепить связи между академическими институтами, образовательными учреждениями и исследовательскими экономическими центрами.

Доклады участников охватили широкий спектр теоретических и прикладных проблем. Программа конгресса была составлена так, чтобы стимулировать дискуссию между экономистами, придерживающимися полярных точек зрения. По мнению президента НЭА академика В.М. Полтеровича, «открытый диалог состоялся. Он был чрезвычайно полезен и для нашей экономической науки, и для разработки стратегии выхода из кризиса и создания нового механизма долгосрочного экономического роста».

В 2009 г. НЭА удалось запустить собственный информационный интернет-проект http://www.econorus.org. Успешно работают сайты ассоциации и журнала, где оперативно публикуются новости ассоциации, анонсы и итоги научных мероприятий. Недавно была открыта новая рубрика «Форум», где размещаются материалы, посвященные обсуждению наиболее актуальных событий в научной жизни страны.

Очевидно, что успех разноплановой деятельности Новой экономической ассоциации как института гражданского общества и впредь будет зависеть прежде всего от готовности ученых-экономистов тратить свое время и силы на достижение целей НЭА, а также от готовности бизнеса, правительства и всех членов общества поддерживать ассоциацию – и материально, и морально.

Первый год работы показал, что число людей и организаций, готовых работать для ассоциации и оказывать ей поддержку, не преследуя при этом никакой материальной выгоды, достаточно велико. Спонсорскую помощь ассоциации и журналу оказывают Русский фонд содействия образованию и науки (Университет Дмитрия Пожарского), управляющая компания «Интраст», ООО «Глобал Менеджмент», ООО «Моет Хеннеси Уайтхолл Рус», ООО «Символ» (Самара).

Важно и то, что представители конфликтующих и конкурирующих научных организаций, различных научных школ выступили консолидированно как в процессе подготовки конгресса, так и в ходе работы над выпусками четырех первых номеров журнала. Такая готовность достаточно большого числа экономистов из «разных лагерей» работать совместно свидетельствует о том, что ассоциация действительно нужна обществу.

С.А. Ситарян

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

Ситарян Степан Арамаисович – академик РАН, советник Президиума РАН, президент Международной академии менеджмента.

Союз общественных объединений «Международная академия менеджмента» образована и функционирует с 1996 г. в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Академия объединяет представителей более чем 20 стран мира и осуществляет свою деятельность в рамках международного права, законодательства стран, на территории которых распространяется ее деятельность.

В настоящее время академия насчитывает 388 членов, в том числе 158 действительных членов, 164 члена-корреспондента, 41 индивидуальных и 25 коллективных членов. Ежегодно она пополняется на 30–40 человек, в том числе за счет победителей Российского конкурса «Менеджер года». Выборы в академию определяются исключительно достижениями претендентов в научной и практической работе.

Таким образом, академия представляет собой сообщество, обладающее достаточно мощным и уникальным научно-интеллектуальным потенциалом, объединяющее ученых-экономистов и ведущих руководителей всех сфер народного хозяйства.

Научно-исследовательская и практическая деятельность академии включает в себя десять направлений.

1. Создание условий и участие во всестороннем обмене идеями, опытом, знаниями, внедрение наиболее прогрессивных форм, соответствующих современным условиям и методам управления на макро- и микроуровнях.

2. Содействие проведению фундаментальных исследований в области менеджмента и предпринимательства, стратегии их развития.

3. Участие в прикладных научных исследованиях и разработках, в поиске новых форм конструктивного сотрудничества науки и практики управления.

4. Содействие интеграции науки и производства с целью эффективного обеспечения потребности общества во всех видах продукции и развития социальной сферы.

5. Разработка предложений по содержанию и организации высшего образования для подготовки менеджеров и предпринимателей.

6. Координация научно-методической деятельности по послевузовской подготовке, переподготовке, повышению квалификации и стажировке ведущего управленческого персонала, профессиональных менеджеров, предпринимателей и преподавателей.

7. Аттестация менеджеров и управленческого персонала с присвоением квалификации, соответствующей международным стандартам.

8. Создание и ведение банка данных кадрового обеспечения менеджмента с представлением необходимой информации членам академии (а через Интернет практически всем заинтересованным лицам).

9. Оказание юридической, консультативной и методической помощи.

10. Обобщение и распространение опыта работы академии.

С момента своего образования академия регулярно ведет методическую работу по перечисленным выше направлениям с целью создания благоприятной среды в обществе для успешной реализации приоритетных проектов и программ Российской Федерации.

Наиболее заметным событием в жизни академии стало ежегодно проводимое общенациональное мероприятие – Российский конкурс «Менеджер года». Управленческие кадры составляют золотой фонд нации, государства, от их профессионализма, умения творчески подойти к решению наиболее важных вопросов руководства во многом зависит настоящее и будущее страны. Проведением конкурса академия вносит свой вклад в решение этой общенациональной проблемы. Поддерживаемый Вольным экономическим обществом России и Советом Федерации РФ конкурс стал, по мнению видных экспертов, важным явлением в экономической жизни общества.

Конкурс проводится в два этапа. На первом этапе в конкурсе участвуют региональные организации Вольного экономического общества России, где выявляются победители в своем регионе. Второй этап проводится Российским оргкомитетом среди победителей региональных конкурсов. Сопредседателями оргкомитета Российского конкурса «Менеджер года» являются президент Вольного экономического общества профессор Г.Х. Попов и президент Международной академии менеджмента.

В состав жюри входят министры различных отраслей экономики Российской Федерации, руководители крупных предприятий, ведущие ученые, руководители экономических объединений, представляющие различные регионы страны. В конкурсах ежегодно принимают участие до полутора тысяч менеджеров всех уровней в различных отраслях и сферах деятельности, на

предприятиях всех форм собственности в более чем 30 регионах страны. Среди отобранных 150 претендентов определяется восемь абсолютных победителей и 90 победителей в 20 номинациях.

Итоги конкурса показывают, что Россия обладает значительным управленческим потенциалом, располагает большим количеством талантливых руководителей, владеющих всем арсеналом современных методов и средств управления. При этом важно, что академия не только выявляет высококвалифицированных руководителей, но и пропагандирует их бесценный опыт, делает его достоянием экономической общественности.

Информация о конкурсе и его победителях регулярно освещается в средствах массовой информации. Публикуются буклет «Победители конкурса “Менеджер года”», статьи о работе академии в журналах «Предпринимательство», «Человек и труд», «Труд за рубежом», «Бюллетень министерства труда и социального развития РФ», в газетах «Экономические новости», «Парламентская газета», а также в региональных и отраслевых изданиях и на официальном сайте академии.

В соответствии с Положением победители конкурса рекомендуются к избранию в действительные члены и члены-корреспонденты академии.

Важным направлением деятельности академии является научная и консультационная работа. В качестве примера можно упомянуть о проведенной в 2000 г. научно-практической конференции «Формирование условий устойчивого развития экономики России в XXI веке». В работе конференции приняли участие руководители государственных и общественных организаций, представители деловых кругов, банковских, торгово-промышленных и других экономических структур Российской Федерации, всего свыше 50 человек. Участниками конференции были рассмотрены и обсуждены важнейшие проблемы развития экономики страны, сформулирован ряд конкретных и актуальных предложений по выбору направлений, путей и способов возрождения и развития народного хозяйства в начале нового тысячелетия.

Наряду с обсуждением теоретических проблем академия проводит практическую работу в форме регулярно организуемых круглых столов**.** Руководитель круглых столов – президент академии.

На заседаниях круглого стола заслушиваются самые актуальные вопросы реформирования экономики страны. Среди обсуждавшихся в последнее время отметим следующие:

1. Россия в поисках третьего пути. Докладчик академик Д.С. Львов.
2. Опыт эффективного управления на предприятиях России.
3. Международные стандарты финансовой отчетности.
4. Антикризисная программа ОАО «Экстра М».
5. Система подготовки кадров на Чебоксарском ПО «Промприбор».

6. Новые тенденции в развитии образования.

7. Стратегический менеджмент: актуальные проблемы и новые направления.

По результатам обсуждения этих и других проблем разрабатывались рекомендации и инициативные предложения, которые направляются в Министерство экономики, Министерство финансов и Государственную думу РФ.

Важным направлением работы академии стало участие в Петербургском экономическом форуме, проводимым по инициативе Совета Межпарламентской ассамблеи, Совета Федерации Федерального собрания РФ и других организаций. Главная цель форума – расширение притока инвестиций в экономику России и СНГ, эффективная координация проектов и программ. В рамках форума академия принимала участие в работе круглого стола «Региональные особенности реформирования предприятий, привлечение инвестиций и продвижение инвестиционных проектов», проводимого Международным союзом экономистов и Вольным экономическим обществом России.

Международная академия менеджмента приняла активное участие в Пятом Международном конгрессе по региональному сотрудничеству по теме «Проблемы развития страхового рынка России и стран СНГ».

Ключевое значение в деятельности академии имеет работа **Совета по присуждению степени доктора экономики и менеджмента**. Важно отметить, что работы соискателей, представляемые на Совет, как правило, подготовлены на основе реального материала, касаются наиболее острых и нерешенных проблем производства, содержат интересные рекомендации и предложения. Исключительно полезной формой деятельности академии являются **научно-консультационные семинары** по проблемам внутрифирменного управления, организуемые и проводимые на базе завода «Волжский оргсинтез», являющегося коллективным членом академии.

Немаловажная часть деятельности академии – ее **издательская работа.** По результатам работы конференций, круглых столов, заседаний ученого совета публикуются сборники «Научные труды Международной академии менеджмента» и «Победители Российского конкурса “Менеджер года”». Они рассылаются в администрации регионов и областные отделения Вольного экономического общества России.

Регулярно обновляется и издается информационный справочник «Члены Международной академии менеджмента». Академия имеет свой сайт во Всемирной сети Интернет и канал электронной почты.

В организационном плане работа строится в строго определенном режиме. Академия проводит два ежегодных собрания в Кремлевском дворце; на них рассматриваются организационные проблемы, избираются новые действительные члены и члены-корреспонденты академии. Президиум проводит заседания один раз в месяц, где рассматриваются текущие вопросы и

принимаются решения по оперативной деятельности. Кроме того, Президиум академии регулярно проводит расширенные заседания на предприятиях Москвы (одним из них стало отмеченное выше мероприятие на Московской фабрике «Экстра М», где обсуждались конкретные предложения по выходу фабрики из кризиса).

Главная задача академии в настоящем и будущем – содействие созданию благоприятной среды в обществе для успешного выполнения приоритетных национальных проектов и программ.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Халлер М.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ПРОЕКТ ДЛЯ ЭЛИТЫ.

HALLER M. Die europäische Integration als Elitenproekt // Aus Politik u. Zeitgeschichte. – Bonn, 2009. – N 23/24. – S. 18–23.

Профессор университета в Граце (Германия) указывает на пропасть, разделяющую элиту общества и простых граждан, особенно в отношении к процессу европейской интеграции. Если первая защищает его, то в среде вторых существует относительное согласие, а часто просто скепсис. О пропасти свидетельствуют результаты репрезентативных опросов. Автор определяет элиту как слой влиятельных лиц, отмечая, что каждое современное общество нуждается в элите. Но в условиях демократии важно, чтобы выбор элиты, ее интересы, связи и поведение были доступны для общественного контроля.

Если *политические элиты* многих стран не могли проводить давно назревшие реформы, то со вступлением в ЕС это стало возможным. Членство в ЕС открыло для многих политических деятелей возможности карьерного роста, а получение огромных средств, которые выделяются Евросоюзом на аграрную и структурную политику, использовались, в том числе, для привлечения избирателей. Членство в ЕС привлекательно для политиков и по соображениям престижа: каждое заседание Совета Европы дает им возможность представить себя и свою страну на международной арене.

Для *экономической элиты* – предпринимателей, менеджеров и их сообществ – интеграционный процесс также создает преимущества. Расходы на сельское хозяйство являются самой большой статьей бюджета ЕС: в 2008 г. они составили 55 млрд евро. При этом только 1/3 прямых платежей шла малым и средним предприятиям, имеющим до 20 га; тогда как крупные предприятия от 100 га и более (их меньше 1% всех предприятий) получали 13% всех платежей (с. 20). Значительные платежи получают крупные производители продуктов питания. Такая аграрная политика поддерживается бюрократией ЕС, управлением и распределением средств занято около 5 тыс. служащих (с. 20).

Сегодня широко распространено мнение о том, что ЕС является неолиберальным проектом, хотя это верно лишь отчасти. Крупные промышленники и финансисты были сначала решительными сторонниками интеграции, поскольку Европейская комиссия (ЕК) намеревалась сделать их глобальными игроками на мировом рынке. На это были нацелены две стратегии: увеличение емкости внутреннего рынка и под-

держка семи научно-технологических инновационных рамочных программ, на которые выделялось более 50 млрд. евро (с. 20). Экономические элиты со времени основания ЕС являются его основной движущей силой, интересы этой группы представляют в Брюсселе 10–15 тыс. лоббистов (с. 20).

Чрезвычайно значимыми для развития ЕС являются такие ценности как экономический рост и повышение благосостояния, мир и демократия. При этом важно определить, лежат ли эти ценности в основе интеграционного процесса, и насколько они будут стимулироваться этим процессом и самой элитой.

За последние 50 лет Европа достигла большого прогресса, однако, не факт, что это – результат европейской интеграции. Если сравнить результаты развития ЕС с развитием США и Японии в 1995–2005 гг., то картина окажется не очень привлекательной. Только по одному из пяти важных показателей (экономический рост, инфляция, занятость, безработица и социальный стандарт) Евросоюз выглядит хорошо: по инфляции, он находится на втором месте после Японии; по экономическому росту ЕС и Япония находятся далеко позади США; по занятости и безработице ЕС занимает третье место (с. 21). Таким образом, европейская интеграция лишь в небольшой степени способствовала повышению темпов экономического роста.

Что касается такой ценности ЕС, как обеспечение мира, то эта область достигла безусловного прогресса. Основополагающим принципом ЕС является демократия. Каждая страна, которая стремится к членству в ЕС, должна выполнять строгие нормы. Лиссабонский договор даже усилил демократичный характер ЕС путем расширения прав Европейского парламента и введением прямых демократических процедур гражданской инициативы.

В заключение автор делает ряд замечаний о возможных направлениях реформы ЕС. Политическая система ЕС является системой согласования (Konkordanzsystem) в отличие от конкурентной системы, в рамках которой правительство и оппозиция ведут открытую и жесткую борьбу. В ЕС по всем важным вопросам переговоры ведутся до тех пор, пока не достигнуто всеобщее согласие. Хотя такая система не хуже конкурентной, но она может приводить к неоднозначным последствиям: в то время как сотрудничество между элитами хорошо функционирует, граждане имеют малую возможность оказывать политическое влияние на процессы в рамках ЕС. С этой точки зрения отличным образцом для ЕС является политическая система Швейцарии, поскольку она предполагает организацию регулярного всенародного голосования по важным вопросам. Халлер считает, что согласования в ЕС должны осуществляться во всех странах-членах к

единому сроку и по определенным правилам. Вопросы для согласования следует формулировать кратко и четко, а позиции сторонников и противников должны излагаться открыто. ЕС должен отказаться от провозглашения амбициозных, но нереальных целей, так как это усиливает недоверие населения. Вместо этого ЕС должен ограничиваться формулированием приемлемых рамочных условий, в рамках которых страны-члены смогут проводить свою автономную социальную политику.

В.И. Шабаева

Веркулон Т.

СЫРЬЕ, МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ГОСУДАРСТВА-РАНТЬЕ

VERCOULON Th. Matieres premières, régulation internationale et Etats rentier // Etudes. – P., 2009. – T. 410. – N 5. – P. 593–604.

Французский африканист анализирует проблемы добывающих отраслей в странах Африки и особенности государств-рантье.

Поскольку ни одна современная экономика не может функционировать без сырья, быстрый рост стран с формирующимся рынком (СФР) привел к сенсационному росту производства и цен на основные металлы и углеводороды. Африка – очень привлекательный регион с точки зрения сырьевых запасов (на континенте сосредоточено 30% мировых запасов руд с перспективами новых открытий) при незначительных регулирующих нормах (особенно социальных и экологических). Поэтому с середины 1990-х годов континент воспринимается как новое «нефтяное и рудное эльдорадо». Под воздействием иностранных инвестиций возобновился экономический рост в добывающую промышленность в Африке: в 2000–2006 гг. темпы роста составляли в среднем 5% в год (с. 593).

Постоянный рост цен на сырье, возникший в 1990-е годы и закончившийся с наступлением нынешнего экономического кризиса, привел к ситуации, сходной с ситуацией 1970-х годов. В тот период быстрое и легкое обогащение некоторых африканских стран укрепила на континенте модель постколониального государства-рантье. В настоящее время, в отличие от 1970-х годов, возобновление роста цен на сырье сопровождалось дискуссиями об использовании ренты и отказом от хищнического потребления природных ресурсов. Под воздействием выступлений экономистов и общественного мнения сформировались международные инструменты «правильного» управления сырьевыми ресурсами, однако попытки международного регулирования этого фундаментального для мировой экономики сектора наталкиваются на сопротивление со стороны государств-рантье.

Клуб государств-рантье в Африке вырос в основном благодаря разработке новых нефтяных месторождений. К прежним производителям нефти – Габон, Нигерия, Конго (Браззавиль), Камерун, Берег Слоновой Кости, Гана – присоединились Чад, Экваториальная Гвинея, Судан. Недавно началась добыча нефти на небольших месторождениях в Мавритании и Уганде. Тенденция к появлению новых африканских производителей нефти продолжится. Например, правительство Мавритании предоставило различным компаниям 40 участков для

геологоразведки (с. 594). Объектами геологоразведки также являются Гамбия, Эфиопия, Кения и ряд других стран. В 1995–2005 гг. в горнодобывающие предприятия также были вложены значительные средства. Так, Габон с китайским консорциумом инвестировал в добычу железной руды 2,7 млрд долл.; Демократическая Республика Конго привлекла американские инвестиции на сумму в 1,2 млрд долл. для разработки медно-кобальтового месторождения и т.д. (с. 595).

Благодаря нефтяному и сырьевому буму доходы государств-рантье (от прав на разведку, добычу и роялти) достигли миллиардов долларов. По данным Всемирного банка, в результате повышения цены нефти ВВП Нигерии вырос в 2004 г. до 71 млрд долл. против 58,4 млрд долл. в 2003 г.; в Алжире в 2000–2007 гг. доходы госбюджета увеличились в 2 раза, что позволило покрыть его дефицит и начать программы по замене оборудования (с. 595–596).

Однако увеличение доходов стран – производителей сырья не является синонимом развития: непредвиденные эффекты такого типа развития экономики хорошо известны как «проклятие природных ресурсов». Нефтяной и горнодобывающий сектора африканских стран подавляют их экономику. Так, в Гвинее на горнодобывающий сектор приходится 16% ВВП и 85% экспорта; нефть дает 95% доходов Экваториальной Гвинеи и 30–50% ВВП Алжира, тогда как промышленность только 10% (с. 596).

В «нефтяных» или «горнодобывающих» экономиках часто доминирует одна государственная компания, практически являющаяся движущей силой национальной экономики. Экспортные доходы оказывают «расхолаживающий эффект» на другие производства, из-за них страдает диверсификация экономики, добывающие отрасли иногда поглощают другие виды деятельности. Для политических режимов, использующих ренту для сохранения своей власти бесконечно долго, характерны непроизводительные расходы, раздутие штатов администрации, иррациональные и чисто престижные инвестиции.

Сырьевая рента позволяет поддерживать социальный консенсус в обществах с высокой степенью неравенства (например, с помощью социальных тарифов на товары широкого потребления или повышения заработной платы), финансовыми методами «душить» оппозицию. Исключительное долголетие некоторых африканских политических режимов основывается только на использовании ренты, что тем не менее не исключает реальные усилия властей по развитию национальной экономики.

В то же время государства-рантье страдают от бедности. В Нигерии, где на долю нефти приходится 40% ВВП, 95% экспортных доходов и 70–80% бюджетных поступлений, доход на душу населения в период 1965–2004 гг. сократился с 250 до 212 долл. Доля лиц, живущих менее чем на 1 долл. в день, увеличилась за 1970–2000 гг. с 36%

до 70%. Незаконное присвоение доходов от нефти с 1960-х годов оценивается в 50 млрд долл. В Анголе в 1997–2002 гг. «исчезло» 4,22 млрд долл. (с. 597).

Помимо роста бедности плохое управление рентой приводит как к парадоксальным последствиям (дефицит бензина в Нигерии, обеднение районов добычи из-за загрязнения и т.д.), так и к вооруженным конфликтам, таким как гражданская война в 1997 г. в Конго (Браззавиль), вооруженные столкновения между Камеруном и Нигерией, Габоном и Экваториальной Гвинеей и т.д.

Критика экономики, основанной на получении ренты, привела к поиску «просвещенного управления», которое позволит разрешить парадокс бедности в условиях изобилия. В 2003 г. Всемирный банк пришел к выводу, что основным фактором совершенствования добывающих отраслей является система управления. В качестве модели «правильного» управления углеводородами была взята Норвегия, ставшая нефтяной державой в 1980-е годы. Такое управление строится на прозрачности, использовании части доходов на местное развитие и создании фонда будущих поколений. Однако попытка внедрить эту модель в Чаде провалилась.

В мае 2000 г. для прекращения торговли бриллиантами, вывозимыми из зоны конфликтов, Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию в поддержку создания схемы сертификации необработанных алмазов, которая получила мировое признание. С ноября 2002 г. переговоры между странами-производителями, обрабатывающей промышленностью и гражданским обществом привели к созданию Кимберлийской схемы сертификации (Kimberley process certification scheme), позволяющей контролировать производство и коммерциализацию необработанных алмазов. Кимберлийский сертификат основан на принципе удостоверения источника происхождения алмазов страной, в которой они добываются.

В октябре 2002 г. в то время премьер-министр Великобритании Т. Блэр выступил с инициативой обеспечить прозрачность эксплуатации минеральных ресурсов (Initiative sur la Transparence des Industries Extractives, ITIE) на Саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге. Цель ITIE состоит в укреплении управления и повышении транспарентности в горнодобывающей отрасли.

Учитывая недавнее появление этих инициатив, их оценка преждевременна, однако уже можно сделать вывод, что участие в них некоторых государств и компаний носит показной характер, существует большая разница между словами и делами, завышаются влияние прозрачности и роль гражданского общества и т.д. Тем не менее хотя данные инициативы не смогли внести моральную составляющую в экономические отношения в сырьевом секторе, они способствовали распространению идеи о необходимости подотчетности и на-

шли отклик в африканском гражданском обществе, открыв новое поле для социально-политической борьбы.

Попытка организовать «правильное» управление нефтяной рентой в Чаде свидетельствует о сопротивлении государств-рантье введению модели легитимного управления сырьевыми запасами, которое воспринимается как ограничение государственного суверенитета. Если многонациональные компании ответили на недовольство существующим порядком концепцией социальной ответственности предприятий, государства-рантье отреагировали «ресурсным национализмом».

Государства-рантье действительно чувствуют себя обвиняемыми на международной арене; в период дорогой нефти их публичные разоблачения международными организациями получили поддержку западного общественного мнения. Но кампании за «правильное» управление сырьевыми ресурсами могут найти отклик и внутри стран-производителей, что гораздо больше беспокоит руководителей государств-рантье. Если мобилизующей идеей для Африки 1990-х годов была демократизация, то в ближайшее время ей на смену может прийти идея о прозрачности ренты. Государства-рантье очень чувствительны к политизации внутри страны идеи управления сырьевыми ресурсами и реагируют с помощью следующих стратегий: сплочение рядов для повышения своего веса на международных переговорах; пересмотр условий торговли для изменения направления давления; управление недовольством и опровержение аргументации, касающейся «плохого» управления.

«Молчаливая битва» между государствами-рантье и коалицией, выступающей за международное регулирование (неправительственные организации, институциональные дарители, некоторые страны Запада), свидетельствует о перестройке международных отношений, сформировавшихся под влиянием глобализации. По мнению автора, эта борьба является новой версией противостояния между Севером и Югом, сопровождающегося обвинениями в неоколониализме, которые стали дежурным ответом на попытки Севера организовать «правильное» управление сырьевым сектором стран Юга и подъемом «ресурсного национализма».

И.Ю. Жилина

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА ABSTRACTS

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Abstracts

В.Л. Иноземцев. История и уроки российских модернизаций
V.L. Inozemtsev. The History and Lessons of Russian Modernizations

Ключевые слова: модернизация, предпосылки модернизации, российская история, отставание, реформы, элиты, деградация элит

Key words: modernization, prerequisites of modernizations, Russian history, backwardness, reforms, elites, elite degradation

Исследователи все чаще выражают сомнения относительно успеха очередной попытки модернизировать страну, которая, если обратиться к истории, «модернизировалась» намного чаще других держав, но всякий раз – раньше или позже – отставала и вновь сталкивалась с необходимостью модернизации. У современной России имеются все объективные предпосылки для успешной модернизации, кроме одной, но самой важной: политической воли и заинтересованности элит и общества в модернизации.

Social researchers more and more often express doubts about the success of another attempt to modernize the country which, as history prompts, underwent «modernization» more often than other big states, but each time – sooner or later – lagged behind and demanded being modernized again. Present day Russia has all necessary prerequisites of successful modernization except one, but most crucial – political will and striving for modernization among the elites and society.

Т.А. Агапова. Экономический кризис в России и результативность государственной антикризисной политики
T.A. Agapova. The Economic Crisis in Russia and the Effectiveness of the State Anti-Crisis Policy

Ключевые слова: Россия в XXI в., экономический кризис, инфляция, стагфляция, монополизация, государственный долг, антикризисная политика

Key words: Russia in the 21st century, economic crisis, inflation, stagflation, monopolization, state debt, anti-crisis policy

Масштабы антикризисных мер в российской экономике соизмеримы с аналогичными расходами государства в постиндустриальных странах. Однако из-за значительной доли квазибюджетных издержек стабилизации степень предсказуемости результатов антикризисной политики в России более низкая, что повышает общую неустойчивость экономики. Ограниченность социально-экономических инноваций делает весьма проблематичной возможность вхождения российской экономики в новый этап научно-технического прогресса синхронно с большинством индустриальных стран.

The scale of anti-crisis measures in the Russian economy are comparable to those in industrial countries in respect to the state's expenditures. However, a considerable share of quasi-budget stabilization costs makes the effects of the anti-crisis policy less predictable which, in its turn, increases the economy's general instability. Limited social and economic innovations decrease a possibility for the Russian economy to enter a new stage of scientific and technological progress synchronically with the majority of industrial countries.

Е.Я. Виттенберг. Экологическая ответственность российского бизнеса
E.Ya. Vittenberg. Ecological Responsibility of the Russian Business

Ключевые слова: Россия в XXI в., предпринимательство, загрязнение среды, экологическая ответственность

Key words: Russia in the 21st century, entrepreneurship, business, environment contamination, ecological responsibility

В начале XXI в. российские предприниматели стали чаще говорить об экологической ответственности бизнеса как важной составляющей его социальной ответственности. Тем не менее компаний, стремящихся быть экологически ответственными на уровне международных стандартов, в России в лучшем случае несколько сотен, включая компании с иностранным капиталом. Современные российские бизнесмены недооценивают роль охраны окружающей среды для устойчивого развития бизнеса и в большей своей части стремятся не раскрывать какую-либо экологическую информацию.

At the start of the 21st century Russian business people began to speak more frequently about the ecological responsibility as part of social responsibility. Nev-

ertheless, companies striving to bear such a responsibility in accord to international standards number at best several hundred in Russia. Contemporary Russian entrepreneurs underrate the importance of environment protection for stable business development and mostly strive to hide any ecological information.

В.И. Волошин. Россия – ЕС: Жесткий прессинг энергодиалога
V.I. Voloshin. Russia and the EU: The Hard Press of the Energy Dialogue

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., ЕС, энергетическая политика, энергетическая безопасность, источники энергии

Key words: Russia, early 21st century, EU, energy policy, energy safety, energy sources

Основные импортеры энергоносителей на мировом рынке – ЕС, США, Китай, Япония – проявляют активный интерес к России как одному из главных поставщиков топлива и энергии. В зоне пристального внимания этих стран находится постсоветское пространство, где столкновение их интересов с интересами России может привести к серьезным конфликтам. Россия могла бы предложить ЕС разработать стратегию согласованных действий в четырех географических регионах бывшего Советского Союза: странах Балтии, Европейском, Закавказском и Центрально-Азиатском.

Main importers on the world energy market (EU, USA, China, Japan) are keenly interested in Russia as one of the chief suppliers of fuel and energy. Their interests spread to the post-Soviet space where a clash of their and Russia's intentions may lead to serious conflicts. Russia could propose that a strategy of agreed upon actions is worked out jointly to cover four geographical post-Soviet regions: the Baltic, European, Trans-Caucasian and Central-Asian.

Ю.А. Сафонова. Новая энергетическая политика европейского союза: Перспективы для стран «Новой» Европы
Yu.A. Safonova. A New EU Energy Policy: Prospects for «New Europe»?

Ключевые слова: ЕС, энергетическая политика, энергетическая безопасность, источники энергии, Восточная Европа

Key words: EU, energy policy, energy safety, energy sources, East Europe

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

Включение государств Восточной (или «Новой») Европы в реализацию новой энергетической политики ЕС осложняется рядом факторов. Во-первых, это обстоятельства экономического и финансового характера. Во-вторых, что более важно, сами ориентиры энергетической политики ЕС выработаны исходя из интересов стран «Старой» Европы и во многом не соответствуют интересам новых членов Союза. Тем не менее участие последних в энергетических инициативах ЕС предоставляет больше возможностей для маневра благодаря их выгодному геополитическому положению на транзитных путях с Востока на Запад.

The inclusion of the countries of Eastern (or «New») Europe in the implementation of the new EU energy policy is complicated by a number of factors. First, there are some economic and financial problems. Second, and that is more important, the energy policy was outlined in the interests of the countries of «Old» Europe and does not always correspond to the interests of the new members of the Union. Nevertheless, the latter's participation in the EU energy initiatives provides the Union with wider possibilities of maneuver due to their advantageous geopolitical location on the transit ways from east to west.

П.В. Гуничев, Э.К. Хижный. Теневая экономика и скрытая занятость в странах Западной Европы (1995–2005 гг.)

P.V. Gunichev, E.K. Khizhny. The Shadow Economy and Hidden Employment in the West European Countries (1995–2005)

Ключевые слова: неформальная экономика, теневая экономика, Западная Европа, начало XXI в., социальная политика, занятость, безработица

Key words: non-formal economy, shadow economy, West Europe, early 21st century, social policy, employment, unemployment

Теневая экономика как главный сегмент неформальной экономики в промышленно развитых странах играет важную роль как в жизни людей, так и в хозяйственном комплексе. Численность занятых в ТЭ в странах Организации экономического сотрудничества и развития оценивается в 48 млн человек, 30 млн из которых живут в Западной Европt. Сегодня формальная и неформальная экономика составляют двуединое товарное хозяйство любой цивилизованной страны независимо от общественного строя и уровня развития.

The shadow economy as the key segment of the non-formal economy in the developed industrial countries plays an important role in human life as well as the

national economy on the whole. The scale of employment in the OECD countries is evaluated at 48 mln people of which 30 mln live in West Europe. Today the formal and informal sectors make a two-part single commodity economy in any country irrespective of its social order and level of development.

М.Н. Арбатская. Национальная идея в национальных девизах
M.N. Arbatskaya. National Ideas in National Mottos

Ключевые слова: национальная идея, национальные девизы, национальные стратегии

Key words: national idea, national mottos, national strategies

Почти все национальные девизы объединяет позитивное содержание; форма политического режима в них не отражается. Национальные формулы за редчайшими исключениями не содержат возвеличивающих дефиниций «великий», «процветающий» и т.п. Повсеместные трудности на пути обретения общей государственности нашли отражение в частоте употребления понятия «единство», которое встречается примерно в 50 девизах.

Almost all national mottos are united by a positive content; they do not reflect forms of political regimes. National formulas with very rare exception do not contain aggrandizing definitions like «great» or «flourishing» etc. Common hardships on the way to acquiring statehood were reflected in the frequency of the notion «unity» which is found in about 50 mottos.

Н. Г. Кедров. Сталинизм и крестьянство: социокультурный анализ
N.G.Kedrov. Stalinism and the Peasantry: A Socio-Cultural Analysis

Ключевые слова: советское общество, советское крестьянство, коллективизация, сталинизм, репрессии, социальная психология, политические взгляды

Key words: Soviet society, Soviet peasantry, collectivization, Stalinism, repressions, social psychology, political attitudes

Сталинское государство посредством интеграции индивида в структуру своей деятельности добивалось общественной поддержки своих целей. В конечном итоге возникшая в 1930-е годы система отношений государства с ос-

новной массой населения страны придала известную стабильность советскому политическому режиму. Испытание войной подтвердило это хрупкое единство государства и общества. Однако это своеобразное равновесие не могло продолжаться сколько-нибудь долго. Активное воздействие сталинского государства на крестьянство вело к необратимым последствиям: массовому оттоку сельских жителей в города и изменению их социальной природы.

The Stalinist state tried to attain social support of its goals by the integration of an individual in the structure of its activities. Finally, the system of the state's relations with the greatest part of the population which arose in the 1930's gave a certain stability to the Soviet political regime. The trial by war confirmed this fragile unity of the state and society which could not last long. Powerful pressure of the Stalin's state upon the peasantry caused irreversible consequences: massive outcome of rural dwellers to cities and the change of their social nature.

Е.Ю. Зубкова. На «задворках» советской повседневности. Особенности государственной политики по отношению к социальным аномалиям и девиантным группам населения. 1945 – середина 1960-х годов

Ye.Yu. Zubkova. In the Backyard of Soviet Everyday Life (peculiarities of the state policy toward social anomalies and deviant groups of population, 1945 – mid – 1960's)

Ключевые слова: советское общество, повседневная жизнь, социальная политика, социальная структура, социальные аномалии, девиантные группы

Key words: Soviet society, everyday life, social policy, social structure, social anomalies, deviant groups

Борьба с социальными аномалиями нашла отражение в нормативных документах Советского государства, в практиках разработки законодательства, направленного против «антиобщественных элементов». Программа адаптации и «перевоспитания» асоциальных элементов – и в отношении отдельных групп, и в целом – не была свободна от принуждения и репрессий. Тем не менее она столкнулась с проблемой «сопротивления материала» – люди не спешили возвращаться в социум, а социум был не готов принять людей с «обочины».

The struggle against social anomalies was reflected in the normative documents of the Soviet state and practices of working out laws restraining «anti-social elements». The program of their adaptation and «re-education» was not free from com-

pulsion and repressions. Nevertheless, it met with resistance from people who did not want to return to the society, and the society was not ready to accept them back.

А.Г. Донгаров. СССР и страны Прибалтики (август 1939 – август 1940 гг.)

A.G. Dongarov. The USSR and the Baltic States (August 1939 – August 1940)

Ключевые слова: СССР, страны Прибалтики, Вторая мировая война, советско-германские отношения, мюнхенское соглашение

Key words: USSR, Baltic states, World War II, Soviet-German relations, Munich agreement

Планируя свои операции в регионе Прибалтики в 1939-1940-х годах, СССР исходил исключительно из соображений укрепления обороноспособности страны и если и рассматривал вариант советизации, то не как цель, а как вынужденное и крайнее средство для решения этой задачи. Прибалтийские страны не поняли этого во время критически важных переговоров о гарантиях их безопасности. Значительная доля вины за неуспех переговоров о коллективном отпоре агрессору лежит и на СССР, который в течение 20 предшествующих лет открыто провозглашал экспорт революции центральной идеей своей государственной политики.

Planning their operations in the Baltic region in 1939-1940 the USSR proceeded exclusively from the necessity to strengthen its own defense; even if sovietization of the Baltic states was contemplated at the time, it was considered as an extreme measure to ensure that goal under compelling circumstances. The Baltic states could not understand it during the crucially important negotiations about guaranties of their security. To a considerable degree the fault for the failure of these negotiations lies on the USSR which for twenty preceding years openly declared export of revolution a central idea of its state policy

А.А. Сальникова. Советское, постсоветское и национальное в татарском букваре «Алифба» (конец 1980-х − 2000-е годы)

A.A. Salnikova. The Soviet, Post-Soviet and the National in the Tatar ABC Book «Alifba» (the end of the 1980's – 2000's)

Ключевые слова: Татарстан, 1980–2000 годы, национальная культура, татарский язык, школьные пособия

Key words: Tatar Republic, 1980-2000's, national culture, Tatar language, school manuals

В связи с активной полемикой, развернувшейся сегодня по поводу так называемого «этнокомпонента» в федеральном образовательном стандарте, весьма важен вопрос об учебниках для начальной школы на национальных языках в Российской Федерации. Эти учебники подверглись − вместе со всеми российскими учебниками − существенному реформированию, направленному на избавление их от проявлений «советскости», и испытали идеологическое воздействие перемен в национальных регионах.

In connection with a vigorous discussions about the so-called «ethnical component» in the federal educational standards considerable importance is attached to manuals for elementary schools in the national languages of the Russian Federation. These manuals, as well as all Russian lesson books, were substantially revisited to be deprived of «Soviet traits» and ideologically influenced by political changes in the national regions.

А.В. Кива. Китай и Россия: Разные цивилизации, разные реформы
A.V. Kiva. China and Russia: Different Civilizations, Different Reforms

Ключевые слова: Китай, Россия, цивилизации, отсталость, реформы, модернизация
Key words: China, Russia, civilizations, reforms, backwardness, modernization

Многие аналитики указывают на чрезвычайно важное отличие россиян от китайцев. Как страна, отставшая в своем развитии, мы взяли на вооружение формулу «догоняющего развития», как и большинство других государств в сходной ситуации. Только несколько стран достигли поставленной на этом пути цели. Китай же, утверждают аналитики, никого не догоняет – он стремится восстановить свое былое могущество.

Many analysts point out an extremely important difference between Russia and China. As a country which lagged behind in its development, we employed the strategy of «catching up» like most of the states in a similar situation. Only a few of the latter reached their goals through this strategy. China, the analysts say, is not going to catch up anybody, it just strives to restore its past might.

ABSTRACTS

О.В. Бессчетнова. Жизненный кругозор и ценности учащийся молодежи (опрос в Саратовской и Волгоградской областях)

O.V. Besschetnova. Life Outlook and Values of Young Students (polls in Saratov and Volgograd Provinces)

Ключевые слова: российская молодежь, начало XXI в., жизненные ценности, Саратовская область, Волгоградская область

Key words: Russian youth, early 21st century, life values, Saratov Province, Volgograd Province

Проведенное исследование показывает необходимость целенаправленно прививать подрастающему поколению знания о национальных традициях, обычаях, фольклоре, способствовать сохранению особенностей национальной самобытности, языка, формировать чувство гордости и патриотизма за свою страну и свой народ, воспитывать толерантное отношение к людям другой национальности.

The study shows the necessity of educating the new generation so that they knew national traditions, customs and folklore, kept their national culture and language, felt proud for their country, were patriots and at the same time tolerant to people of other nationalities.

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурируют этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которым отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 – С. 2; 2) Петров П.П.. К вопросу о… // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о… // Сборник статей… / Отв. ред. Иванов И.И.. – М., 2012. – С. 7–27.

Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!

ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120–4514
E-mail: market@INION.ru

Россия и современный мир № 2-2010 (67)

Художественный редактор Т. П. Солдатова

Верстка Т. Н. Анохина

Корректор
О. П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 08.06.2010 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 16,8 Уч.-изд. л. 14
Тираж 900 экз. Заказ № 50

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9